

Министерство внутренних дел Российской Федерации
Нижегородская академия

**ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ
В ИССЛЕДОВАНИЯХ АДЪЮНКТОВ
И СОИСКАТЕЛЕЙ**

Сборник статей

Выпуск 25

Под редакцией
кандидата юридических наук, доцента Е.Е. Черных;
кандидата юридических наук И.М. Пшеничнова

Нижний Новгород
НА МВД России
2019

УДК 001.8

ББК 67

П78

Рецензенты:

доктор юридических наук, доцент *В.Ф. Лапшин*
(Академия ФСИН России);

кандидат педагогических наук *Р.С. Куликов*
(Казанский юридический институт МВД России)

П78 Проблемы юридической науки в исследованиях адьюнктов и соискателей: сборник статей. Вып. 25 / под ред. Е.Е. Черных, И.М. Пшеничнова. – Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2019. – 318 с.

В сборник включены научные статьи адьюнктов, соискателей и молодых ученых. Работы авторов отражают современные и перспективные проблемы развития российского права, в них затрагиваются многие нетрадиционные и оригинальные подходы к совершенствованию правовой сферы.

Ознакомление с материалами сборника будет полезно специалистам в области юриспруденции, а также всем лицам, интересующимся проблемами развития российского права.

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Нижегородской академии МВД России

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово заместителя начальника Нижегородской академии МВД России (по научной работе) <i>Евгении Евгеньевны Черных</i> к юбилейному двадцать пятому выпуску сборника «Проблемы юридической науки в исследованиях адъюнктов и соискателей».....	7
<i>Александрина Н.М.</i> Профилактика криминогенной виктимизации юридических лиц	9
<i>Арефьев С.А.</i> О практике закупочной деятельности в условиях существующей нормативной правовой базы, регулирующей закупки в оборонно-промышленном комплексе.....	16
<i>Ахраменков В.Н.</i> Система преступлений в сфере цифровой экономики	31
<i>Баранова Е.Г.</i> Классификация судебных правовых позиций в уголовно-процессуальном праве	44
<i>Благодатин А.Б.</i> Направления модернизации норм уголовного закона, связанных с институтом оконченного преступления	50
<i>Буцкова О.И.</i> Об оптимизации доказывания по уголовным делам о хищениях денежных средств с банковских счетов граждан, совершаемых с применением средств связи, сети «Интернет»	63
<i>Волкова А.Ю.</i> Уголовно-правовая конструкция согласия потерпевшего на причинение вреда	71
<i>Габоев Н.В.</i> Социально-экономические, правовые и иные пределы понимания коррупции в Российской Федерации	76
<i>Гарцева Ю.Ю.</i> Причинение физического вреда в Российской империи как элемент межличностных отношений	85
<i>Говорухина Ю.В.</i> Роль правовой стратегии в политике государства	89

<i>Грешнова Г.В.</i> О некоторых проблемах правоприменительной практики, возникающих при привлечении граждан, иностранных граждан и лиц без гражданства к административной ответственности в сфере миграционного контроля	92
<i>Гущин А.Ю.</i> О некоторых проблемах квалификации преступлений, посягающих на деятельность сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, по объективным признакам.....	98
<i>Жарков О.В.</i> Приоритет возмещения вреда, причиненного преступлениями в сфере экономической и иной предпринимательской деятельности, в принятии решения о прекращении уголовного преследования и освобождении от уголовной ответственности субъектами уголовно-процессуальной деятельности на стадии предварительного расследования уголовных дел	112
<i>Зайцев А.А.</i> К вопросу об уголовном преследовании	120
<i>Иваньшина А.Э.</i> Понятие «стимул» и «стимулирование» в уголовном процессе	129
<i>Ивенин В.О.</i> О правоприменительной практике в вопросе правомерного причинения вреда общественным отношениям в ходе осуществления оперативно-розыскной деятельности.....	136
<i>Исаенко А.Г.</i> О процессуальном руководстве как насущной потребности современного уголовного судопроизводства .	150
<i>Ковалев А.Ф.</i> Сравнительно-правовой анализ системы уголовных наказаний Российской Федерации и некоторых иных стран, представляющих романо-германскую правовую семью	159
<i>Кочнева А.А.</i> Абсолютный характер корпоративных правоотношений	170
<i>Круглова Д.В.</i> Иррациональные источники оценки допустимости доказательств в уголовном судопроизводстве	177
<i>Кучинская А.В.</i> Система процессуальных гарантий прав и свобод несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых, подсудимых.....	184

<i>Ламтева А.В.</i> Колесо правосудия и юридическая судьба лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве.....	191
<i>Магнутов Ю.С.</i> Особенности современной организованной преступности	201
<i>Майорова Ю.В.</i> Проблемные вопросы института административно-правовой преюдиции.....	207
<i>Мельникова Е.Ф.</i> Актуальный обзор проблем применения на практике норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих применение мер государственной защиты к участникам уголовного судопроизводства	210
<i>Момотова Е.П.</i> Развитие полицейского законодательства в период правления императора Павла I.....	216
<i>Морозов В.В.</i> Формы использования специальных познаний в выявлении и раскрытии экономических преступлений, совершаемых с использованием компьютерной техники и современных информационных технологий.....	222
<i>Муравьев М.В.</i> Гласное обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств как способ получения доказательств по уголовному делу	230
<i>Нефедьев А.С.</i> К вопросу о раскрытии убийств прошлых лет.....	238
<i>Пономарева Р.А.</i> Зашифровка цели с позиции системно-деятельностного подхода	248
<i>Пятьшев Я.С.</i> Порядок возбуждения уголовных дел о налоговых преступлениях необоснованно усложнен	254
<i>Сидоркин Ю.В.</i> Изменение характера деятельности политической полиции в условиях нарастания революционного движения в последней четверти XIX– начале XX вв	262
<i>Ситникова И.Л.</i> Конституция Российской Федерации. Нужны ли коррективы?	268

<i>Смирнова Ю.А.</i> О проблемах нормативного правового регулирования международного полицейского сотрудничества по вопросам розыска, идентификации лиц и предметов ...	276
<i>Собетова Д.Н.</i> Понятие и сущность оперативно-разыскного мероприятия «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств».....	282
<i>Соколов Д.В.</i> Судебная функция Правительствующего сената в Российской империи во второй половине XIX – начале XX века	289
<i>Терентьева К.В.</i> Понятие и виды освобождения от уголовной ответственности в законодательстве Российской Федерации	296
<i>Чукичева Н.В.</i> Объект преступлений, совершаемых в сфере закупок товаров, работ и услуг для государственных и муниципальных нужд	303
<i>Шипианов К.А.</i> Концептуальный плюрализм представлений о функциональности следователя	309

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

заместителя начальника

Нижегородской академии МВД России

(по научной работе)

Евгении Евгеньевны Черных

к юбилейному двадцать пятому выпуску сборника

«Проблемы юридической науки

в исследованиях адъюнктов и соискателей»

Исследовательская деятельность адъюнктов в процессе их обучения по программам подготовки научно-педагогических кадров, равно как и путь соискательства, приносит существенный вклад в реализацию Нижегородской академией МВД России своего научного потенциала в части воспитания нового поколения молодых ученых. Особого внимания заслуживает тот факт, что большая часть диссертационных исследований, защищаемых в диссертационных советах, функционирующих на базе Нижегородской академии МВД России, выполняется именно обучающимися в адъюнктуре.

Современная диссертация является изысканием, которое можно расценивать как решение серьезной научной проблемы, имеющее важное политическое, социально-экономическое, культурное или хозяйственное значение. На столь тернистом исследовательском пути адъюнкты и соискатели достигают значительных результатов, способных усовершенствовать обозначенные сферы научного познания. В этом ключе подготовленный сборник статей имеет особую ценность ввиду своей тематической разносторонности и насыщенности. Ознакомление с ним позволит гипотетическому читателю не только увидеть новые идеи и взгляды молодых исследователей, но также и определить перспективы формирования своих будущих авторских коллективов, в основе которых будут стоять общие интересы. Более того, можно спрогнозировать, что установленные таким образом профессиональные контакты и групповые связи будут

сохранены и через года, благодаря чему поколение молодых ученых, находящееся сегодня на этапе своего становления, в будущем составит основу нового научного сообщества и фундамент российской науки.

Издание сборника статей за авторством адъюнктов и соискателей на базе Нижегородской академии МВД России стало хорошей традицией, подтверждается это тем фактом, что издается уже двадцать пятый выпуск. Данное событие ознаменовывает и олицетворяет собой целую четверть века, в течение которой не одно поколение молодых ученых публиковало результаты своих творческих изысканий, тогда как сегодня многие из них уже стоят «на передовой» юридической науки.

Остается лишь пожелать успехов на научном поприще и плодотворной работы в процессе достижения истины и познания объективной действительности лицам, изъявившим желание принять участие в составлении представленного сборника, равно как и заинтересованным в нем читателям. Надеемся, что ознакомление с данным выпуском оставит у всех лишь положительные впечатления и создаст благородную почву для новых размышлений.

Н.М. Александрина,
адъюнкт заочной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России.

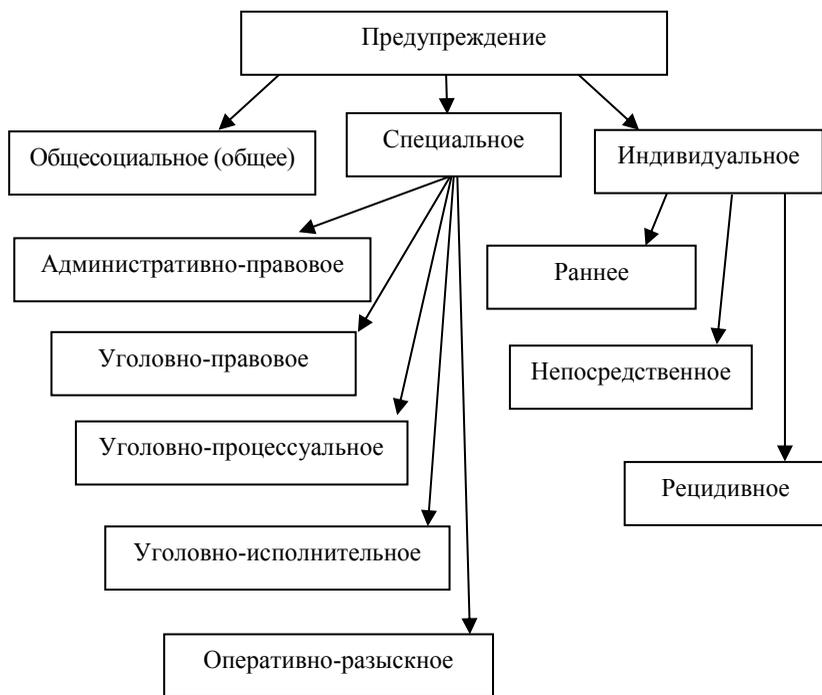
Научный руководитель –
д.ю.н., доцент *П.А. Кабанов*

ПРОФИЛАКТИКА КРИМИНОГЕННОЙ ВИКТИМИЗАЦИИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

В условиях современной рыночной экономики профилактика криминогенной виктимизации предприятий, организаций и учреждений является актуальной и востребованной. Это дает основание исследовать субъекты и объекты, участвующие в процессе, выявить проблемы, связанные с предупредительным воздействием в отношении юридических лиц.

Следует заметить, что наиболее важным элементом сокращения преступлений и их жертв являются превентивные меры. Данная тематика вызывает пристальное внимание ученых криминологов и виктимологов. Теоретические и практические виктимологические аспекты общего и частного предупреждения преступлений нашли отражение в целом ряде диссертационных исследований, а именно: А.В. Баскова [1], В.А. Бессонова [2], Т.В. Варчук [3], А.А. Гаджиевой [4], А.А. Глуховой [5], А.Г. Горшенкова [6], В.И. Задорожного [7], Д.А. Зыкова [8], И.И. Ильина [9], Н.В. Исаева [10], М.В. Лелетовой [11], Т.А. Малахиной [12], Ю.О. Репецкой [13], Д.Н. Черномазова [14].

В результате анализа нормативных правовых актов и научных источников следует особо выделить следующую классификацию криминолого-виктимологического предупреждения:

В соответствии с Федеральным законом Российской Федерации от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» [15] предупредительная деятельность делится на две группы:

- *общую*, направленную на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений, развитие правосознания, повышение уровня правовой грамотности;
- *индивидуальную*, включающую в себя оказание воспитательного воздействия на определенный круг лиц, устранение негативных факторов, оказание помощи пострадавшим лицам или подверженным виктимологическому риску.

Возможность применения специальных мер относится к индивидуальной профилактике правонарушений.

На законодательном уровне выделены следующие субъекты профилактической деятельности: 1) федеральные органы исполнительной власти; 2) органы прокуратуры Российской

Федерации; 3) следственные органы Следственного комитета Российской Федерации; 4) органы государственной власти субъектов Российской Федерации; 5) органы местного самоуправления. Кроме того, к лицам, участвующим в профилактике правонарушений относятся граждане, общественные объединения и иные организации, оказывающие помощь (содействие) субъектам профилактики правонарушений в рамках реализации своих прав.

Предупреждение преступлений и правонарушений ведется, во-первых, в отношении тех лиц, которые совершают или замысливают преступления; во-вторых, в отношении юридических лиц, являющихся реальными или потенциальными жертвами; в-третьих, по устранению причин и условий, при которых становится возможным совершение преступления.

Виктимологическая профилактика тесным образом связана с традиционной криминологической профилактикой, но ориентирована в первую очередь на виктимность потенциальных и реальных жертв преступлений, на устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений со стороны потерпевшего.

Общая профилактика криминогенной виктимизации юридических лиц – это совокупность субъектов профилактики преступлений, принимаемых ими мер и средств, направленных на выявление, минимизацию и нейтрализацию виктимогенных факторов.

К мерам общей виктимологической профилактики органов, организаций, предприятий и учреждений следует отнести:

- обеспечение государственной безопасности в целом и в частности юридических лиц (правовая, политическая, экономическая и религиозная защита);

- обсуждение и принятие законных и подзаконных актов, регламентирующих профилактику виктимности и виктимизации юридических лиц, защиту их имущества и деловой репутации;

- разработка механизма уголовно-правовой защиты от посягательств не только на имущество, но и на деловую репутацию юридического лица;

- пропаганда соблюдения корпоративной культуры и этики;
- целенаправленное использование средств массовой коммуникации по предупреждению становления жертвой преступления (создание виктимологических каналов, передач, видеороликов и изданий);
- утверждение и реализация государственных программ по защите потерпевших юридических лиц;
- поддержка и защита малого и среднего бизнеса, в том числе фермерских хозяйств;
- создание различных некоммерческих правозащитных объединений, оказывающих помощь организациям, потерпевшим от определенных видов преступлений (от мошенничества, в том числе компьютерного, рейдерства, служебных преступлений и др.);
- мониторинг виктимизации и доведение до населения статистических данных не только о преступлениях, но и о количестве потерпевших юридических лицах.

В настоящее время особое место среди субъектов специального предупредительного воздействия на виктимизацию юридических лиц занимают органы внутренних дел.

Анализ ведомственных правовых актов МВД России по профилактической деятельности [16] позволил установить, что перечень предупредительных мер представлен широко и является, на наш взгляд, исчерпывающим и достаточным.

Но в практической деятельности эффективность мер, принимаемых сотрудниками органов внутренних дел, нельзя назвать высокой. Это связано с различными объективными и субъективными причинами и обстоятельствами. Так, в реалии большая часть предпринимаемых шагов правоохранительными органами направлена не на профилактику, а на пресечение преступлений и административных правонарушений. Несмотря на включение в ведомственные приказы по различным направлениям деятельности функций, связанных с профилактической работой, во многих подразделениях органов внутренних дел предупреждение часто отходит на второй план, а на первом стоит раскрытие преступлений.

Объектом внимания у сотрудников правоохранительных органов чаще всего становятся криминальные структуры, а не потенциальные жертвы. В научной литературе также больше всего исследований посвящено изучению преступников и совершенных ими преступлений, а не жертв. Комплекс профилактических мер чаще всего направлен в отношении физических лиц и реже – в отношении юридических лиц. Как правило, в практической деятельности безопасность юридических лиц и управление рисками на предприятии, организации и учреждении в большинстве случаев осуществляется путем использования собственных сил и средств, но не всегда есть возможность устранения негативных факторов, способствующих совершению преступления, внутренними ресурсами.

Проблема также заключается в том, что руководители различных предприятий, учреждений и организаций сами не идут на контакт с правоохранительными органами, надеясь на собственную службу безопасности. В связи с этим безнаказанность мелких правонарушений может привести к более тяжелым последствиям.

В результате исследования причин возникновения проблем по реализации предупредительных мер виктимизации юридических лиц удалось выяснить следующее:

- в связи с высокой загруженностью профилактическая работа у многих подразделений ведется ограниченно и несистематически, несмотря на приоритетность задачи предупреждения преступлений, закрепленной в ведомственных нормативных правовых актах;

- сотрудниками ОВД в зависимости от возложенных функций проводятся типовые оперативно-профилактические мероприятия в большинстве своем формально для отчетности;

- в оценке деятельности территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации, утвержденной приказом МВД России от 31 декабря 2013 г. № 1040 [17], не учитываются профилактические мероприятия в отношении юридических лиц. В связи с тем, что данный приказ является важным для организации деятельности по предупреждению

виктимизации организаций, предприятий и учреждений, в него следует внести соответствующие изменения;

– латентность преступлений напрямую связана с действиями (бездействием) должностных лиц организаций, отказывающихся придавать огласке выявленные правонарушения.

Стабильность и экономическая безопасность в стране во многом определяется защищенностью и безопасностью конкретных предприятий, организаций и учреждений. Значительное количество потерпевших юридических лиц указывает на проблемы, которые необходимо решать комплексно. В целях уменьшения количества жертв прежде всего следует совершенствовать именно профилактическую деятельность на всех уровнях, устраняющую или минимизирующую виктимизацию юридического лица и негативные последствия. В современных условиях массовой информатизации необходимо задействовать все возможные способы для налаживания взаимодействия как с субъектами, так и с объектами предупреждения преступлений, осуществлять общую и индивидуальную профилактику.

Примечания

1. *Басков А.В.* Виктимологическая профилактика корыстно-насильственных преступлений, совершаемых в общественных местах: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2010.

2. *Бессонов В.А.* Виктимологические аспекты предупреждения преступлений в сфере компьютерной информации: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2000.

3. *Варчук Т.В.* Теория виктимологического моделирования и ее развитие в российской криминологической науке и практике предупреждения преступности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2013.

4. *Гаджиева А.А.* Виктимология и ее роль в профилактике преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 2000.

5. *Глухова А.А.* Виктимологические факторы преступности: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 1999.

6. *Горшенков А.Г.* Виктимологический аспект предупредительного воздействия на преступность в сфере массовой информации: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 1999.

7. *Задорожный В.И.* Концептуальные основы виктимологической профилактики преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2006.

8. *Зыков Д.А.* Виктимологические аспекты предупреждения компьютерного мошенничества: дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2002.

9. *Ильин И.В.* Виктимологическая профилактика экономического мошенничества: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2000.

10. *Исаев Н.В.* Виктимологическое направление предупредительного воздействия на преступность: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2003.

11. *Лелетова М.В.* Предупреждение криминальной виктимизации субъектов малого предпринимательства: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2006.

12. *Малыхина Т.А.* Виктимологическая характеристика и предупреждение мошенничества: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2007.

13. *Репецкая Ю.О.* Виктимологическая характеристика и предупреждение преступлений, совершенных в отношении лиц пожилого возраста: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2010.

14. *Черномазов Д.Н.* Виктимологическая профилактика экономических преступлений в сфере оборота недвижимости: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2008.

15. Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации: федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2016. № 26, ст. 3851.

16. О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений: приказ МВД России от 17 января 2006 г. № 19. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.08.2019).

17. Вопросы оценки деятельности территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 31 декабря 2013 г. № 1040. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.08.2019).

С.А. Арефьев,
адъюнкт заочной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России.

Научный руководитель –
д.ю.н., доцент *И.В. Ильин*

О ПРАКТИКЕ ЗАКУПОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ СУЩЕСТВУЮЩЕЙ НОРМАТИВНОЙ ПРАВОВОЙ БАЗЫ, РЕГУЛИРУЮЩЕЙ ЗАКУПКИ В ОБОРОННО-ПРОМЫШЛЕННОМ КОМПЛЕКСЕ

Обострение социально-экономической ситуации в сфере оборонно-промышленного комплекса (далее – ОПК) в начале 10-х гг. XXI в. показало актуальность и значимость широкого обсуждения назревших проблем в формате монотематических всероссийских конференций. Начиная с 2013 г. и до 2018 г. проведены шесть подобных научно-практических форумов под единым названием «Закупки в оборонно-промышленном комплексе» [1]. В числе участников зарегистрированы представители органов власти, предприятий и организаций ОПК, иных предприятий и организаций. Например, на шестой конференции (г. Москва, 13 ноября 2018 г.) 257 участников от 149 профильных структур, однако ни на одном мероприятии официально не зарегистрировано представительство МВД России, на котором лежит основная нагрузка по предупреждению, раскрытию и расследованию преступной деятельности в сфере ОПК.

С нашей стороны предпринята попытка проанализировать обширный материал (около 5 п. л.), изложенный в шести резолюциях соответствующих конференций. Подобное изучение относится к разряду пилотажных (зондажных), а точнее – разведывательных исследований. В контент-анализ включены сугубо правовые аспекты. В более узком значении нас интересует оценка специалистами достоинств и недостатков основных федеральных законов, регулирующих закупки в сфере ОПК. Как известно, пробелы в законодательстве создают условия, способствующие совершению преступлений. Выявление таких обстоятельств является начальным этапом деятельности по предупреждению преступлений, совершаемых в оборонной промышленности.

Государственные заказчики размещают заказ и осуществляют отбор исполнителей в соответствии с законом, регулирующим закупки для государственных и муниципальных нужд. С 1 января 2014 г. им становится Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Федеральный закон № 44-ФЗ) [2].

Этот закон предусматривает ряд особенностей при закупках в целях обеспечения обороны и безопасности страны, но он не синхронизирован с Федеральным законом «О государственном оборонном заказе» [3].

Подавляющее большинство закупок, которые проводят предприятия ОПК – головные исполнители и исполнители государственного оборонного заказа (далее – ГОЗ), – осуществляются и будут осуществляться не по Федеральному закону № 44-ФЗ, а в соответствии с Федеральным законом от 8 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (далее – Федеральный закон № 223-ФЗ) [4]. При разработке Федерального закона № 223-ФЗ особенности работы оборонных предприятий не учитывались.

Акцент должен быть смещен с идеи «проведение всеми множества процедур закупки» на синхронизированное планирование

закупок во всей цепочке «заказчик – поставщик – исполнитель». Цель – оставить проведение конкурентных процедур, предусмотренных федеральными законами № 223-ФЗ и № 44-ФЗ, только в тех случаях, где конкуренция целесообразна экономически и проведение конкурентных процедур на стадии выбора поставщика обусловлено полезностью.

Федеральный закон № 223-ФЗ предусматривает возможность не размещать на официальном сайте сведения о закупке, составляющие государственную тайну, при условии, что такие сведения содержатся в документации о закупке. Однако предприятия выражают обеспокоенность тем, что вынуждены публиковать в открытых источниках информацию о закупках, каждая из которых по отдельности не содержит сведений о государственной тайне, но по совокупности эти закупки раскрывают состав изделия, порядок и стоимость его изготовления, что может привести к нарушению Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5485-1 «О государственной тайне» и нанести ущерб безопасности страны [5].

Постановлением Правительства Российской Федерации от 14 июня 2012 г. № 591 утвержден Порядок подготовки и принятия актов Правительства Российской Федерации об определении конкретной закупки, перечней и (или) групп товаров, работ, услуг, сведения о которых не составляют государственную тайну, но не подлежат размещению на официальном сайте [6].

Для повышения эффективности закупок в условиях действия существующих законов и подзаконных актов необходимо решить следующие ключевые задачи:

- более полно отразить отмеченную выше специфику закупок оборонной продукции для государственных нужд в Федеральном законе от 29 декабря 2012 г. № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе (далее – Федеральный закон № 275-ФЗ);

- внести изменения в Федеральный закон № 223-ФЗ с тем, чтобы обеспечить более гибкий процесс принятия решения о непубликации информации о тех или иных закупках вплоть до

уполномочивания заказчиков принимать такие решения в случаях, подпадающих под нормы законодательства о коммерческой тайне, нормы законодательства о секретах производства, противоречия между нормами Федерального закона № 223-ФЗ и законодательством о безопасности предприятий и т. д.;

– исправить Федеральный закон № 223-ФЗ в части очевидных ошибок в нормах о размещении информации, приводящих к большому количеству непродуктивной работы, а также создающих риски заказчику (формальная необходимость при неконкурентных закупках размещать как извещение о закупке, так и документацию о закупке в том же объеме, что и в конкурентных закупках; необходимость размещать в извещении и документации о закупке такие трудно прогнозируемые параметры, как «место и дата рассмотрения предложений участников закупки и подведения итогов закупки» без возможности их изменения; размещение всех без исключения протоколов, составляемых в ходе закупки, и т. д.);

– внести изменения в Федеральный закон № 223-ФЗ с тем, чтобы обеспечить защиту законных интересов предприятий ОПК в части коммерческой тайны для предотвращения утечки информации, в том числе сведений о ноу-хау, технологиях и секретах производства, а также в части защиты прав интеллектуальной собственности организаций;

– внести в проект постановления Правительства Российской Федерации «Об установлении дополнительных требований к участникам закупок отдельных видов товаров, работ, услуг» понятие, определяющее квалификацию на основании соответствующих профессиональных стандартов согласно предложениям участников конференции.

В 2014 г. участники конференции обсудили законодательное регулирование отношений субъектов ГОЗ, предложения по изменению федерального законодательства (федеральные законы № 275-ФЗ, № 223-ФЗ, № 44-ФЗ). Результатами этой работы стал проект федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон “О государственном оборонном заказе” и отдельные законодательные акты Российской Федерации».

С учетом замечаний и предложений, полученных в ходе обсуждения, решено подготовить и направить в Минэкономразвития России:

- законопроект по поправкам в Федеральный закон № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» в части планирования закупок инновационной продукции;

- предложения по поправкам в постановление Правительства Российской Федерации от 17 сентября 2012 г. № 932 о порядке планирования закупки товаров (работ, услуг) в части планирования закупок инновационной продукции [7].

На конференции 2015 г. подчеркивалась нехватка реальной практики правоприменения новых норм Федерального закона № 275-ФЗ. В связи с этим необходимо продолжить работу по мониторингу практики их правоприменения, собрать фактуру, подтвержденную документами, о проблемах, с которыми предприятия уже столкнулись, а также о прогнозируемых проблемах.

Изменения, внесенные в Федеральный закон № 275-ФЗ, не устранили проблему, связанную с необходимостью развития конкуренции как средства повышения эффективности закупок при одновременном требовании обеспечить должный режим секретности, направленный на сохранение государственной тайны. Решение этой проблемы требует учета специфики деятельности предприятий ОПК не только в Федеральном законе № 275-ФЗ, но и в Федеральном законе № 223-ФЗ.

В соответствии с Федеральным законом от 31 декабря 2014 г. № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации»:

- основной задачей формирования и реализации промышленной политики в ОПК является превращение производственно-технологического потенциала организации ОПК в эффективный инновационный ресурс, обеспечивающий создание современных комплексов вооружения, военной и специальной техники в интересах укрепления обороноспособности страны и безопасности государства, реализацию преимуществ Российской Федерации в условиях конкуренции и сохранение позиции

на российском и мировом рынках высокотехнологичной промышленной продукции (ч. 3 ст. 21);

– одной из важных мер поддержки научно-технической деятельности и инновационной деятельности при осуществлении промышленной политики является стимулирование спроса на инновационную продукцию, в том числе посредством нормирования в сфере закупок товаров, работ, услуг для государственных и муниципальных нужд (п. 4 ст. 12) [8].

Федеральным законом от 29 июня 2015 г. № 156-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 156-ФЗ) внесены новые требования, направленные на увеличение объемов закупок у субъектов малого и среднего предпринимательства (далее – МСП) [9]. Обеспечение выполнения этих требований – одна из задач вновь созданной Федеральной корпорации по развитию малого и среднего предпринимательства. Предусмотрены санкции за невыполнение установленных требований.

Новой нормой Федерального закона от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц», внесенной Федеральным законом № 156-ФЗ, предусмотрена разработка предприятиями положений о порядке и правилах применения (внедрения) товаров, работ, услуг, удовлетворяющих критериям отнесения к инновационной продукции, высокотехнологичной продукции. Также Федеральным законом № 156-ФЗ определяется установление обязательного объема затрат на закупку инновационной продукции. Для оказания содействия предприятиям в выполнении этих норм закона Минэкономразвития России подготовило методические материалы по разработке таких положений (письмо от 2 ноября 2015 г. № 31366-ЕЕ).

В 2016 г. участники конференции отметили:

– необходимость работать в условиях действия трех взаимодополняющих, но не в полной мере гармонизированных федеральных законов, регулирующих закупки: 44-ФЗ, 223-ФЗ и 275-ФЗ;

– необходимость обеспечить открытость информации о закупках при одновременном выполнении условий сохранения государственной тайны.

В отношении проблемы сохранения государственной тайны в условиях ориентации всей системы закупок на максимальную открытость существует опыт применения нормы Федерального закона № 223-ФЗ, предусматривающей возможность не публиковать в открытом доступе сведения об осуществлении закупок, не составляющих государственную тайну, на основании решения Правительства Российской Федерации (ч. 16 ст. 4). Кроме того, дополнение Федерального закона № 223-ФЗ ст. 3.1 предусматривает возможность не публиковать в открытом доступе сведения об осуществлении закупок в рамках инвестиционных проектов, не составляющих государственную тайну, на основании решения координационного органа Правительства Российской Федерации. Таким координационным органом в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 4 августа 2015 г. № 785 является Правительственная комиссия по импортозамещению [10].

Для решения проблем, связанных с кооперацией, были внесены изменения в Федеральный закон № 275-ФЗ. В частности, на законодательном уровне были определены понятие «кооперация», права головного исполнителя и исполнителя, конкретизированы их обязанности, установлен механизм банковского сопровождения контрактов.

Дальнейшая работа по совершенствованию системы закупок в ОПК должна быть направлена на достижение результатов в области профилактики нарушений законодательства в сфере ГОЗ.

В целях противодействия правонарушениям в сфере ГОЗ наряду с работой органов государственного надзора (контроля) руководителям холдингов, предприятий ОПК необходимо реализовывать следующее:

– головным исполнителям при формировании всей цепочки кооперации пресекать заключение контрактов с организациями, не имеющими надлежащей производственной базы и персонала;

- повысить уровень функционирования служб экономической безопасности предприятий ОПК, деятельность которых должна обеспечить надлежащую работу системы внутреннего финансового контроля, препятствующую хищению средств через фирмы-посредники и фирмы-однодневки;

- наладить работу по судебному взысканию незаконно отчужденных средств ГОЗ.

Реализация указанных задач позволит укрепить законность в ОПК.

В материалах конференции 2017 г. показано, что Минфину России переданы полномочия по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере осуществления закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд (постановление Правительства Российской Федерации от 14 апреля 2017 г. № 446) [11]. Подготовлены поправки в Федеральный закон № 44-ФЗ, направленные на перевод всех открытых способов определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей) в электронную форму. Идет работа по установлению Федеральным законом № 223-ФЗ исчерпывающего перечня способов проведения закупочных процедур при закупках среди субъектов МСП.

В 2017 г. в рамках ГОЗ появился новый инструмент контроля – система казначейского сопровождения расчетов. Все расчеты по ГОЗ осуществлялись в соответствии с единым Порядком проведения территориальными органами Федерального казначейства санкционирования операций при казначейском сопровождении средств, утвержденным приказом Минфина России № 244н [12].

Однако остается неурегулированным на законодательном уровне ряд вопросов, предопределенных особенностями законодательства о государственном оборонном заказе, в том числе:

- неоднозначность толкования критериев определения целевого расходования средств ГОЗ и разные подходы контрольных органов к оценке правомерности использования средств, поступающих на специальные (отдельные и лицевые) счета;

- различия требований по обеспечению исполнения госконтракта (контракта) в рамках банковского и казначейского сопровождения расчетов по ГОЗ;

- ряд вопросов, связанных с соблюдением типовых условий контрактов по порядку расчетов с исполнителями ГОЗ. В частности:

- требование зеркальности (идентичности) условий оплаты, в том числе условий авансирования (сроков, размера) всех участников ГОЗ, законодательно не установлено;

- ответственность за нарушение условий авансирования контрагентам и нецелевое использование авансовых поступлений предусмотрена только для головного исполнителя;

- установление зависимости сроков оплаты по контрактам с соисполнителями ГОЗ от факта поступления средств от заказчика (головного исполнителя, исполнителя или государственного заказчика) судами признается неправомерным.

Среди уполномоченных банков нет единого мнения о порядке реализации норм Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 317-ФЗ (далее – Федеральный закон № 317-ФЗ) [13], в том числе в части отсутствия порядка обоснования и требований подтверждения суммы при возмещении ранее понесенных расходов головного исполнителя; не урегулирован (отсутствует единый подход) порядок перечисления прибыли и возмещения понесенных за счет собственных средств расходов на основании дополнительных соглашений, являющихся неотъемлемой частью контракта.

Сохраняются противоречия в законодательстве о закупках и об оборонном заказе. Например:

- ведение реестра контрактов, предусмотренного Федеральным законом 44-ФЗ, не предполагает соблюдения требований Федерального закона № 275-ФЗ в части требований и регламента формирования идентификатора госконтракта (далее – ИГК);

- особый порядок оплаты, установленный Федеральным законом № 275-ФЗ (в рамках банковского или казначейского сопровождения), может препятствовать выполнению требования Федерального закона № 223-ФЗ по оплате договоров с субъектами МСП в течение 30 дней.

Большое разнообразие закупочных процедур и требований к заявкам на участие в закупочных процедурах усложняет участие в закупках и осуществление контроля за их проведением. В Единой информационной системе закупок (zakupki.gov.ru) на момент проведения конференции представлено 4644 способа закупок. Нарастание объемов продаж гражданской продукции в ходе диверсификации эту проблему обострит.

Особенности применения информационных технологий в закупочной деятельности организаций ОПК во многом обусловлены спецификой работы ГОЗ, так как основная продукция идет под грифом «совершенно секретно». Применяемые информационные системы должны быть полностью защищенными системами российского производства.

Правовую основу и правовое регулирование закупок в ОПК продолжают обсуждать на конференции 2018 г. Подчеркивается, что не только усложняются отдельные законодательные акты, но и происходит взаимопроникновение различных законов. Например, в Федеральном законе от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» [14] есть особенности регулирования отдельных отраслей, а в отраслевых законах, в частности в Федеральном законе № 275-ФЗ, – особенности антимонопольного регулирования. Другой пример: обеспечение исполнения государственного контракта установлено Федеральным законом № 44-ФЗ, а Федеральный закон № 275-ФЗ исключает такое требование в случае банковского сопровождения, но при казначейском сопровождении должны применяться общие нормы Федерального закона № 44-ФЗ (нет изъятия как особенности исполнения ГОЗ при банковском сопровождении). Организации ОПК работают одновременно в системе банковского и казначейского сопровождения. Одни нормы прописаны в Федеральном законе № 275-ФЗ, другие – в документах бюджетного планирования. Когда участники кооперации выполнили свои обязательства, система казначейского сопровождения позволяет получить окончательный расчет на специальный (лицевой) счет и «забрать» эти деньги на свой расчетный счет; а при банковском сопровождении

закрывать отдельный счет и перевести деньги сразу после исполнения своих обязательств нельзя, так как необходимо ждать полного исполнения государственного контракта (порой это занимает несколько лет). Разные правила и многочисленные (фрагментарные и порой взаимоисключающие) нормы законодательства не просто отталкивают новых потенциальных поставщиков от сферы закупок для нужд обороны и безопасности государства, но и серьезно усложняют работу заказчиков и головных исполнителей, тем самым создают угрозу срыва сроков исполнения контрактов.

Урегулирование кризисных ситуаций требует интеграции законодательных актов и логической сопряженности правового пространства в обновленной сфере закупок и исполнения контрактов в рамках ГОЗ. Для этого необходимо рассмотреть целесообразность внесения изменений в федеральные законы:

- в Федеральный закон № 44-ФЗ в части обязательного отсутствия у поставщика признаков неплатежеспособности (банкротства) согласно Федеральному закону № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [15];

- в Федеральный закон № 275-ФЗ в части обязанности руководителя исполнителя проводить извещение головного исполнителя о наступлении ситуации, описанной ст. 9 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», и права заказчика расторгнуть контракт в этом случае;

- в Федеральный закон № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» в части установления порядка действия с денежными средствами на счетах казначейского сопровождения и банковских счетах сопровождаемой сделки участников исполнения государственного оборонного заказа;

- в Федеральный закон № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» [16] в части о порядке обращения взыскания на имущество должника, выполняющего ГОЗ; на денежные средства на счетах при банковском и казначейском сопровождении.

Поставлен акцент на проблематике закупки инновационных товаров. В настоящее время приоритет экономии при

закупке препятствует приобретению продукции с новыми, в том числе инновационными свойствами, цена которой выше, чем на традиционную продукцию аналогичного назначения, но экономический эффект от ее применения существенно превышает эффект от применения традиционной продукции. Текущий уровень законодательного регулирования предоставляет все возможности для проведения инновационных закупок. Отдельные проблемы связаны с тем, что заказчики в своих организационно-распорядительных документах не устанавливают правила, удобные для таких закупок, недостаточно учитывают их специфику. Значительная часть локальных проблем может быть снята за счет принятия положений о порядке и правилах применения (внедрения) инновационной продукции, высокотехнологичной продукции, установление которых конкретными заказчиками предусмотрено Федеральным законом № 223-ФЗ.

В настоящее время отсутствует система понятий, применяемых для описания закупочной деятельности. Определение отдельных понятий в Федеральном законе № 44-ФЗ недостаточно для однозначного описания всех аспектов закупочной деятельности, включая ее осуществление, регулирование и контроль. В частности, не определены такие широко употребляемые понятия, как «эффективность закупки», «результативность закупки», «ограничение конкуренции» и др. Отсутствие единого для всех участников закупочной деятельности языка усложняет их взаимодействие в рамках контрактных (договорных) отношений.

Некоторые результаты контент-анализа:

1. Федеральные законы, регулирующие закупки в ОПК, в резолюциях специализированных конференций (2013–2018 гг.) упоминаются 63 раза, принятые нами за 100%.

2. Критические замечания участников конференций направлены в адрес Федеральных законов № 275-ФЗ (42,9%), № 223-ФЗ (27,0%), № 44-ФЗ (17,5%), иных федеральных законов, обозначенных в примечаниях (12,7%). Погрешность в 0,1% связана с округлением исходных показателей.

3. Основной недостаток существующей нормативной правовой базы, регулирующей закупки в ОПК, заключается в несогласованности ряда положений федеральных законов.

Проведенный контент-анализ позволяет опробовать инструментарий и технологию последовательной работы, скорректировать ее задачи, получить дополнительные сведения о предмете исследования, пополнить его информационный массив.

Примечания

1. Закупки в оборонно-промышленном комплексе. 2019. URL: <http://zakupki-opk.ru/index.php/konferentsii> (дата обращения: 10.08.2019).

2. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ (ред. от 27.06.2019). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.07.2019).

3. О государственном оборонном заказе: федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 275-ФЗ (ред. от 27.12.2018 № 571-ФЗ). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.12.2018).

4. О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц: федеральный закон от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ (ред. от 01.05.2019 № 70-ФЗ). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.05.2019).

5. О государственной тайне: закон Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5485-1 (ред. от 29.07.2018 № 256-ФЗ). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.12.2018).

6. Об утверждении Правил подготовки и принятия актов Правительства Российской Федерации об определении конкретной закупки, перечней и (или) групп товаров, работ, услуг, сведения о которых не составляют государственную тайну, но не подлежат размещению в единой информационной системе в сфере закупок: постановление Правительства РФ от 14 июня 2012 г. № 591 (в ред. от 30.05.2017 № 663). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.12.2018).

7. Об утверждении Правил формирования плана закупки товаров (работ, услуг) и требований к форме такого плана: постановление Правительства РФ от 17 сентября 2012 г. № 932 (в ред. 14.12.2016 № 1355). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.12.2018).

8. О промышленной политике в Российской Федерации: федеральный закон от 31 декабря 2014 г. № 488-ФЗ (ред. от 27.06.2018 № 160-ФЗ). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.12.2018).

9. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации: федеральный закон от 29 июня 2015 г. № 156-ФЗ (в ред. от 29.12.2015). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.12.2018).

10. О Правительственной комиссии по импортозамещению: постановление Правительства РФ от 4 августа 2015 г. № 785 (в ред. от 30.04.2019 № 542). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.05.2019).

11. О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 14 апреля 2017 г. № 446 (в ред. от 29.09.2018 № 1157). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.12.2018).

12. О Порядке проведения территориальными органами Федерального казначейства санкционирования операций при казначейском сопровождении средств в валюте Российской Федерации в случаях, предусмотренных Федеральным законом «О федеральном бюджете на 2017 год и на плановый период 2018 и 2019 годов»: приказ Министерства финансов Российской Федерации от 28 декабря 2016 г. № 244н (в ред. от 10.03.2017 № 35н). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.12.2018).

13. О внесении изменений в Федеральный закон «О государственном оборонном заказе» и статью 7.29.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 317-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.12.2018).

14. О защите конкуренции: федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ (ред. от 18.07.2019 № 187-ФЗ). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.08.2019).

15. О несостоятельности (банкротстве): федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 03.07.2019 № 173-ФЗ). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.08.2019).

16. Об исполнительном производстве: федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ (ред. от 06.03.2019 № 24-ФЗ) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.04.2019).

В.Н. Ахраменков,
адъюнкт очной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России.

Научный руководитель –
к.ю.н., доцент *Е.Е. Черных*

СИСТЕМА ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Человечество за всю свою историю прошло несколько этапов экономического развития: аграрный – с преобладанием ручного труда и сельского хозяйства, где рыночные отношения только зарождались; индустриальный – появление машинного труда, то есть промышленного производства, ориентированного на рынок сбыта своей продукции; постиндустриальный – высокоразвитая и наукоемкая инновационная промышленность с преобладанием сектора услуг в экономике.

Сегодня главным движущим фактором развития постиндустриального общества является человеческий капитал, вся совокупность знаний и навыков, используемых для удовлетворения потребностей. Именно с помощью данного фактора и появились компьютеры и информационные технологии, а затем возникла и сфера ИТ (information technology) как самостоятельная отрасль экономики в развитых странах.

Согласно Окинавской хартии глобального информационного общества информационно-коммуникационные технологии являются одним из наиболее важных факторов, влияющих на формирование общества XXI в. Их революционное воздействие касается образа жизни людей, их образования и работы, а также взаимодействия правительства и гражданского общества. Подобные технологии быстро становятся

жизненно важным стимулом развития мировой экономики. Они также дают возможность частным лицам, фирмам и сообществам, занимающимся предпринимательской деятельностью, более эффективно и творчески решать экономические и социальные проблемы [1].

Такое бурное развитие информационных технологий дало новое качественное развитие всем отраслям экономики. Внедрение компьютеризации, интернетизации и роботизации привело к значительному упрощению экономических процессов и в то же время значительному усложнению.

Инновационные преобразования не обошли и Российскую Федерацию. Так, Указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» задан вектор развития информационного общества, формирования национальной цифровой экономики, обеспечения национальных интересов и реализации стратегических национальных приоритетов.

В подп. «р» п. 4 данного документа содержится легальное понятие цифровой экономики – хозяйственная деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов анализа которых по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяют существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг [2].

Впервые в научный оборот термин «цифровизация» ввел американский информатик Николас Негропonte, и под ним он понимал преобразование информации в цифровую форму, которое в большинстве случаев ведет к снижению издержек, появлению новых возможностей [3].

Тенденция развития информационных технологий также порождает развитие преступности в данной сфере деятельности. Так, в уголовной статистике при учете преступлений экономической направленности с начала 2017 г. стали выделять

деяния, совершаемые с использованием телекоммуникационных и компьютерных технологий. За период с января по сентябрь 2018 г. таких выявлено 2864 [4].

В своей научной статье на тему «Проблемы противодействия преступности в сфере цифровой экономики» А.П. Суходолов, Л.А. Колпакова, Б.А. Спасенников, основываясь на результате социологического опроса представителей теории и практики, отмечают, что четко обозначить круг преступлений, так или иначе связанных с использованием электронной информации, автоматизированных средств ее обработки и хранения, практически невозможно, поскольку технические способы фиксации, обработки и хранения информации непрерывно эволюционируют, равно как способы совершения преступлений и объекты посягательств постоянно трансформируются [5, с. 258–267]. Опрос свидетельствует, что чаще всех опрашиваемые эксперты указывали на составы преступлений, где прямо указан элемент использования компьютерных и телекоммуникационных технологий, электронных средств платежей, то есть ст. 159³, 159⁶, 171², 185³ и 187 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ [6]. Реже отмечали ст. 180, 183, 185⁶, 159, 172¹, 172² УК РФ [5]. Необходимо также указать, что составы преступлений, предусмотренные гл. 22 УК РФ, образуют связь, совокупность с преступлениями в сфере компьютерной информации, что значительно затрудняет их классификацию по признакам родового, видового и непосредственного объектов, а в дальнейшем – и их правильную квалификацию.

Нет сомнений, что данная особенность выделяет систему преступлений в сфере цифровой экономики. Поскольку преступления в сфере экономической деятельности – это прежде всего совершенные виновно общественно опасные деяния, которые причиняют ущерб или создают реальную возможность причинения ущерба охраняемой государством системе общественных отношений рыночного характера. Общественная опасность таких преступлений проявляется в том, что они посягают на законные интересы предпринимателей, потребителей, препятствуют добросовестной конкуренции, нарушают

интересы государства в области регулирования предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности.

Как несложно заметить, первостепенной основой в цифровой экономике является информация. В соответствии с п. 1 ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [7] это сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления. Так или иначе информация – это ключевой элемент к пониманию преступлений в сфере экономики, потому как, посягая на уже определенные нами экономические отношения, злоумышленник причиняет вред прежде всего информации, данным и их системам, тому, что скрыто от нас в цифровых потоках машинного кода, а затем влияет на экономические, то есть свободные рыночные, отношения, которые, в свою очередь, находятся в цифровом формате, например, маркетплейс, онлайн-ритейлер, облачные хранилища, смарт-терминалы, краудфандинговые платформы, сервисы онлайн-переводов и многие другие составляющие финансовых технологий.

Чтобы выявить, каковы же посягательства на общественные отношения, охраняемые уголовным законом в сфере цифровой экономики, – объект преступления, необходимо определить со структурой в этой сфере деятельности человека.

Согласно распоряжению Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации» структуру экономики, как и рассматриваемый объект, составляют общественные отношения в информационных или же цифровых технологиях по поводу создания и использования:

- 1) нейротехнологий и искусственного интеллекта;
- 2) систем распределительного реестра;
- 3) квантовых технологий;
- 4) промышленного интернета;
- 5) технологий облачных хранилищ;
- 6) технологий беспроводной связи;
- 7) робототехники и сенсорики;

- 8) технологий виртуальной и дополненной реальности;
- 9) технологий блокчейн;
- 10) онлайн-ритейла;

а также заключения сделок или же смарт-контрактов по системе B2B, B2C и B2G.

Приведенные выше элементы входят в объект преступления, но здесь представлен далеко не исчерпывающий их перечень, поскольку изменение экономических, социальных и информационных условий порождает новые, ранее не существовавшие отношения. Понятно, что при причинении вреда объекту путем повреждения или уничтожения его элементов, например DDoS-атака на систему банковского распределительного реестра и облачное хранилище, конечно же, идет воздействие на сложившиеся устойчивые экономические отношения, охраняемые законом, между организацией и потребителями, между государством и этой организацией, а также взаимосвязи с другими организациями.

Но самым интересным в объекте рассматриваемой системы преступлений является первичное воздействие на информацию, а не на установленные ст. 2 УК РФ охраняемые объекты, следовательно, непосредственным объектом во всех преступлениях в цифровой экономике всегда будут являться общественные отношения по поводу получения, хранения, распространения информации.

Проблемы при систематизации преступлений в цифровой экономике начинаются с понятия «информация», поскольку исходя из п. 1 ст. 2 УК РФ задачами уголовного права являются: охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение преступлений. Теперь обратим внимание на законодательное понятие собственности и понятие имущества, что немаловажно. Согласно п. 1 ст. 213 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ [8]

в собственности граждан и юридических лиц может находиться любое имущество, за исключением отдельных видов имущества, которое в соответствии с законом не может принадлежать гражданам или юридическим лицам. Статья 128 ГК РФ содержит исчерпывающий перечень объектов гражданских прав, среди которых нет информации, независимо от формы ее представления. Следовательно, не совсем понятно, что же тогда представляет собой информация как объект преступления, если она не является имуществом, да и к тому же в 2006 г. исключена из перечня объектов гражданских прав.

Таким образом, информация является нематериальным, непотребляемым благом, которое обладает способностью к неограниченному распространению, что и охраняется уголовным законом (ст. 2 УК РФ).

Из составов преступлений, закрепленных в гл. 22 Особенной части УК РФ, под данный объект прямо подходят: ст. 183 – незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, банковскую, налоговую тайну; ст. 185⁶ – неправомерное использование инсайдерской информации; ст. 185³ – манипулирование рынком, а также преступления в сфере компьютерной информации (ст. 272, 273, 274) и относительно новый состав преступления – неправомерное воздействие на критическую инфраструктуру Российской Федерации (ст. 274¹) [9].

Данная норма, как следует из ее диспозиции, как раз и должна защищать основной элемент цифровой экономики – критическую информационную инфраструктуру, под которой в ст. 2 Федерального закона от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» понимаются объекты критической информационной инфраструктуры, а также сети электросвязи, используемые для организации взаимодействия таких объектов, то есть информационно-телекоммуникационные сети, автоматизированные системы управления, информационные системы, посредством которых государственные органы, государственные учреждения, юридические лица

или индивидуальные предприниматели осуществляют свою управленческую, предпринимательскую и иную экономическую деятельность в сфере здравоохранения, науки, транспорта, связи, энергетики, банковской сфере и иных сферах финансового рынка, топливно-энергетического комплекса, в области атомной энергии, оборонной, ракетно-космической, горнодобывающей, металлургической и химической промышленности. Примером здесь может послужить различное воздействие на информационную среду вроде MITM-атаки или же его обычного сниффинга, то есть скрытое отслеживание и перехват трафика данных на портал вроде banki.ru или fins.money с целью хищения персональных данных пользователей, цифровых подписей, ключей доступа и т. д.

Перейдем к рассмотрению общей объективной стороны в системе преступлений в сфере цифровой экономики.

Как правило, все преступления совершаются путем действия лица в особом пространстве (информационной телекоммуникационной интернет-среде) с помощью средств электронной вычислительной техники (персональных компьютеров, смартфонов, лэптопов), влекущего за собой причинение вреда цифровым ресурсам, находящимся как в частной собственности юридических или физических лиц, так и в государственной.

Здесь особое значение имеет общественно опасное действие или же способ совершения преступления. Некоторые такие действия перечислены в статьях гл. 28 УК РФ: неправомерный доступ, уничтожение, модификация, копирование, блокирование информации или создание, использование, распространение вредоносного машинного кода.

Распространенный пример таких действий – компьютерная атака. Согласно ст. 2 Федерального закона от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» это целенаправленное воздействие программных и (или) программно-аппаратных средств на объекты критической информационной инфраструктуры, сети электросвязи, используемые для

организации взаимодействия таких объектов, в целях нарушения и (или) прекращения их функционирования и (или) создания угрозы безопасности обрабатываемой такими объектами информации [10].

В узких кругах специалистов по кибербезопасности существует разделение на активные и пассивные виды компьютерных атак. К примеру, активными считаются атака на систему с целью отказа от взаимодействия – DoS- или же DDoS-атака и ее разновидности: Smurs-атака (ICMP-флуд), SYN-флуд; еще один самостоятельный вид – SPAM-атака. Выделяют более сложные способы вроде написания эксплойтов типа backdoor, самостоятельно просчитывающих ошибки в программном коде, или же эмуляторов систем, подбирающих ключи доступа, либо вовсе верх криптографической мысли – атаки типа Application Layer, которые вызывают сбой и ошибки в операционных системах, серверах.

Пассивные атаки – создание заранее вредоносного программного обеспечения типа Root Kit, Trojan и других подобных компьютерных вирусов, изначально созданных для ожидания жертвы, замаскированных под какую-либо программу. Хорошим примером может служить эпидемия компьютерного вируса WannaCry в 2017 г. Данный вирус, заражая систему, шифровал все ее данные, а затем требовал денежный выкуп за их расшифровку.

Отечественный законодатель не отстает от мировых тенденций, включая в объективную часть вышеупомянутые деяния, но наиболее полное содержание находится в Конвенции о преступности в сфере компьютерной информации (заключена в г. Будапеште 23 ноября 2001 г.) [11]. Так, в данном документе имеется более подробный перечень преступных деяний против конфиденциальности, целостности и доступности компьютерных данных и систем:

- 1) противозаконный доступ;
- 2) неправомерный перехват;
- 3) воздействие на данные;
- 4) воздействие на функционирование системы;
- 5) противозаконное использование устройств.

В Конвенции также выделяются преступления, связанные с использованием компьютерных средств:

- 1) подлог с использованием компьютерных технологий;
- 2) мошенничество с использованием компьютерных технологий.

Все преступления в сфере компьютерной информации, содержащиеся в гл. 28 УК РФ, отвечают требованиям Конвенции по киберпреступности, несмотря на то, что диспозиции норм недостаточно конкретизированы. Большой прорыв законодателя имеет ст. 274¹ УК РФ, наиболее соответствующая развитию цифровой экономики и ее защите от преступных посягательств.

Но не все преступления совершаются путем сложных манипуляций с ЭВМ, требующих соответствующих знаний и навыков. Половина преступлений, как было обозначено в Конвенции по киберпреступности, – это мошенничества с использованием компьютерных технологий. Отдельный состав преступления предусмотрен ст. 159⁶ УК РФ. По смыслу данной нормы вмешательством в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей признается целенаправленное воздействие программных и (или) программно-аппаратных средств на серверы, средства вычислительной техники (компьютеры), в том числе переносные (портативные) – ноутбуки, планшетные компьютеры, смартфоны, снабженные соответствующим программным обеспечением, или на информационно-телекоммуникационные сети, которое нарушает установленный процесс обработки, хранения, передачи компьютерной информации, что позволяет виновному или иному лицу незаконно завладеть чужим имуществом или приобрести право на него [12].

Мошенничество в сфере компьютерной информации, совершенное посредством неправомерного доступа к компьютерной информации или посредством создания, использования и распространения вредоносных компьютерных программ, требует дополнительной квалификации по ст. 272, 273 или 274¹ УК РФ.

Таким образом, можно сказать, что отечественное уголовное законодательство не отстает от развития информационных технологий, хотя и имеются небольшие пробелы и коллизии.

Так, с разработкой проекта федерального закона «О цифровых финансовых активах» [13] планируется приравнять майнинг, то есть создание криптовалюты, к предпринимательской деятельности. Но в нормах закона не оговорено, как и с помощью чего создается криптовалюта, что создает простор для деятельности по ее созданию, ведь майнинг подразумевает получение криптовалюты с помощью вычислительной мощности компьютера. Есть и форжинг (минтинг) – перепрограммирование, создание нового блока в блокчейне на основе взятого кода какой-либо криптовалюты, что освобождает от ответственности за незаконное предпринимательство по ст. 171 УК РФ. Да и к тому же сверхпопулярная и востребованная платформа Ethereum не является цифровым активом, в основном это обменник цифровых ресурсов или регистратор сделок с активами, где обменной единицей выступает эфир (ether), а значит, выходит из государственного регулирования и правовой охраны, следовательно, вполне может содержать признаки состава преступления, предусмотренного ст. 174¹ УК РФ – легализация (отмывание) денежных средств, ст. 193 УК РФ – уклонение от исполнения обязанностей по репатриации денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации и, конечно же, ст. 199 УК РФ – уклонение от уплаты налогов, сборов, подлежащих уплате организацией, ст. 199² УК РФ – сокрытие денежных средств либо имущества организации или индивидуального предпринимателя, за счет которых должно производиться взыскание налогов, сборов, страховых взносов.

Дополнительно необходимо отметить, что данный законопроект вводит в экономический оборот смарт-контракты – договоры в электронной форме, исполнение прав и обязательств по которым осуществляется путем совершения в автоматическом порядке цифровых транзакций в распределенном реестре цифровых транзакций в строго определенной им последовательности

и при наступлении определенных им обстоятельств. Данное новшество будет защищено технологией «блокчейн», что способно если не декриминализировать, то значительно снизить преступления по таким составам, как мошенничество (ст. 159 УК РФ), поскольку выйти за рамки обязательств не позволит программа; легализация (отмывание) денежных средств (ст. 174 УК РФ), потому как реестр транзакций блокчейн открыт для всех лиц; налоговые преступления (ст. 199 и 199² УК РФ), поскольку налог взимается и отправляется в автоматическом режиме, а также такая информация будет открыта.

Субъективную сторону системы преступлений в сфере цифровой экономики (как и в сфере экономической деятельности) образует прямой умысел с подавляющими корыстными мотивами обогащения, но иногда встречается и игровой мотив, к примеру демонстрация своих навыков, самореклама.

Субъект в данной сфере преступлений – физическое вменяемое лицо, достигшее установленного законом возраста. Может присутствовать специальный субъект, допустим, лицо, владеющее каким-либо кодом, или же государственный служащий, который имеет доступ к какому-нибудь ресурсу или который по роду своей деятельности владеет особой информацией. Отметим и тот факт, что для совершения преступления в сфере компьютерной информации необходимы знания по информатике и практические навыки программирования, что, несомненно, выделяет данные деяния.

Хотелось бы обратить внимание и на такой момент. Если человек создаст искусственный интеллект, способный самообучаться, или же нейросеть с подобным алгоритмом самообучения для полезных человечеству целей и они в результате своего саморазвития породят вредоносное программное обеспечение или самостоятельно причинят ущерб экономике, то как тогда квалифицировать данное деяние?

Подводя итог, необходимо обозначить особенности системы преступлений в сфере цифровой экономики: сложность в квалификации и обнаружении признаков преступления, обширная правовая база, значительная пробельность законодательства,

наличие нескольких совокупных преступлений в одном действии, многоэпизодность криминальной активности, потому что цифровая среда затрудняет идентификацию преступника. Группа ученых (А.П. Суходолов, Л.А. Колпакова, Б.А. Спасенников) выделяет еще одну особенность – качественно новое образование формы соучастия вместо группы лиц по предварительному сговору или организованной группы – криминальную макросеть. Данная структура полностью анонимна, требует специального «пропуска» – разрешения или же специальных, уникальных навыков [5]. Немаловажной чертой рассматриваемой системы является и транснациональный характер. Во-первых, преступная группа может состоять из граждан разных государств; во-вторых, преступления могут совершаться в разных странах, притом что злоумышленник может находиться в другой стране.

Примечания

1. Окинавская хартия глобального информационного общества от 22 июля 2000 г. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.01.2019).

2. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.01.2019).

3. *Negroponte N.* Being Digital / NY: Knopf, 1995. URL: <http://inance.ru/2017/09/cifrovaya-ekonomika/> (дата обращения: 20.01.2019).

4. Состояние преступности с января по сентябрь 2018 // Сайт МВД РФ. 2019. URL: <https://мвд.рф/reports/item/14696015> (дата обращения: 20.01.2019).

5. Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11. № 2.

6. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 27.12.2018) (с изм. и доп. от 08.01.2019) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25, ст. 2954.

7. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 18.03.2019) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31, ч. 1, ст. 3448.

8. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018) (с изм. и доп. от 01.01.2019) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32, ст. 3301.

9. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации»: федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 194-ФЗ (последняя редакция) // Собрание законодательства РФ. 2017. № 31, ч. 1, ст. 4743.

10. О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации: федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ (последняя редакция) // Собрание законодательства РФ. 2017. № 31, ч. 1, ст. 4736.

11. Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации (ets № 185) от 23 ноября 2001 г. (с изм. от 28.01.2003). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.01.2019).

12. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 // Российская газета. 2017. 11 декабря.

13. О цифровых финансовых активах: проект федерального закона. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.01.2019).

Е.Г. Баранова,
адъюнкт очной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России.

Научный руководитель –
д.ю.н., профессор *Н.Н. Ковтун*

КЛАССИФИКАЦИЯ СУДЕБНЫХ ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЙ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПРАВЕ

В рамках понятия правовой определенности автор приходит к мнению, что существует необходимость оперативного нормативно-правового регулирования, осуществляемого судами, однако сделать это суд может только посредством правовых позиций. В таком случае формами объективизации данных правовых позиций могут быть либо судебный прецедент, либо толковательные разъяснения высших судебных инстанций. В этой связи нам следует определиться с классификацией судебных правовых позиций в уголовном процессе. Считаем, что отсутствует необходимость широко и полно объяснять значение классификации для научного исследования. Однако все же акцентировать на этом внимание следует. Исследователь, применяя метод классификации, старается дать объяснение и установить причинно-следственную связь между явлениями исследуемой категории. Путем деления на устойчивые группы и виды мы можем упорядочить колоссальный массив явлений и процессов в конкретной правовой категории.

По словам В.М. Сырых, классификации в юридической науке находят самое широкое применение, поскольку привести все многообразие правовых и иных (юридических значимых) феноменов, процессов, образующих объект юридической

науки, к определенному и легко обозримому единству иным путем не представляется возможным [1, с. 282].

Первое разделение следует сделать по признаку субъекта формирования судебных правовых позиций, а именно это:

- 1) акты Конституционного Суда Российской Федерации;
- 2) акты Европейского Суда по правам человека;
- 3) нормативные разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации;
- 4) акты отправления правосудия высшей судебной инстанции (суть – судебные прецеденты) [2, с. 190].

Однако ввиду выбранной специальности нам необходимо обратить большее внимание на нормативные разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации, а также на судебные прецеденты.

Следующую, не менее целостную, классификацию предлагает С.М. Даровских по признаку места расположения, хотя, по нашему мнению, следовало бы назвать данный признак формой выражения:

- 1) судебные правовые позиции, которые расположены в постановлениях и определениях;
- 2) судебные правовые позиции, которые расположены в мотивировочной или в резолютивной части решения;
- 3) судебные правовые позиции, которые получили оформление в коллегиальном решении суда или в особом мнении судьи;
- 4) судебные правовые позиции, которые находятся в определениях, подлежащих опубликованию, и в определениях, которые не подлежат опубликованию [3, с. 14].

Отдельно может быть предложена парная классификация судебных правовых позиций по их содержанию, а именно:

- 1) судебные правовые позиции с положительным и негативным содержанием.

Негативные судебные правовые позиции иначе называют «отказными», они не содержат никаких выводов, кроме как о недопустимости рассмотрения обращения. В свою очередь, «позитивными», или, иначе, с положительным содержанием, признаются позиции, в которых дается толкование правовых норм;

2) непосредственные и опосредованные судебные правовые позиции.

Деление правовых позиций суда на непосредственные и опосредованные проводится по критерию относимости к конкретному делу. В случае с непосредственными правовыми позициями спор разрешается по существу конкретного дела, то есть имеются в виду судебные прецеденты, суд непосредственно (напрямую) разрешает вопрос. А в случае с опосредованными (абстрактными) правовыми позициями суд изучает и обобщает всю судебную практику, непосредственно (напрямую) не влияя на исход дела, а действуя опосредованно через правовые позиции;

3) законопроектные и правоприменительные судебные правовые позиции.

Кроме того, авторы выделяют классификацию по принципу действия судебных правовых позиций: единовременные судебные правовые позиции и правовые позиции неоднократного действия, которые направлены на неопределенный круг лиц.

При рассмотрении данного вопроса нами была изучена и предложена А.И. Видергольд классификация, она также основывается на идеях С.М. Даровских.

По составу суда, формулирующего судебные правовые позиции, он выделяет:

- 1) единоличные судебные правовые позиции;
- 2) коллегиальные судебные правовые позиции.

Так, например, мировой судья формулирует единоличную правовую позицию, а Пленум или Президиум Верховного Суда Российской Федерации – коллегиальные правовые позиции.

А.И. Видергольд предлагает классификацию по отраслевой принадлежности, но в данном случае нас это подразделение не интересует, так как мы рассматриваем исключительно судебные правовые позиции по уголовно-процессуальному праву [4, с. 64].

Мы также предлагаем классификацию судебных правовых позиций по характеру их изложения. Так, судебные правовые позиции в уголовном процессе делятся на управомочивающие, обязывающие и запрещающие.

Примером управомочивающей судебной-правовой позиции является ч. 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 марта 2004 г. № 1: «...по ходатайству стороны **вправе** повторно рассмотреть вопрос о признании исключенного доказательства допустимым» [5].

Пример обязывающей правовой позиции содержится в ч. 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2017 г. № 51: «в подготовительной части судебного заседания председательствующий **должен** выяснить данные, касающиеся личности подсудимого» [6].

«**Недопустимо** перенесение в приговор показаний допрошенных по уголовному делу лиц и содержания других доказательств...» – это пример запрещающей правовой позиции, изложенный в ч. 8 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 декабря 2016 г. № 55 [7].

Помимо уже предложенных классификаций можно выделить судебные правовые позиции, которые содержат в себе дефиниции, при этом их по функциональной роли также можно подразделить:

1) на судебные правовые позиции, содержащие определение правового понятия. Так, например, «под законностью судебных решений как предметом судебного разбирательства в кассационном порядке следует понимать их соответствие требованиям уголовного и уголовно-процессуального законов с учетом оснований, влекущих отмену или изменение судебного решения в кассационном порядке» [8];

2) судебные правовые позиции, содержащие расширительное толкование понятия, а именно то, что нужно относить к конкретному правовому понятию. Так, в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 июня 2018 г. № 17 сформулирована позиция-дефиниция в следующей форме: «к орудиям, оборудованию или иным средствам совершения преступления следует относить предметы, которые использовались либо были предназначены для использования при совершении преступного деяния или для достижения преступного результата...» [9].

Рассмотрение большого количества классификаций позволяет нам дать одно из обобщенных определений понятия «судебные правовые позиции». Итак, судебные правовые позиции в уголовно-процессуальном праве – это объективизированные и аргументированные выводы суда, которые сформулированы в отношении правового спора по конкретному делу или по результатам обобщения судебной практики.

Примечания

1. *Сырых В.М.* Подготовка диссертаций по юридическим наукам: настольная книга соискателя. Москва, 2012.

2. *Ковтун Н.Н.* Единство судебного прецедента как фактор определенности российского уголовно-процессуального права // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России.* 2017. № 2 (38).

3. *Даровских С.М.* Судебные правовые позиции в уголовном судопроизводстве: теоретические основы и процессуальные формы: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2011.

4. *Видергольд А.В.* Правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации и их проявление в уголовном судопроизводстве (теоретические и практические аспекты): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2017.

5. О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 марта 2004 г. № 1. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.08.2019).

6. О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства): постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2017 г. № 51. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.08.2019).

7. О судебном приговоре: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 г. № 55. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.08.2019).

8. О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 июня 2019 г. № 19. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.08.2019).

9. О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 июня 2018 г. № 17. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.08.2019).

А.Б. Благодатин,
адъюнкт заочной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России.

Научный руководитель –
д.ю.н., доцент *И.В. Ильин*

НАПРАВЛЕНИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ НОРМ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА, СВЯЗАННЫХ С ИНСТИТУТОМ ОКОНЧЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

«Нет предела совершенству» – эта фраза уходит своими корнями в глубокую древность и сопровождает нас по сей день. Возможно, именно ее придерживался и продолжает придерживаться отечественный законодатель, внося уже ни одну сотню поправок в действующий Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ), которому всего лишь два с небольшим десятка лет. В данном ключе подобная логика представляется нам вполне приемлемой, поскольку стремление к модернизации, усовершенствованию того, что было ранее, гораздо приятнее, чем исправление своих же недоработок, упущений и ошибок. Здесь происходили криминализация деяний и их декриминализация, перемещение составов преступлений из одной главы в другую и множество других перспективных изменений, касающихся юридической оценки общественно опасных посягательств, однако одна из ключевых проблем правоприменения по сути так и не решена. Судам неоднократно приходилось выносить постановления, разъясняющие практически важнейший аспект квалификации, а именно момент окончания того или иного правонарушения. Причиной этому выступает недостаточная унифицированность норм, образующих гл. 20 УК РФ.

Настоящие высказывания нельзя назвать голословными, так как если открыть текст уголовного закона, не трудно будет заметить, что ни одной поправки в вышеуказанные положения с момента их принятия внесено не было, хотя присутствие определенных проблем является очевидным уже далеко не первый год. Об этом вполне наглядно свидетельствуют и судебно-следственная практика, и исследования отечественных ученых в области уголовного права, при этом мы даже не говорим о присутствии внутренних юридико-технических противоречий, описанных нами ранее в работе.

При данных обстоятельствах наиболее эффективным способом выхода из сложившейся ситуации для нас является необходимость разработки соответствующих направлений совершенствования правоприменения института оконченного преступления.

В этой связи считаем целесообразным остановиться на ряде случаев, которые могут вызвать серьезные затруднения у правоприменителя при решении вопроса о возбуждении уголовного дела, в частности речь пойдет об основаниях уголовной ответственности, среди которых в УК РФ предусмотрена только одна категория – состав преступления.

Согласно общепринятому в доктрине правилу под таковой следует понимать совокупность объективных и субъективных признаков, характеризующих совершенное общественно опасное деяние как преступление. При этом здесь имеется одна примечательная особенность, которая заключается в следующем: для того чтобы расценить содеянное как уголовно наказуемое правонарушение, нам необходимы не все признаки, а только лишь обязательные [1, с. 168, 176–178], то есть такие категории, как цель, мотив, место, время, способ и так далее, в отдельных случаях могут и не учитываться, для того чтобы привлечь виновное лицо к уголовной ответственности. Благодаря этому на практике могут появляться случаи, когда в совершенном деянии будут усматриваться все обязательные признаки состава преступления, но правоприменитель все же по каким-либо причинам будет не в состоянии оказать, казалось бы, привычные меры воздействия на виновное лицо.

К таким примерам можно отнести обстоятельства, исключающие преступность деяния. Ни одно из них не мешает нам обнаружить в асоциальном поведении граждан все необходимые признаки состава преступления, о которых говорится в ст. 8 УК РФ. Тем не менее о квалификации в подобных случаях речи не идет, и мы, безусловно, не призываем к этому, так как подобные аспекты в полной мере оправдываются Конституцией Российской Федерации, международными нормативными актами и в принципе благородной целью «достижение определенной общественной пользы», однако это не меняет того факта, что все перечисленное вместе с положениями гл. 8 УК РФ вступает в противоречие с фундаментальной уголовно-правовой нормой, посвященной основаниям уголовной ответственности. Более того, если обратиться к тем же основаниям, но только уже касающимся освобождения от нее, то здесь все очевидно и понятно, в связи с чем и по каким причинам мы можем подобное осуществить. В частности, из содержания ч. 1 ст. 75 УК РФ следует, что фактическим критерием для подобного выступает *утрата общественной опасности*. Тогда как по рассматриваемому примеру никаких официальных пояснений обнаружить не удастся, из-за чего наиболее логичным доводом становится отсутствие общественной опасности изначально, то есть в процессе совершения якобы противоправного деяния. Об этом же говорят и некоторые ученые в рассматриваемой области отечественного права [2, с. 342].

Наряду с этим с целью соблюдения последовательности изложения отметим, что в реальности имеется еще ряд обстоятельств, исключающих преступность деяния, которые не учтены уголовным законом, но все же оказывают похожего рода эффект на деятельность правоохранительных органов. Остановимся на них подробнее.

Как отмечает А.А. Скворцов, «спорт – это специфический вид деятельности, основанный на добровольном волеизъявлении человека, направленный на укрепление здоровья населения, в котором присутствуют риск получения и (или) причинения телесных повреждений» [3, с. 55–56]. В свою очередь, отдельные исследователи

объясняют отсутствие уголовной ответственности в случае подобных неблагоприятных исходов тем, что они «соответствуют обычной конструкции казуса, исключаящей ответственность за объективно-случайный результат» [4, с. 25–26]. Это, на наш взгляд, представляется несколько странным суждением, поскольку бойцы на ринге не знают о характере и степени вреда здоровью, который они могут причинить, тем не менее подобное не делает наступившие последствия случайными. Каждый из участников соревнования не только осознает опасность своих действий, но и предвидит то, к чему они могут привести, а возможно, даже желает этого, чтобы как можно скорее добиться своей победы. В данном ключе правильнее было бы снова говорить об отсутствии общественной опасности, что также небесспорно.

Как говорил М.Д. Шаргородский, «за причинение вреда жизни или здоровью при занятиях спортом лицо не подлежит уголовной ответственности по тем же основаниям, что и врач, причиняющий вред своему пациенту» [5, с. 369], но здесь в большей степени деятельность, связанная именно с медицинским риском, под которой следует понимать «совершение медицинским работником лечебно-диагностических мероприятий в целях излечения больного при условии отсутствия или неэффективности существующих методов диагностики или лечения, а также проведение медицинских исследований для излечения больных в будущем» [6, с. 246]. К сожалению, в подобных случаях не исключается и вероятность летального исхода пациента, который мог бы спокойно жить и без операции еще пару лет, но на сегодня вероятность успеха была значительно больше, чем в будущем, что и повлияло на решение о ее проведении. Врач сделал все от него зависящее, не нарушил никаких инструкций и правил безопасности, но ошибся в уровне своих умений и навыков, и благодаря его легкомыслию наступила смерть другого человека. В этом, по сути, можно усмотреть состав преступления, предусмотренный ст. 109 УК РФ. Вот только носили ли его действия общественно опасный характер? Предмет этих размышлений уже выходит за рамки оснований уголовной ответственности.

В настоящем ключе нельзя не обратить внимание на еще одно обстоятельство, которое, как отмечает В.В. Сверчков, «имеет внешнее сходство с юридической природой рассматриваемых норм, а именно на отказ лица от дачи показаний против себя самого, своего супруга или своих близких родственников (см. примеч. к ст. 308 УК РФ) либо заранее не обещанное лицом укрывательство преступления, совершенного его супругом или близким родственником (см. примеч. к ст. 316 УК РФ)» [7, с. 324]. Многие исследователи конкретизируют, что «в ст. 308 УК РФ субъект преступления специальный – свидетель или потерпевший, тогда как в ст. 316 тот будет общим» [8, с. 104–105]. Это, в свою очередь, свидетельствует о том, что фактор родства при определении специального субъекта в указанных правонарушениях не учитывается и, соответственно, в содеянном должен быть усмотрен состав уголовно наказуемого деяния, но тем не менее уголовной ответственности в данном случае не возникает, и мы говорим не об освобождении от нее.

Наряду с этим весьма примечателен аспект, касающийся осуществления своего права и исполнения своей обязанности. Так, в первом случае можно привести в пример аспекты, урегулированные в основном Конституцией Российской Федерации [9] или Семейным кодексом Российской Федерации [10], а именно связанные с вопросом воспитания детей, на что у каждого родителя будет свое собственное мнение. Даже если не брать в учет различного рода телесные наказания, которые в отдельных случаях несложно будет квалифицировать по конкретной статье УК РФ, то можно ли усмотреть незаконное лишение свободы в случаях, когда ребенка не выпускают из дома за то, что тот каким-либо образом провинился. Во втором же случае подразумевается деятельность уполномоченных лиц, допустим, по исполнению уголовного наказания или же привлечению к обязанности нести военную службу. Сложно отрицать, что подобного рода действия как минимум по объективной стороне весьма схожи с деяниями, которые при других обстоятельствах можно было бы квалифицировать

как преступные. Мы, безусловно, понимаем «натянутость» подобных умозаключений, но тем не менее нельзя отрицать и содержащееся в них разумное ядро, наглядно демонстрирующее сущность имеющихся в законе упущений.

Интересен вопрос, касающийся добровольного отказа осуществленного на стадии покушения на тяжкое или особо тяжкое преступление, где уголовно наказуемым было и само приготовление к подобному. Имеется ли в таких случаях состав? Если да, то перед нами – еще одно упущение. Эта же логика распространяется на приготовление к преступлениям небольшой и средней тяжести. Здесь можно было бы привести в пример малозначительность правонарушения (ч. 2 ст. 14 УК РФ), однако та все же не исключает момент возникновения уголовной ответственности, в связи с чем в этом контексте не уместна.

Еще одним упущением для состава преступления как единственного основания для привлечения к уголовной ответственности выступает такая категория, как неоднократность общественно опасного поведения, нашедшая свое законодательное закрепление в ст. 151¹, 154, 157, 171⁴, 180, 212¹, 215⁴, 314¹ УК РФ, а также административная преюдиция – ст. 116¹, 151¹, 157, 158¹, 171⁴, 212¹, 215⁴, 264¹, 284¹, 314¹ УК РФ. В данных случаях хотим подчеркнуть, что речь ведется не об утяжелении наказания, а непосредственно о возможности квалификации содеянного, на которую, по сути, не должны влиять признаки, фактически выходящие за рамки обязательных критериев, предусмотренных ст. 8 УК РФ.

При всем этом в действительности нередко встречаются достаточно неординарные примеры. Так, согласно информации, обнародованной на официальном сайте Следственного комитета Российской Федерации, «было возбуждено уголовное дело об убийстве российского гражданина Аркадия Бабченко в Киеве» [11], однако само посягательство оказалось инсценировкой, исключающей реальность самого события преступления, в котором тем не менее был усмотрен состав. Для практиков более обыденной ситуацией выступает вероятность того, что заявитель обратился в правоохранительные органы по факту

имеющихся у него телесных повреждений, что приведет к возбуждению уголовного дела в отношении неустановленного лица. Однако в процессе расследования установлено, что потерпевшему никто не причинял вреда здоровью, а тот, находясь в состоянии сильного алкогольного опьянения, просто упал с лестницы. Подобные случаи встречаются повсеместно, и это не имело бы столь трагичных правовых последствий, если бы при наличии, казалось бы, такой абсурдной ситуации (имеется состав, но нет события преступления) правоприменители не направляли такие дела в суд, который также не застрахован от ошибок. Тогда как те иногда все же можно списать на субъективное восприятие обстоятельств произошедшего правонарушения.

Так, например, из приговора Нижегородского областного суда от 21 июня 2011 г. по делу № 02-05/11 следует, что: гр. Я. было предъявлено обвинение по ч. 1 и 2 ст. 297 УК РФ в том, что она в ходе открытого рассмотрения гражданского дела, действуя из неприязненных отношений к представителю ответчика К., умышленно в ответ на ходатайство К. к председательствующему судье А. сделать Я. замечание с целью нарушения установленного гражданско-процессуальным законодательством Российской Федерации порядка осуществления правосудия, а также с целью унижения чести и достоинства совершила действия, направленные на нарушение нормальной деятельности органов правосудия и дискредитацию их авторитета, публично в неприличной форме устно оскорбила представителя ответчика К., произнеся в его адрес в присутствии участников судебного разбирательства фразу: «...», после чего также устно оскорбила председательствующего судью А., унизив его честь и достоинство, чем проявила неуважение к суду. На это коллегия присяжных заседателей вынесла вердикт об отсутствии в действиях гр. Я. события инкриминируемых ей преступлений, а это, в свою очередь, привело к оправдательному приговору суда [12].

Такое решение весьма дискуссионно, поскольку оно, действительно, связано с субъективным восприятием противоправных действий и их последствий, что и обуславливает невозможность отказа в возбуждении уголовного дела или его

прекращения на стадии предварительного расследования. Возможно, только присяжные, являясь уполномоченным коллегиальным органом, могли дать наиболее объективную оценку произошедшим событиям, но встречаются и такие факты, когда в суде обнаруживаются явные противоречия, связанные в усмотрении состава преступления в нереальном событии.

Так, из приговора Ленинского районного суда г. Владимира от 31 января 2011 г. по делу № 1-7\11 следует, что гр. Щ. обвиняется в незаконном сбыте наркотических средств, то есть в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 228¹ УК РФ. В частности, 29 марта 2010 г. около 22 часов 20 минут Щ., имея умысел на незаконный сбыт наркотических средств, находясь в <адрес>, путем безвозмездной передачи незаконно сбыл Ф. наркотическое средство гашиш, которое последний употребил в квартире Щ. путем выкуривания через специальное курительное приспособление, введя наркотическое средство себе в организм, тогда как данные, полученные из компаний сотовой связи, касающиеся местонахождения Щ. и Ф. в указанное выше время, не подтверждают настоящее обвинение. Более того, суду не представлены доказательства, свидетельствующие о том, что 29 марта 2010 г. около 22 часов 20 минут Щ. находился по месту жительства, в <адрес>, что у него в квартире находился Ф., с которым якобы подсудимый раскуривал гашиш, при этом Щ. сбыл (безвозмездно передал) Ф. наркотическое средство. В связи с этим событие преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 228¹ УК РФ, в котором обвиняется Щ., не нашло своего подтверждения, в указанной части обвинения подсудимый подлежит оправданию [13].

Таким образом, орган предварительного расследования смог обнаружить в фактически не совершенном общественно опасном деянии все признаки состава преступления, необходимые для привлечения «виновного» лица к уголовной ответственности, то есть действовал в строгом соответствии с УК РФ, не учтя еще один немаловажный критерий, который по неизвестным причинам не нашел в данном законе своего юридического закрепления.

Речь идет о событии преступления – категории, затрагиваемой Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, которая имеет непосредственную взаимосвязь с процессом возбуждения дела и привлечением к соответствующей юридической ответственности.

При всем этом мы, безусловно, отдаем себе отчет, что в отдельных случаях нам приходится доводить до крайностей обстоятельства, происходящие в приводимых примерах, но тем не менее подобное сделано исключительно для обеспечения наибольшей наглядности имеющихся упущений и недостатков в уголовном законе. Более того, перечень обозначенных фактов не является исчерпывающим и он будет лишь расширяться с развитием общественных отношений. Для этого даже не нужно устремлять свой взор в будущее, достаточно лишь обратить внимание на уже существующие проблемы, о которых было сказано нами ранее и которые отмечались другими исследователями (к примеру, поднималась проблема привлечения к уголовной ответственности лиц, внедренных в преступные организации, в которых им приходилось по тем или иным причинам нарушать закон) [14–16]. Последний вопрос тоже имеет право на существование и требует своего разрешения, поскольку согласно имеющимся положениям УК РФ лиц, фактически отдающих свой долг родине, необходимо привлекать к ответственности.

Все вышеизложенное свидетельствует о том, что состав преступления, являясь достаточно конкретизированной уголовно-правовой категорией с четко определенными признаками, все же не отвечает принципам оптимальности и унифицированности используемых в законе юридико-технических конструкций. Это обусловлено тем, что современная уголовно-правовая реальность допускает случаи, в которых даже при наличии данного критерия возникают серьезные противоречия, в том числе и связанные с непривлечением к уголовной ответственности, когда для этого имеются все предписанные законом основания [17]. И речь ведется не об освобождении от нее по каким-либо исключительным основаниям, а о тех фактах, которые практически

сводят на нет одно из фундаментальных правил отечественного законодательства, без которого нормальная деятельность правоохранительных органов по борьбе с преступностью в принципе не возможна.

Так, в рамках рассмотренных примеров мы пришли к выводу, что среди недостающих элементов, образующих регламентированные законом основания привлечения к уголовной ответственности, присутствует такой фактор, как реальность осуществленного посягательства на объекты уголовно-правовой охраны.

Наряду с тем, что нам удастся установить наличие асоциального поведения объективной действительности, потребуется также определить еще один элемент, обязательный для возбуждения уголовного дела, которым выступает общественная опасность совершенного деяния. Сюда, помимо общепризнанных критериев «характер» и «степень», мы также вкладываем значимость самой угрозы для объектов уголовно-правовой охраны, которая нередко может и отсутствовать (допустим, при однократном нарушении закона, при наличии обстоятельств, исключающих преступность деяния, и др.).

Еще одним немаловажным звеном формируемой цепи выступает аспект, связанный именно с институтом оконченного преступления, в рамках которого для привлечения виновного лица к уголовной ответственности нас интересует стадия реализации совершаемого деяния. Та, в свою очередь, отвечает на вопросы, связанные с принудительным воздействием за неоконченное посягательство, и др.

Все это приводит нас к выводу о необходимости внесения весьма перспективных изменений в ст. 8 УК РФ, редакция которой будет иметь следующее содержание:

1. Основанием уголовной ответственности является обязательное наличие двух взаимосвязанных юридических фактов – событие и состав преступления.

2. Событие преступления – юридический факт, свидетельствующий о реальности посягательства на объекты уголовно-правовой охраны, зависящий от общественной опасности совершенного деяния и стадии его реализации.

3. Состав преступления – юридический факт, подтверждающий соответствие обстоятельств совершенного деяния всем необходимым признакам преступления, предусмотренным диспозицией конкретной юридической нормы Особенной части УК РФ.

Таким образом, мы не отказались от устоявшейся законодательной категории «состав преступления», а лишь конкретизировали ее, при этом дополнив указанную норму еще одним, необходимым, на наш взгляд, основанием – событие преступления, которое, в свою очередь, не только усиливает взаимодействие Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, но и привносит в уголовное законодательство унифицированность, необходимую ему для обеспечения должного уровня противодействия существующим на сегодняшний день криминальным проявлениям. Подобная модификация поможет систематизировать судебно-следственную практику и будет способствовать формированию единой точки зрения на применение положений закона, касающихся в частности аспектов привлечения к ответственности за оконченное и неоконченное посягательство, а также в целом момента его юридической завершенности.

Примечания

1. Курс уголовного права. Общая часть: в 2 т. / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. Москва, 1999. Т. 1: Учение о преступлении.

2. Курс советского уголовного права: в 6 т. / под ред. А.А. Пионтковского, П.С. Ромашкина, В.М. Чхаквадзе. Москва, 1970. Т. 2: Часть Общая. Преступление.

3. *Скворцов А.А.* Причинение вреда жизни и здоровью при занятиях спортом: проблемы уголовно-правовой квалификации. Москва, 2006.

4. *Гринберг М.С.* Проблема производственного риска в уголовном праве. Москва, 1963.

5. *Шаргородский М.Д.* Преступления против жизни и здоровья. Москва, 1947.

6. *Сариев О.М.* Обоснованный риск в медицинской деятельности и условия его правомерности // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 5 (145).

7. *Сверчков В.В.* Курс Уголовного права. Общая часть: в 2 кн. Кн. 1: Преступления и другие деяния: учебник для бакалавриата и магистратуры / отв. ред. В.Т. Тomin. Москва, 2014.

8. *Павлов В.Г.* Квалификация преступлений против правосудия со специальным субъектом // Ленинградский юридический журнал. 2007. № 3.

9. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31, ст. 4398.

10. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 29.12.2017) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1, ст. 16.

11. Возбуждено уголовное дело об убийстве российского гражданина Аркадия Бабченко в Киеве. 28 мая 2018 года // Сайт Следственного комитета Российской Федерации. 2007–2019. URL: <http://sledcom.ru/news/item/1231087/> (дата обращения: 26.11.2016).

12. Приговор Нижегородского областного суда от 21 июня 2011 г. по делу № 02-05/11 // Сайт «Росправосудие». URL: <https://rospravosudie.com/court-novgorodskij-oblastnoj-sud-novgorodskaya-oblast-s/act-100634346/> (дата обращения: 26.11.2016).

13. Приговор Ленинского районного суда г. Владимира от 31 января 2011 г. по делу № 1-7\11 // Сайт «Росправосудие». URL: <https://rospravosudie.com/court-leninskij-rajonnyj-sud-g-vladimira-vladimirskaya-oblast-s/act-100734136/> (дата обращения: 26.11.2016).

14. *Хаитжанов А., Горбунова К.А.* К вопросу об уголовной ответственности лиц, внедренных в преступные группировки // Труды Международного симпозиума «Надежность и качество». 2012. № 2.

15. *Радачинский С.Н.* К вопросу о совершенствовании уголовного законодательства в части защиты лиц, участвующих в проведении оперативно-разыскных мероприятий // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 21.

16. *Юшина Ю.В.* К вопросу о правовой природе освобождения от уголовной ответственности лиц, выполняющих специальное задание по предупреждению либо раскрытию преступной деятельности организованных групп или преступных организаций // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2017. № 2 (36).

17. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 19.02.2018) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25, ст. 2954.

О.И. Буцкова,
адъюнкт заочной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России.

Научный руководитель –
д.ю.н., доцент *В.В. Терехин*

ОБ ОПТИМИЗАЦИИ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ХИЩЕНИЯХ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ С БАНКОВСКИХ СЧЕТОВ ГРАЖДАН, СОВЕРШАЕМЫХ С ПРИМЕНЕНИЕМ СРЕДСТВ СВЯЗИ, СЕТИ «ИНТЕРНЕТ»

Доказывание по уголовным делам о хищениях денежных средств с банковских счетов граждан, совершаемых с применением средств связи, сети «Интернет», имеет свою специфику и сопутствующую ей проблематику. По сути, само наименование этой темы и есть в первую очередь констатация проблемы, имеющей почти экзистенциальный характер. Это огромная проблема, порождаемая глобальными проблемами нынешней жизни. Современный мир стремительно меняется. Новые технологии, на которые так надеется человечество в плане улучшения жизни, несут с собой немало побочных эффектов. То, что предлагают технологии в качестве удобного инструмента для граждан, становится очень удобным инструментом и для преступников. Таковы, к сожалению, электронные деньги и технологии их перемещения в виртуальном пространстве.

Хотим мы того или нет, но время традиционного денежного обращения заканчивается. В соответствии с Концепцией реформирования системы бюджетных платежей в Российской

Федерации происходит планомерное неуклонное сокращение наличных денег в обращении. Электронные платежи активно распространяются и используются юридическими и физическими лицами.

В настоящее время для осуществления электронных платежей наиболее широко применяется универсальная электронная карта гражданина с интегрированным специальным банковским приложением (банковская карта). Эта карта обеспечивает доступ ко всем государственным и муниципальным услугам, оказываемым в электронной форме. Количество банковских карт, эмитированных кредитными организациями, неуклонно растет. Появляются новые способы оплаты товаров и услуг с прямым применением гаджетов.

Мир наполняется невидимыми электронными деньгами и невидимыми же охотниками за ними. Хищение денежных средств с банковских счетов граждан, совершаемое с применением средств связи и сети «Интернет», является лакмусовой бумажкой тех проблем, которые влечет за собой переход на электронный денежный оборот, а проблемы эти известны уже не только специалистам. Ежедневно средства массовой информации предлагают различные печальные истории на эту тему. Буквально на днях в одном из выпусков телепередачи, специализирующейся на освещении криминальных новостей, было дано очередное предупреждение гражданам о том, что в случае похищения сотового телефона его бывший владелец рискует потерять и все деньги, которые у него находятся на банковских счетах. Здесь же в эфире пострадавшие поведали свои печальные истории о том, как их надежды на скорое возвращение денег при помощи банков и правоохранительных органов таяли.

Даже из этих коротких сюжетов для рядового гражданина становятся очевидны проблемы, связанные с раскрытием подобных преступлений и возвращением денежных средств. Несмотря на то, что можно легко проследить банковские операции, совершенные с помощью украденного телефона или сим-карты, не так просто установить злоумышленника. Владельцы счетов, на которые перечислялись деньги, прикрываются банальной фразой о

том, что банковская карта, на которую поступили денежные средства, у них была украдена или просто потеряна. Сами банки предпочитают оставаться в стороне от возникших финансовых проблем их клиента, заявляя о том, что с технической точки зрения все тут верно и к банкам никаких претензий быть не может. Банк незримо исходит из презумпции виновности своего клиента в утрате денежных средств.

Таким образом, потерпевшие оказываются одной из вершин только явно не «любовного» треугольника, в котором есть еще как минимум две стороны, не всегда способные сочувственно отнестись к потерпевшему и найти взаимопонимание между собой, это орган расследования и банк, которые, в свою очередь, вынуждены общаться через посредника, каковым выступает суд.

Несмотря на жесткий подход банков к инцидентам с банковскими картами, потерпевшие склонны винить во всем органы расследования, упрекая их в нерадивости и отсутствии должного служебного рвения. Такие случаи, естественно, тоже бывают. Однако одним рвением проблемы доказывания названных хищений решить невозможно. Проблемы, с которыми сталкивается следователь в ходе расследования уголовных дел данной категории, вообще не могут быть эффективно разрешены в рамках действующего правового поля и сложившейся теоретической парадигмы доказывания. Криминалистические средства в области тактики и методик расследования этих преступлений могут лишь ослабить эти проблемы или перевести их в разряд латентных (якобы решенных).

В связи с этим поиски решения проблемы доказывания указанных хищений должны последовательно вестись на научном, правовом и практическом уровне. Все эти уровни тесно взаимосвязаны. Однако первейшее значение имеет уровень научной методологии. Эффективное разрешение проблем и оптимизация доказывания требуют хорошо продуманных методологических шагов.

Сформулируем ряд выводов, на которые хотелось бы обратить особое внимание.

1. Доказывание по уголовным делам о хищениях денежных средств с банковских счетов граждан, совершаемых с применением средств связи, сети «Интернет», имеет свою специфику и сопутствующую ей проблематику, обусловленную информационно-технологическими, юридическими и организационными предпосылками.

Основное противоречие, генерирующее проблемы доказывания в данной сфере, заключается в усугубляющемся отставании уголовно-процессуальной формы, в рамках которой вынуждены действовать органы расследования, от динамично развивающихся технологических форм хищениях денежных средств с банковских счетов граждан, совершаемых с применением средств связи, сети «Интернет».

2. Проблемы доказывания по уголовным делам о хищениях денежных средств с банковских счетов граждан, совершаемых с применением средств связи, сети «Интернет», усугубляются наличием банковского противодействия, опирающегося на законные основания, но, по сути, являющегося прямым злоупотреблением правом на сохранность информации о вкладах граждан. Банки, проводя внутренние расследования, не оказывают должного содействия органам внутренних дел, а при запросе необходимых для расследования данных выдают лишь те факты, которые не дискредитируют банк. Подобная дезинтеграция органов расследования и банковской сферы является ключевой организационной предпосылкой проблем доказывания.

3. Изменение технологического облика преступности предполагает изменение приоритетов в разработке новой уголовно-процессуальной формы доказывания. От преимущественно идеологических подходов к построению контрольных институтов, лишь прикрываемых (подходов) методологической аргументацией, нужно переходить к подходам, адекватным современным криминальным технологическим вызовам.

Виртуализация и цифровизация преступности требует адекватной технологической реакции со стороны уголовно-процессуальной формы. В совершенствовании уголовно-процессуальной формы доказывания упор необходимо делать на

технологический подход. А этот подход, в свою очередь, предусматривает разработку теоретических основ повышения мобильности доказывания, предполагающего усиление его информационно-технологической составляющей с одновременной корректировкой отдельных правозащитных установок.

4. Информационно-технологические возможности преступников значительно затрудняют процесс установления их виновности. Традиционные подходы к доказыванию, опирающиеся на презумпцию невиновности, в рамках доказывания хищений денежных средств с банковских счетов граждан, совершаемых с применением средств связи, сети «Интернет», должны допускать расширенное применение формальных средств доказывания. В целях профилактики указанных преступлений и повышения эффективности доказывания можно установить презумпцию причастности к преступлению владельца банковской карты, на которую были перечислены похищенные средства, и, соответственно, возложить на него бремя доказывания своей непричастности к совершенному хищению.

Новая юридическая реальность, корректируемая развитием информационных технологий, требует, как ни парадоксально, применения непопулярных средств и подходов. Именно такой подход используется в банковской сфере. Если человек находился в городе, где была совершена преступная транзакция, и карта была там же, то банки чаще всего отказывают в возмещении ущерба, так как теоретически картой мог воспользоваться если не сам потерпевший, то кто-то из родственников или ближайшего окружения и доказать, что человек в момент совершения операции был где-то в другом месте и не совершал ее лично, довольно трудно [1, с. 35].

Таким образом, формальные средства доказывания будут способствовать гармонизации различных отраслевых доказательственных подходов к факту криминального обращения с банковскими картами и счетами граждан.

5. Специфика доказывания по уголовным делам о хищениях денежных средств с банковских счетов граждан, совершаемых с применением средств связи, сети «Интернет», требует

дифференцированного подхода к уголовно-процессуальной форме получения информации на первоначальном этапе расследования. Данный подход должен дать основания для нормативной корректировки срока расследования (в сторону увеличения), обусловленной обязательным получением судебных решений на получение информации о соединениях между абонентами и ответов на запросы из компаний сотовой связи, банков, провайдеров.

6. Оптимизация доказывания по уголовным делам о хищениях денежных средств с банковских счетов граждан, совершаемых с применением средств связи, сети «Интернет», требует и особого качества субъектов расследования. Установление способа незаконного получения информации о банковской карте, ее владельце, механизма совершения хищения, отыскания следов преступления и похищенного, а также лиц, совершающих данные преступления, представляет весьма сложную задачу для сотрудников органов расследования, поскольку требует применения специальных познаний и навыков в сфере связи и коммуникаций, информационной безопасности. Выход видится в специализации следователей и активном привлечении специалистов. Эффективное расследование таких дел становится делом «коллективного» разума.

7. Специализация доказывания по уголовным делам о хищениях денежных средств с банковских счетов граждан, совершаемых с применением средств связи, сети «Интернет», предполагает смещение центра доказывания на досудебные стадии. Ключевой фигурой формирования доказательств по данной категории уголовных дел становится именно орган расследования. И эффективное исполнение этой функции требует предоставления ему большей процессуальной самостоятельности в доступе к информации, имеющей отношение к вкладам граждан, с которых были совершены хищения.

8. Оптимизация доказывания хищений денежных средств с банковских счетов граждан, совершаемых с применением средств связи, сети «Интернет», предполагает внедрение концепции минимизации элементов уголовно-процессуальной

формы, имеющей своим предназначением исключительно защиту прав граждан на сохранение тайны банковских вкладов.

Вполне допустимо исключить из процессуальной формы доказывания получение судебного решения до возбуждения уголовного дела при условии наличия письменного согласия заявителя на получение следователем информации об операциях по его (заявителя) банковским счетам и вкладам, о входящих и исходящих сигналах соединений телефонного аппарата заявителя. В данном случае права заявителя как клиента указанных организаций и права, предусмотренные ст. 23 Конституции Российской Федерации, нарушены не будут, так как не будет неправомерного доступа к указанной информации. Это значительно ускорит процедуру доследственной проверки по данной категории уголовных дел и будет способствовать принятию обоснованного решения о возбуждении уголовного дела.

9. Оптимизация доказывания хищений денежных средств с банковских счетов граждан, совершаемых с применением средств связи, сети «Интернет», предполагает корректировку общих условий предварительного расследования, в частности правил о подследственности. Целесообразно ввести в ст. 152 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации дополнительный пункт, согласно которому возбуждение и расследование уголовных дел о хищениях денежных средств с банковских счетов граждан, совершаемых с применением средств связи, должно осуществляться по месту перечисления потерпевшим денежных средств.

10. Оптимизация доказывания по уголовным делам о хищениях денежных средств с банковских счетов граждан, совершаемых с применением средств связи, сети «Интернет», требует инновационных подходов к разработке мер уголовно-процессуального стимулирования участников доказывания, направленных на сотрудничество в плане формирования доказательств. Стимулирование должно быть направлено на участников как со стороны обвинения, так и со стороны защиты.

Новый взгляд на проблемы доказывания в целом и на специфику доказывания хищений денежных средств с банковских

счетов граждан, совершаемых с применением средств связи, сети «Интернет», крайне актуален, а следовательно, актуальна и предлагаемая концепция оптимизации доказывания по данной категории уголовных дел. В самом широком смысле наша концепция должна внести вклад в решение глобальной проблемы – в обеспечение неотвратимости ответственности по данным видам преступлений на уголовно-процессуальном этапе.

Примечание

1. *Зибера О.С., Зиберов В.С.* Проблемы выявления «заочного списания» как одного из современных способов совершения хищений с банковских пластиковых карт // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. № 4 (20).

А.Ю. Волкова,
адъюнкт очной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России.

Научный руководитель –
д.ю.н., доцент *В.В. Сверчков*

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ КОНСТРУКЦИЯ СОГЛАСИЯ ПОТЕРПЕВШЕГО НА ПРИЧИНЕНИЕ ВРЕДА

Volenti non fit injuria (лат.) –
нет обиды изъязвившему согласие.
Дигесты, LVII, 10, 1

Исторически особая норма согласия на физический вред возникла в англо-американской юриспруденции в XVII в. До этого человек мог свободно соглашаться практически на что угодно, и согласие рассматривалось как полный запрет на судебное преследование. Популяризация института согласия потерпевшего на причинение в рамках уголовной политики начала происходить в связи с монополизацией государством мер по охране законных интересов личности, общества и государства. Потерпевший становился неключевой фигурой производства по уголовному делу, поскольку при совершении преступления нарушался общественный интерес, следовательно, человек потерял способность соглашаться с возможным причинением вреда, так как государство рассматривало это как вред в отношении себя.

Переходя к современным российским реалиям, хотелось бы отметить, что первостепенной задачей российского уголовного законодательства является охрана прав и свобод человека (гражданина). Уголовный кодекс Российской Федерации признает

конкретные деяния преступными, но это не позволяет в полной мере оградить человека и гражданина от посягательств на его охраняемые законом интересы.

Ряд авторов (В.В. Колосовский и Е.В. Благов) считают, что факт деяния ошибочно ассоциировать лишь с противоправным общественно опасным поведением конкретно взятого человека [1, с. 21]. Наиболее ярко и отчетливо вышесказанное утверждение находит свое отражение в медицинской деятельности, так как незащищенность человека при медицинском вмешательстве дает основание для усиления правовой защиты при его лечении или ином медицинском вмешательстве. Наглядно вопрос уголовно-правового согласия лица на причинение вреда хотелось бы рассмотреть на примерах из практики пластической хирургии как наиболее ликвидной составляющей современной медицины.

Спектр хирургических вмешательств в настоящее время поражает своей масштабностью, причем в большинстве случаев вмешательство не связано с конкретно определенным показанием по критерию здоровья. Человек добровольно идет на медицинские вмешательства, связанные с хирургической пластикой различных частей тела, различными инъекциями и трансплантациями и т. п. Но на подобные вмешательства также распространяются требования отечественного законодательства по безопасности и врачебной этике. Положения Кодекса профессиональной этики врача Российской Федерации обязывают оказывать качественную, эффективную и безопасную медицинскую помощь [2].

В соответствии с действующим правилом лицо не может согласиться с телесным повреждением. Но факт хирургического вмешательства с целью устранения определенного эстетического недостатка или получения желаемого визуального эффекта говорит об обратном: лицо желает добровольно претерпеть телесное повреждение для достижения визуального эффекта, причем не весь спектр хирургических вмешательств достаточно изучен, что может свидетельствовать о наступлении некоторых негативных последствий.

Во многих статьях о результатах маммопластики говорится о специфичных негативных последствиях: об этом может свидетельствовать как отсутствие аналитики о результатах данной процедуры на протяжении длительного времени, так и наличие непрофессионального проведения подобного хирургического вмешательства. В каких же случаях согласие лица на медицинское вмешательство подобного вида будет исключать уголовную ответственность врачей, проводивших операцию?

Условия правомерности причинения медицинским работником вреда пациенту при добровольном его согласии (исключаящем преступность деяния) должны быть следующими:

1. Полная информированность. Согласие пациентом должно быть дано после его полного информирования о следующих составляющих медицинского вмешательства: аргументация вмешательства и предпосылки его проведения, желаемые результаты, предполагаемые опасности, в том числе вероятность побочных эффектов, иного вреда здоровью.

2. Своевременность. Информированное добровольное согласие должно быть получено до медицинского вмешательства, при этом должен быть определен запас времени для проработки иных методов вмешательства в случае отказа лица от предложенного. Это условие не распространяется на экстренное медицинское вмешательство.

3. Осознанность согласия. Согласие должен давать непосредственно пациент, но если он не может в полной мере осознавать характер оказываемой ему медицинской помощи в силу своего физического или психического состояния, то эта процедура проводится с его законными представителями, которые также полностью информируются в установленном порядке.

4. Субъект медицинского вмешательства. Пациент согласен на медицинское вмешательство конкретным специалистом (группой специалистов), что указывает на определенный уровень доверия врачу (группе специалистов) и уровень его (их) квалификации.

5. Письменная форма согласия. Четко определенная документальная форма выражения информированного добровольного согласия пациента на медицинское вмешательство с изложением

прав и обязанностей, ответственности каждой из сторон за уровень и итоги медицинского вмешательства [3, с. 588].

Зачастую не уделяется должного внимания именно уголовно-правовой стороне письменного согласия гражданина на медицинское вмешательство, хотя его цель – охрана прав и свобод человека (гражданина) от медицинского противоправного воздействия, от врачебных преступлений, что отражает одну из задач уголовного законодательства. В связи с этим не стоит расценивать согласие пациента на причинение вреда его здоровью или наступление смерти как добровольное желание претерпеть вред или умереть с помощью медицинского вмешательства. Таким образом, введение в уголовное законодательство такого нового обстоятельства, исключающего преступность деяния, как согласие пациента на причинение вреда, характеризуется общественной полезностью и в той части, что граждане будут более информированы о характере оказываемой им медицинской помощи и о последствиях конкретного медицинского вмешательства. Также это будет выступать некой мерой защиты медицинских работников при осуществлении их профессиональной деятельности.

Что же касается уголовно-правовой конструкции согласия лица на причинение вреда при проведении хирургических вмешательств, связанных с эстетической медициной, добровольное информированное согласие должно защитить в большей части медицинских работников, так как лицо (пациент) осознанно принимает решение на изменение своей внешности посредством подобных мер. Но такое обстоятельство, как согласие лица на причинение вреда, не будет освобождать от уголовной ответственности медицинских работников при ненадлежащем выполнении выбранной пациентом процедуры: использование некачественных материалов и трансплантатов, проведение операции при медицинских противопоказаниях, например аллергических реакциях. Этот факт не должен способствовать росту количества псевдомедицинских организаций в сфере пластической хирургии и врачей, желающих легко заработать деньги на доверии клиентов, которые хотят изменить свою внешность.

Примечания

1. *Колосовский В.В.* Квалификационные ошибки: некоторые проблемы теории и практики // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2006. № 13.

2. Кодекс профессиональной этики врача Российской Федерации от 5 октября 2012 г. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_174773/ (дата обращения: 04.06.2019).

3. *Волкова А.Ю.* Согласие пациента на причинение вреда как обстоятельство, исключающее преступность деяния медицинских работников // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: сборник материалов XVI Международной научно-практической конференции. Москва, 2019.

Н.В. Габоев,
адъюнкт заочной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России.

Научный руководитель –
д.ю.н., доцент *О.А. Берзинь*

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ, ПРАВОВЫЕ И ИНЫЕ ПРЕДЕЛЫ ПОНИМАНИЯ КОРРУПЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Известно, что научное познание – это целенаправленный процесс получения объективного знания, отвечающего критериям истинности, направленного на отражение закономерностей действительности, с использованием специфических процедур и методов. Феномен коррупции, выступая сложной социально-правовой проблемой, является одним из основных объектов научного познания, цель которого – определение ее причины, сущности, механизма воздействия на общественные, экономические и политические отношения и выработка мер борьбы с данным явлением.

Конечно, в начале познавательной деятельности возникает вопрос о понятии «коррупция». С обывательской точки зрения все довольно очевидно. Исходя из информационного пространства, созданного средствами массовой информации и государственной системой пропаганды нетерпимости к коррупционным проявлениям, этот феномен предстает в качестве схемы с обязательным участием чиновников для получения материальной выгоды в виде взяток. Казалось бы, все очень просто, однако с научно-исследовательской позиции

обстоятельства не столь однозначны. И главное, при таком множестве субъектных познавательных элементов до настоящего времени не сформировано единство мнений по данной проблеме. Причиной тому может выступать разнообразная методологическая база существующих научных кругов, их несхожее ценностное содержание.

Отмечается различное понимание коррупции в рамках разнообразных отраслей знаний. Термин «коррупция» имеет латинское происхождение и означает: совращение, подкуп; извращенность, превратность; расстройство, расшатанность, плохое состояние здоровья; порчу, упадок [1, с. 266].

Согласно Толковому словарю русского языка С. Ожегова, коррупция понимается как «моральное разложение должностных лиц и политиков, выражающееся в незаконном обогащении, взяточничестве, хищении и срастании с мафиозными структурами» [2].

Надо понимать, что широкая трактовка коррупции с учетом ее трансформации и движения в современном социально-экономическом пространстве означает включение в этот термин множества криминологических явлений, таких как: хищение, служебный подлог, незаконное участие в предпринимательской деятельности, ограничения конкуренции, должностные преступления, непосредственно дача и получение взятки (коммерческий подкуп) и даже преступления против жизни и здоровья, в том числе заказные убийства. Наличие как узко, так широко направленных подходов к определению рассматриваемого явления говорит о сильном колебании существующих мнений. Несмотря на то, что действующим законодательством Российской Федерации дано нормативно-правовое определение понятию «коррупция» [3], разногласия в раскрытии ее сущности не устранены.

Необходимо отметить, что юридическое понятие коррупции не охватывает всех явлений, связанных с данным феноменом. Некоторые ученые в рамках юридической доктрины максимально сузили это понятие, рассматривая его как самостоятельный и вредоносный вид экономической преступности

(криминального предпринимательства) [4, с. 18–19]. По нашему мнению, такое определение очень ограничено и не раскрывает множество аспектов коррупционных проявлений. Нами поддерживается точка зрения Г.И. Богуша, который видит коррупцию сложной, многогранной, синтетической структурой, имеющей глубокое социально-философское значение [5].

Дальнейший анализ юридической научной литературы, затрагивающей вопросы изучения термина «коррупция», показал, что ряд ученых отмечают многоаспектность исследуемого явления. Так, Г.А. Сатаров раскрывает рассматриваемый феномен такими понятиями, как «коррупционные отношения», «коррупционные сделки», «коррупционное поведение», при этом указывая, что все эти термины являются лишь различными пределами коррупции, подчеркивая ее сложность и подвижность [6]. В свою очередь, Г.К. Мишин относит коррупцию к «теоретическим построениям высшего уровня», также акцентируя внимание на ее осложнениях [7, с. 263].

Некоторые ученые, в частности А.Н. Агыбаев, сравнивают коррупцию с «порчей», «коррозией» власти, ассоциируя этот процесс с разрушением, спроецированным на общественные отношения и работу государственного аппарата [8, с. 8–9]. Схожее мнение имеет А.И. Кирпичников, который также определяет коррупцию как «коррозию» власти, сравнивая воздействие коррупции на муниципальную и государственную деятельность с ржавчиной, разъедающей металл, при этом добавляя, что понижение сопротивляемости общества воздействиям коррупционных проявлений имеет аналог со снижением коррозионной устойчивости металла [9, с. 17].

Такое видение сущности коррупции в большей степени относится к социально-философскому подходу, который выражается в том, что коррупция в данной ситуации выступает порождением увеличивающейся социальной безнравственности и попустительства общества, показывающего свою несопротивляемость и безразличие, что в конечном счете приводит к социальной «слепоте», то есть к невозможности вычленить негативный процесс из законного правового механизма осуществления

властных полномочий. В этом контексте нельзя опускать значение психологических процессов общества, которое выступает индикатором коррупционной «болезни». Запущенная «болезнь» может дать «метастазы», нарушая деятельность государственных, социальных, экономических и политических институтов, что в итоге может привести к снижению уровня жизни, нравственному упадку и ухудшению криминальной обстановки в целом. В связи с этим считаем правильным не фокусироваться на развитии коррупции в отдельных государственных и муниципальных структурах и обращать пристальное внимание на само общество, его отношение к коррупционным процессам и вовлеченность в них.

Дальнейший анализ общих коррупционных механизмов связан со взаимодействием конкретных субъектов и объектов властных отношений. Причем субъектами являются гражданин, группа граждан либо общество в целом, а объектами – представители власти различных уровней. В данном случае субъект выступает в качестве некоего принципала, а должностное лицо – в качестве агента, которому принципал в рамках действующего законодательства дает полномочия на совершение властных действий в интересах общества и государства. Следует сразу уточнить, что по отношению к обществу должностное лицо будет агентом, однако в отношении нижестоящих должностных лиц в системе государственной иерархии – в качестве принципала.

Злоупотребление такими отношениями в своих интересах как со стороны принципала, так и со стороны агента является сигналом возникновения коррупционных проявлений. При этом не имеет значения, совершается ли противоправный поступок ради получения материальной выгоды, то есть с корыстной заинтересованностью, или по иным мотивам.

Далее хотелось бы обратить внимание на такое понятие, как «политическая коррупция», которое широко используется в теории некоторых научных школ [10, с. 356]. Ее особенностью является наличие антисоциальных и безнравственных признаков при отсутствии противоправности. Суть такого подхода к

исследуемому явлению заключается в обнаружении аморальной симптоматики среди должностных лиц, совершающих действия с коррупционным оттенком. Данная модель показывает активную вовлеченность общества в борьбу с укоренившимся механизмом получения чиновничьим аппаратом корыстной выгоды сверх официально установленного дохода в процессе исполнения муниципальных и государственных функций. По нашему мнению, закрепление указанного понятия может расширить пределы юридического понимания, поскольку выдвигает на первый план социальную активность и давление общества на должностных лиц, участвующих в коррупционных схемах, с помощью мер привлечения к административной или уголовной ответственности только в случаях высокой общественной опасности, когда превентивные меры неэффективны, а последствия ярко выражены и очевидны.

Рассматриваемый подход может, во-первых, заложить в общественное сознание нетерпимость к коррупции, во-вторых, создать превентивную модель противодействия коррупционным процессам, поскольку должностные лица в первую очередь будут нести ответственность перед социумом.

Стоит обратить внимание на то, что действующие российские реалии не позволяют применить модель социального давления, так как общество, в котором глубоко укоренился правовой нигилизм, не способно проявлять целенаправленную активность в борьбе с коррупцией. В связи с этим изучаемый подход в настоящее время не будет иметь практической перспективы.

Однако использование такой модели в юридической правоприменительной практике в качестве основы в зависимости от общественной опасности дает возможность не только применять уголовно-правовые меры, но и активно внедрять привлечение должностных лиц к дисциплинарной либо гражданско-правовой ответственности, а также применять общественное воздействие с использованием воспитательных мер и методов убеждения.

С вышеописанным подходом, конечно же, не согласится криминологическая наука, которая заключила коррупцию в

строгие рамки уголовного закона. Исходя из этой позиции любые противоправные действия чиновников рассматриваются через понятие «коррупционная преступность», то есть наличие либо отсутствие в их деятельности признаков состава уголовно наказуемого деяния. В свою очередь, любые отклонения воспринимаются как сигнал, предшествующий коррупционному преступлению. Таким образом, ядром криминологического понятия «коррупция» выступают должностные лица, преступившие запреты, предусмотренные статьей или совокупностью статей Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, об ответственности за коррупционные правонарушения, а изучение причин и условий осуществляется после совершения такого деяния. Игнорирование дисциплинарных, гражданско-правовых и общественно-моральных аспектов является, по нашему мнению, существенным недостатком при формировании универсальной модели понятия коррупции.

Учитывая вышеизложенное, нельзя не обратить внимание на тот факт, что отечественная юридическая наука создала прочную взаимосвязь между коррупцией и должностным лицом. Важно отметить, что главный методологический критерий понятия «должностное лицо» – осуществление им организационно-распорядительных функций, что является проблемой в случае, когда участник коррупционных схем, работающий в государственных или муниципальных органах, с юридической точки зрения не подлежит ответственности за коррупционное преступление ввиду отсутствия в его должностной инструкции исполнительно-распорядительных полномочий. Наличие таких прецедентов сильно принижает значение идеи борьбы с коррупцией. В итоге законодательная антикоррупционная борьба осуществляется в поле правового регулирования исследуемых отношений, которые имеют явные недостатки.

Продолжая рассматривать данную тематику, хотелось бы остановиться на том, что некоторый интерес к изучению коррупции проявляется экономической доктриной. В частности, в таких исследованиях раскрываются вопросы существования теневой экономики, связи реализации государственных целевых

инвестиционных программ с проявлением коррупции, взаимозависимости объема финансирования проводимых реформ с распространенностью и уровнем коррупции. Недостатком указанных методов является то, что в своей основе они носят описательный, статистический характер, не выявляя закономерностей и причин возникновения коррупции.

Несмотря на это, в России делаются попытки изучения коррупции с использованием методов различных дисциплин. Хотелось бы затронуть работу С.В. Бондаренко, который анализирует социально-экономическое развитие общества с учетом современного воздействия коррупции на данную область [11]. Главной чертой внедренных им методов является использование современных информационных матриц и технологий, применение которых эффективно при сопоставлении соответствующих характеристик государств с различными уровнями коррупции, с целью установления факторов и особенностей (законодательных, социальных, экономических, географических), влияющих на увеличение либо снижение коррупционных проявлений.

В целом можно сделать вывод, что проводимые исследования проблем коррупции и борьбы с ней носят в основном описательный характер без развития методологии. Данный вопрос исследуется однобоко и узконаправленно, учитывая лишь юридические и криминологические аспекты, не включая более широкие инструменты (социально-экономические, административные, психологические и философские подходы).

Анализ понятия коррупции выявил ее глубокое вплетение в социальные, экономические, политические и государственные явления, которые неизменно находятся в центре внимания мыслителей, ученых, общественных деятелей и политиков. Развитие и преобразование общественной и политической мысли связано с осознанием причин и последствий коррупции, а также с оценкой ее масштабов. Поэтому к данному феномену проявляется особый углубленный интерес со стороны специалистов и исследователей различных направлений и сфер деятельности, включающих в себя, помимо юриспруденции, политологию,

философию, экономическую теорию и криминологию. Такой гносеологический импульс, исходящий из указанных научных областей, показывает прежде всего стремление изучить явление коррупции с использованием инструментария, раскрывающего иные, ранее неизвестные ее стороны, что позволяет провести углубленный анализ и рассмотреть коррупционные механизмы и процессы более полноценно и всесторонне.

Недостаточность обобщенных, систематизированных знаний о социальном, экономическом и политическом устройстве коррупции, а также многогранность изучаемого явления вынуждают научное сообщество поднимать вопрос о необходимости разработки теоретической основы, которая послужила бы более глубокому ее исследованию. Становится очевидным, что такой базис невозможно создать без применения комплексного подхода.

Подводя итоги, хотелось бы сделать обобщение рассмотренных суждений о сущности коррупции и подходов к определению ее понятия с учетом междисциплинарного контекста. В широком понимании коррупция представляется как достаточно подвижное, хорошо приспособляющееся, трудно устранимое явление, которое глубоко укоренилось в социуме, в его моральных и нравственных устоях, социально-экономических отношениях и государственно-политической системе. Она имеет длительную историю, поражает все сферы деятельности и парализует правовые механизмы, тем самым не давая возможности в рамках действующих законов ограничить свое распространение; обладает признаками саморазвития и самоорганизации. В связи с этим пределы понимания и распознавания коррупции не должны ограничиваться рамками юриспруденции, область применения которой по отношению к исследуемому явлению не затрагивает глубинные (причинные) процессы его возникновения. По нашему мнению, использование наряду с правовыми методами социальных, психологических, философских и иных подходов способствует расширению горизонта действий и повышению эффективности борьбы с коррупцией.

Примечания

1. *Дворецкий И.Х.* Латинско-русский словарь. 2-е изд. Москва, 1976.

2. Толковый словарь Ожегова. URL: <http://slovariki.org/tolkovuj-clovar-ozegova/12772> (дата обращения: 20.01.2019).

3. О противодействии коррупции: федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ (последняя редакция). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/ (дата обращения: 20.01.2019).

4. *Дементьев А.С.* Проблемы борьбы с экономической преступностью и коррупцией: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 1997.

5. *Богуш Г.И.* Понятие коррупции в международном праве и российском законодательстве // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2004. № 2.

6. *Сатаров Г.А.* Коррупция в России (интервьюировал Владимир Назаров) // Юридический мир. 2004. № 4.

7. *Мишин Г.К.* О теоретической разработке проблемы коррупции // Коррупция: политические, экономические, организационные и правовые проблемы / под ред. В.В. Лунева. Москва, 2001.

8. *Агыбаев А.Н.* Уголовно-правовые и криминологические меры борьбы с коррупцией: учебное пособие. Алматы, 2003.

9. *Кирпичников А.И.* Взятка и коррупция в России. Санкт-Петербург, 1997.

10. *Роуз-Аккерман С.* Коррупция и государство. Причины, следствия, реформы: пер. с англ. О.А. Алякринского. – Москва, 2003.

11. *Бондаренко С.В.* Коррупцированные общества. Ростов-на-Дону, 2002.

Ю.Ю. Гарцева,
адъюнкт очной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России.

Научный руководитель –
д.ю.н., профессор *А.А. Демичев*

ПРИЧИНЕНИЕ ФИЗИЧЕСКОГО ВРЕДА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ КАК ЭЛЕМЕНТ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Со времени возникновения общества его участники стали вступать в различного рода отношения, которые часто связаны с эмоциями, темпераментом, характером их участников. В этом случае личностные характеристики сторон, вступающих во взаимодействие, могли привести к возникновению конфликтных ситуаций, иногда конфликтные ситуации перерастали в причинение физического вреда. Под физическим вредом можно понимать нанесение телесных повреждений, влекущих смерть человека либо расстройство здоровья.

Впервые о телесных повреждениях упоминается в договорах между греками и князьями Олегом (911) и Игорем (945). В данный период здоровье человека позиционировалось не как общественное благо, а как частный интерес заинтересованных лиц, задачей которых была защита данного блага. В дальнейшем развитие института возмещения физического вреда привело к появлению в Русской Правде, которая стала источником предписаний и для судебных разбирательств, норм, регулирующих вопрос возмещения причиненного физического вреда. Пространная редакция Русской Правды определила преступление как «обиду», причинение материального, морального или

физического вреда как одному лицу, так и нескольким лицам. Причинение физического вреда рассматривалось как нанесение увечий, ран, побоев и оскорбление действием.

Следующий нормативный акт, регламентирующий причинение вреда, Судебник 1497 г. систематизировал действовавшее законодательство. Судебник определил такие виды преступлений, как убийство (душегубство), злостная клевета (ябедничество), преступления против чести. Одновременно с этим преступления, связанные с причинением физического вреда, не получили должной регламентации в нормативном акте.

В отличие от Судебника 1497 г., Судебник Ивана IV, принятый в 1550 г., определил категорию преступлений против личности. В данную категорию преступлений вошли: убийство (ст. 12, 59), убийство господина холопом (ст. 61), нанесение увечий, унижение чести и достоинства лица (ст. 26), похищение человека (ст. 55, 61).

Последующим нормативным актом, регламентирующим институт причинения физического вреда, стало Соборное уложение 1649 г., действовавшее до принятия Свода законов Российской империи. Статья 10 гл. XXII Соборного уложения определила ответственность за причинение физического вреда различной степени тяжести: «А будет кто не бояся Бога, и не опасаяся государския опалы и казни, учинит над кем-нибудь мучительское наругательство, отсечет руку или ногу, или нос, или ухо, или губы обрежет, или глаз выколет, а сыщется про то допряма, и за такое наругательство самому ему то же учинити, да на нем же взятии из вотчин его и из животов тому, над кем он такое наругательство учинит, будет отсечет руку, и за руку пятьдесят рублей, а будет отсечет ногу, и за ногу пятьдесят рублей, а за нос, и за ухо, и за ухо, и за глаз, по тому же за всякую рану, по пятьдесят рублей» [1, с. 290].

Кроме этого, ст. 17 этой же главы Соборного уложения предусмотрена ответственность за причинение физического вреда женщине, в результате которого наступила смерть или иные тяжкие последствия: «А будет кто с похвалы, или с пьянства, или умыслом наскочет на лошади на чью жену, и лошадыю

ея стопчет и повалит, и тем ея обесчестит, или тем боем изувечит, и беременная будет жена от того его бою дитя родит мертво, а сама будет жива, а с суда сыщется про то допряма, и тому, кто учинит, за такое его дело учинити жестокое наказание, велеть его бити кнутом нещадно, да на нем же доправити той жене бесчестье и увечье вдвое, да его вкинути в тюрьму на три месеца. А будет от того его лоб та жена и сама умрет, и его за такое его дело казнити смертию» [1, с. 291].

Соборное уложение дифференцировало ответственность за причинение физического вреда по родственному признаку, при этом особое внимание уделялось посягательствам детей на своих родителей: «... а будет кто сын или ли дочь, не помня закона христианского... отца и мать з дерзости рукою зашибет...». За подобные преступления ответственность предусматривалась в виде битья кнутом [2, с. 289].

В 1832 г. был принят Свод законов Российской империи, который содержал дифференциацию телесных повреждений на раны и увечья. Увечье Свод законов в ст. 358 определил как «лишение какого-нибудь члена или приведение оногo в бездействие», раны же в ст. 359 – как «язвы снаружy тела нанесенные», «когда кто прибьет до крови, да причинит багровые пятна, или выдерет волосы» [3, с. 296].

В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. была выделена глава «О нанесении увечья, ран и других повреждений здоровью» (разд. X, гл. 3, ст. 1477–1496). В содержании Уложения приведен обширный перечень преступлений, связанных с причинением физического вреда, однако он не образовал единой системы. Самым тяжким преступлением по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных признавалось убийство. Однако смертная казнь за совершение подобного преступления на законодательном уровне была отменена. Наказание за убийство предусматривало лишение прав состояния, бессрочную каторгу и телесные наказания в виде 100 ударов плетью. Особо жестоко наказывались убийства детей, в том числе абортy. Ответственность для женщин в данном случае была предусмотрена в виде лишения прав состояния, телесных наказаний и ссылки в Сибирь.

Особое внимание в вопросе правовой регламентации института причинения физического вреда стоит обратить на межличностный институт таких отношений. Зачастую причинение физического вреда в виде побоев, увечий и иных телесных повреждений является следствием неприязненных отношений между сторонами конфликта, основанных на личностных характеристиках. При этом правовая регламентация необходима в случае, когда потерпевшая сторона обращается в правоохранительные или судебные органы за защитой своих нарушенных прав. В данной ситуации по инициативе потерпевшего преступник может быть привлечен к уголовной ответственности, государство же выступает в роли гаранта защиты нарушенных прав.

Примечания

1. Соборное Уложение 1649 года. Москва, 1961.
2. *Тихомиров М.Н., Епифанов П.П.* Соборное уложение 1649 года. Москва, 1961.
3. *Шаргородский М.Д.* Преступления против жизни и здоровья. Москва, 1948.

Ю.В. Говорухина,
адъюнкт очной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России.

Научный руководитель –
д.ю.н., доцент *Н.В. Макарейко*

РОЛЬ ПРАВОВОЙ СТРАТЕГИИ В ПОЛИТИКЕ ГОСУДАРСТВА

В практике политического управления в России принято публиковать особый вид документа – правовые стратегии. Однако до сих пор среди ученых и политиков не сформировалось единого мнения о роли этих документов в политическом управлении. Все это значительно затрудняет восприятие смысла проводимой государством политики, снижает качество процесса управления.

Успешная политика государства во многом зависит от достижения поставленных целей в процессе его развития. В свою очередь постановка целей должна основываться на ценностных ориентирах [1, с. 54]. Формирование ценностей общества и государства и определение основных направлений развития страны составляют основу его идеологии.

В связи с вышеизложенным, на наш взгляд, справедливы следующие вопросы: каким документом должны быть определены указанные ориентиры государства; являются ли они первичными и общегосударственными для всех органов власти и граждан?

Чтобы понять особенности правовых стратегий, обратимся к источникам, раскрывающим само понятие стратегии.

Термин «стратегия» пришел в правовую лексику из военной сферы. С политической точки зрения данное понятие относится к целям взаимосвязанных тактических задач (политических,

экономических, правовых, военных и др.); оно означает определенный план политической деятельности по решению масштабной общественной проблемы.

Как и военная стратегия, правовая стратегия состоит из многих различных элементов, таких как стратегические направления концентрации усилий, тактические задачи, механизмы их решения по каждому стратегическому направлению и т. д. Все они связаны с единой политической целью и общими задачами. Иными словами, правовую стратегию можно сравнить с конструктором, состоящим из множества узлов и деталей, собранных вместе определенным образом, позволяющих функционировать всему механизму и решать поставленные задачи.

Основной особенностью стратегии является глубокая научная разработка структуры политической деятельности государства. В соответствии с Федеральным законом от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [2] стратегия носит статус документа стратегического планирования, охватывающего длительный период политической деятельности.

Таким образом, стратегия основана на действующем законодательстве и одновременно является источником совершенствования правовой системы.

Вместе с тем, стратегия должна охватывать ряд требований, а именно:

1. Общие положения, то есть анализ стратегических проблем. Четкое видение проблемы – главный мотиватор разработки стратегии; формирование проблемы – это ее построение. Стратегия должна быть направлена на решение обозначенных задач.

2. Принципиальные стратегические решения. Данное требование означает, в каком направлении мы готовимся двигаться; какие вопросы должны решать. Разработка решений основывается на анализе возможностей для развития той или иной сферы общественной жизни и их сопоставлении с ресурсами и состоянием государства.

3. Другие организационные вопросы. Здесь на концептуальном уровне важно определить принципы работы в рамках

стратегии; другими словами, как должна строиться работа по реализации сформулированных на первом этапе стратегических задач и стратегических решений на втором этапе.

4. Стратегические ресурсы для реализации стратегии. Важно учитывать следующее правило: чтобы выполнить стратегию, нужно создать, развить, купить то, в чем нуждаются общество в частности и государство в целом.

5. Карта стратегии. Она представляет собой графическое описание стратегии в виде схемы стратегических целей и причинно-следственных связей между ними. Для каждой стратегической цели необходимо определить исполнителя, обозначив границы достижения и ответственности. Кроме того, каждая цель должна иметь измеримые количественные или качественные показатели.

В результате рассмотрения немногочисленных источников по указанной проблематике и анализа государственной практики применения такого вида документов мы делаем следующий вывод: стратегия – это документ стратегического планирования; структурированная государственная политика по решению масштабной общественной проблемы, рассчитанной на долгосрочную перспективу, с указанием конечных целей, промежуточных решений и приоритетных направлений государственной политики, а также критериев, показателей, индикаторов оценки достигнутых результатов, механизмов ее реализации.

Примечания

1. Сулакишин С.С. Теория и феноменология успешности сложной социальной системы. Москва, 2013.

2. О стратегическом планировании в Российской Федерации: федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.06.2018).

Г.В. Грешнова,
адъюнкт заочной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России.

Научный руководитель –
д.ю.н., доцент *Н.В. Макарейко*

**О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ
ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ,
ВОЗНИКАЮЩИХ ПРИ ПРИВЛЕЧЕНИИ
ГРАЖДАН, ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН
И ЛИЦ БЕЗ ГРАЖДАНСТВА
К АДМИНИСТРАТИВНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СФЕРЕ
МИГРАЦИОННОГО КОНТРОЛЯ**

Вопросы привлечения граждан, иностранных граждан и лиц без гражданства к административной ответственности в сфере миграционного контроля имеют первостепенное значение.

Для иностранных граждан, подлежащих административному выдворению и депортации, создано специальное учреждение временного содержания иностранных граждан – СУВСИГ, которое находилось под управлением и в подчинении УФМС России по Нижегородской области. После реорганизации и ликвидации ФМС на основе СУВСИГ создан центр временного содержания иностранных граждан (далее – ЦВСИГ), который стал подчиняться УОООП ГУ МВД России по Нижегородской области, а не Управлению по вопросам миграции ГУ МВД России по Нижегородской области, хотя непосредственным документированием по вопросам выдворения и депортации иностранных граждан,

информацией о лицах, содержащихся в ЦВСИГ, занимается отдел миграционного контроля ГУ МВД России по Нижегородской области. Одной из функций данного подразделения является выявление нелегальных мигрантов.

Основным направлением нелегальной миграции можно назвать трудовую миграцию. Количество незаконных трудовых мигрантов, несмотря на вводимые ограничения (экзамен по русскому языку, получение патента и т. д.), постоянно возрастает. Подделывают разрешения на работу, патенты, приглашения на въезд. Данные нарушения являются основанием для административного наказания в виде штрафа с выдворением: принудительным или самостоятельным, но контролируемым.

Как правило, у лиц без гражданства и иностранных граждан нет достаточных средств для убытия в страны исхода, поэтому чаще всего применяется принудительное перемещение через государственную границу Российской Федерации.

Лица, подлежащие такому виду выдворения обязаны до момента перемещения содержаться в ЦВСИГ. В настоящее время остро стоит проблема в переполненности специальных учреждений. У государства недостаточно средств для отправки правонарушителей домой. Кроме того, предельный срок пребывания в специальном учреждении на законодательном уровне не закреплен [1, 2], а содержание в спецприемнике осуществляется за счет бюджетных средств, конкретнее – налогообложения граждан Российской Федерации.

В силу различных обстоятельств находиться в учреждении иностранные граждане могут достаточно длительное время.

Считаем необходимым данный срок закрепить, так как неопределенное пребывание лиц в ЦВСИГ нарушает права данных граждан и ведет к тому, что в последнее время участились случаи попыток самоубийств и объявления голодовок.

Если говорить о самостоятельном выезде, здесь необходимо отметить недостаточный контроль со стороны ОВД на территориальном уровне. Иностранным гражданам на выезд дается 15 суток, и, как правило, гражданин думает, что может не выезжать либо продлить срок пребывания. В результате

возникают факты новых правонарушений и данный гражданин объявляется в розыск.

Исполнителем административного выдворения иностранных граждан является ФССП (Федеральная служба судебных приставов). На КПП Российской Федерации составляется акт о пересечении иностранными гражданами границы Российской Федерации и ставится пограничный штамп о пересечении границы согласно Инструкции по взаимодействию пограничников и ФССП [3]. Депортацией иностранных граждан занимаются сотрудники отдела иммиграционного контроля Управления по вопросам миграции (ОИК УВМ), которые осуществляют доставку в аэропорт для пересечения границы иностранным гражданином. С учетом того, что прямые рейсы во многие страны отсутствуют, депортация осуществляется через Москву, командировка занимает два-три дня, что сказывается на загруженности личного состава.

Целесообразно рассмотреть вопрос о передаче функции по доставке сотрудникам ФССП, которые и являются прямыми исполнителями административного выдворения и непосредственно участвуют в данном процессе, тем более что сотрудникам полиции по линии миграции штамп о пересечении границы пограничники не ставят в связи с отсутствием регламента по взаимодействию.

Необходимо отметить и факты искажения данных по статье доходов в ежеквартальной отчетности 1-АП по статьям, предусматривающим административное выдворение. Происходит это прежде всего из-за того, что по количеству выдворяемых, то есть исполненным постановлениям суда, невозможно установить неуплату штрафа за данное правонарушение, которое назначается как основное наказание. В итоге получается завышенная сумма штрафов, которые по факту уплачены не были.

Существуют проблемы и при приобретении иностранными гражданами гражданства Российской Федерации. С этой целью они должны на момент подачи заявления на гражданство осуществлять трудовую деятельность (не все, а только трудоспособные) и указать свой доход в заявлении за предыдущий год и на момент подачи заявления. Законодательством [4]

предусмотрено в качестве доказательства своих доходов приложение соответствующих документов, а именно справки о доходах по форме 2-НДФЛ, налоговой декларации 3-НДФЛ. Законом не воспрещено находиться на иждивении у кого-либо. Как правило, иностранные граждане обращаются за помощью к одному и тому же человеку для приобретения гражданства, и оказывается, что в их клане один работает и оказывает помощь всем другим. Необходимо ужесточить на законодательном уровне осуществление трудовой деятельности иностранных граждан на территории Российской Федерации, чтобы государство получало налоговый вычет от каждого работающего иностранного гражданина.

Определенные проблемы возникают и при применении норм Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) [5]. Например, при применении ст. 19.15.1 КоАП РФ. Если с местом жительства все понятно: гражданин выписался, ему дается 7 дней для регистрации. Срок для регистрации достаточно небольшой, так как возникли сложные ситуации, например, человек продал квартиру в одном регионе, выписался, приехал в другой регион, где требуется время найти, купить, совершить сделки, получить документы на квартиру. Таким образом, не всегда есть возможность успеть зарегистрироваться в установленные законом сроки. Или граждане продают жилье и переезжают из квартир в садовые домики, которые необходимо перевести в жилые объекты, чтобы там можно было зарегистрироваться. При этом сроки регистрации также проходят и граждан необходимо привлекать к административной ответственности.

В отношении временно прибывших другие сроки – 90 суток для регистрации, причем если в этот период гражданин выезжает к себе в регион, то срок начинает исчисляться заново. Но тут возникает вопрос доказательства данного факта.

В примечании к данной статье указано, что освобождаются от административной ответственности граждане, если они проживают у супруга, детей, родителей, бабушки и дедушки, внуков. Возникает вопрос: почему бы в данный список не добавить

братьев и сестер? Или обобщить всех указанных лиц одним словом – родственники.

При составлении протокола по ст. 19.16 КоАП РФ также возникают проблемы, связанные с вопросом о доказывании умысла при порче документа, так как неосторожность рассматривается только при утрате. Многие граждане, которые знают, что если умысел не доказан, то административная ответственность исключается, пользуются этим и намеренно говорят, что паспорт испортили, например в банке при предъявлении. Данный факт установить не представляется возможным, и поэтому протокол не составляется. Но бывают случаи, когда паспорт испортил ребенок или животное, соответственно в действиях самого гражданина умысла нет, здесь целесообразно говорить о небрежности, так как документы хранятся не в положенном месте, но протокол все равно составляется, так как гражданин сам допустил эту небрежность, хотя должен был сам бережно относиться к паспорту. Данные протоколы в основном не оспариваются в силу небольшого штрафа.

Таким образом, отдельные вопросы в рассматриваемой сфере необходимо конкретизировать в целях наиболее четкого миграционного контроля, а также исключения нарушения прав граждан.

Примечания

1. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ (ред. от 26.07.2019) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30, ст. 3032.

2. Об утверждении Правил содержания (пребывания) в специальных учреждениях Министерства внутренних дел Российской Федерации или его территориального органа иностранных граждан и лиц без гражданства, подлежащих административному выдворению за пределы Российской Федерации в форме принудительного выдворения за пределы Российской Федерации, депортации или реадмиссии: постановление Правительства РФ от 30 декабря 2013 г. № 1306 (с изменениями и дополнениями) // Собрание законодательства РФ.

3. Об утверждении Порядка организации взаимодействия Федеральной службы судебных приставов, Министерства иностранных дел Российской Федерации, Федеральной миграционной службы и Федеральной службы безопасности Российской Федерации по административному выдворению за пределы Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства в форме принудительного и контролируемого перемещения через Государственную границу Российской Федерации: приказ Министерства юстиции РФ, МИД России, Федеральной миграционной службы, ФСБ России от 19 мая 2014 г. № 100/7509/375/271 // Российская газета. 2014. 24 июня.

4. О гражданстве Российской Федерации: федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 22, ст. 2031.

5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1, ч. 1.

А.Ю. Гущин,
адъюнкт заочной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России.

Научный руководитель –
к.ю.н., доцент *М.В. Степанов*

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПОСЯГАЮЩИХ НА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ПО ОБЪЕКТИВНЫМ ПРИЗНАКАМ

Преступления, посягающие на деятельность сотрудников органов внутренних дел (далее – ОВД) Российской Федерации, являются самостоятельной группой противоправных деяний, прямо связанных с осуществлением сотрудниками ОВД своей служебной деятельности, вне зависимости от характера возникновения угрозы для этой деятельности.

В данной работе мы коснемся некоторых проблемных вопросов квалификации по объективным признакам преступлений, связанных с причинением какого-либо вреда сотрудникам ОВД Российской Федерации.

Традиционно на практике вызывает трудности правильное определение статьи Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [1], под защиту которой подпадают общественные отношения, получившие в результате противоправного воздействия наибольший вред. Действующий УК РФ оперирует сразу несколькими категориями, очерчивая круг потерпевших, когда ставит сотрудника ОВД

под специальную уголовно-правовую охрану: лицо, осуществляющее служебную деятельность (п. «б» ч. 2 ст. 105, п. «а» ч. 2 ст. 111, п. «б» ч. 2 ст. 112); лицо, участвующее в отправлении правосудия (ч. 2 ст. 294, ст. 295, ч. 2 ст. 296, ст. 298¹); сотрудник правоохранительного органа (ст. 317, 320), сотрудник места содержания под стражей (ч. 2, 3 ст. 321) и, наконец, представитель власти (ч. 1 ст. 212, ч. 2 ст. 213, ст. 318, 319). Давайте разберемся в причинах возникновения такой ситуации. С одной стороны, в единственном числе – лицо, состоящее на службе в ОВД. С другой – множество определений категорий потерпевшего. Все дело в разном составе Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России): полиция, юстиция, внутренняя служба.

Указом Президента Российской Федерации от 21 декабря 2016 г. № 699 «Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации» (ред. от 06.11.2018 г.) [2] на ОВД возложены 6 основных задач в сфере внутренних дел страны, для реализации которых делегируются 109 полномочий из разных сфер законодательства. В данном Указе отмечено, что это орган исполнительной власти.

Проведя анализ правовых актов [3] в сфере внутренних дел, можно сделать вывод, что ОВД – это многофункциональные органы, на которые возложены следующие направления деятельности: административная, управленческая, оперативно-разыскная, уголовно-процессуальная, экспертно-криминалистическая, контрольно-надзорная деятельность за соблюдением выполнения законодательства Российской Федерации, охранно-конвойная, материально-снабженческая, социально-правовая, кадровая, аналитическая, информационная, деятельность по предоставлению государственных услуг, координационная, деятельность в условиях военного и чрезвычайного положения, а также в условиях гражданской обороны, мобилизационная подготовка, образовательная деятельность, а также иные направления деятельности в сфере внутренних дел. Поэтому каждая

служба ОВД имеет свою зону ответственности и наделена соответствующими полномочиями.

С учетом указанного фактора сказать о том, что одно из вышеперечисленных определений потерпевшего будет общим по отношению к остальным, не представляется возможным. Каждое из них самобытно и подлежит использованию правоприменителем при квалификации конкретного преступления. Не стоит забывать о следующем моменте: приведенные нами толкования термина «потерпевший» будут справедливы при квалификации противоправных деяний, совершенных в отношении сотрудников ОВД, когда целью преступления является неправомерное воздействие на деятельность ОВД, а мотивом может быть месть за таковую. Другими словами, налицо должна быть непосредственная связь между противоправным деянием и деятельностью сотрудника.

Так, гражданин Н. приговором суда признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 318 УК РФ. В приговоре судом установлено, что у Н. в связи с недовольством действиями сотрудников полиции и несогласием с его задержанием возник преступный умысел, направленный на применение насилия, опасного для здоровья, в отношении представителя власти. Для реализации ранее возникшего преступного умысла в ответ на законные требования представителя власти оперуполномоченного уголовного розыска З., высказанные в связи с исполнением последним своих должностных обязанностей, действуя умышленно, осознавая общественную опасность своих действий, предвидя возможность наступления общественно опасных последствий и желая их наступления, Н. нанес телесные повреждения З. [4].

На практике нередко возникают ситуации, когда совершенное преступление в отношении представителя ОВД никак не связано с его служебной деятельностью. И в этом случае можно выделить шестую категорию сотрудника ОВД как потерпевшего от преступления – «лицо, которому преступлением причинен какой-либо вред». Поэтому считаем необходимым разобратся в хитросплетениях положений действующего УК РФ и

выработать конкретную позицию по отнесению сотрудника ОВД к определенной категории потерпевшего при квалификации преступлений, посягающих на его деятельность.

Для начала следует уяснить, когда сотрудник ОВД находится на службе, а когда – нет. Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ выделяет два режима дня сотрудника: служебное время и время отдыха. В ст. 53 рассматриваемого Закона служебное время определяется как период времени, в течение которого сотрудник ОВД в соответствии с внутренними правилами места службы и условиями контракта выполняет свои служебные обязанности. Статья 55 определяет время отдыха как время, в течение которого сотрудник свободен от выполнения служебных обязанностей (перерыв в течение служебного дня, ежедневный отдых, выходные дни, нерабочие праздничные дни и отпуска).

Сотрудников ОВД, имеющих специальные звания полиции, ч. 2 ст. 27 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» обязывает независимо от занимаемой должности, времени суток и места нахождения оказывать первую помощь пострадавшим гражданам, лицам, находящимся в беспомощном состоянии, а также при обращении к ним граждан с сообщением о происшествии предпринимать меры по их спасению или защите, задержанию лиц, подозреваемых в совершении преступления, или охране места происшествия. Данное положение Закона подтверждает расхожее выражение, что «сотрудник полиции всегда на службе».

При указанных обстоятельствах согласно п. 1 ч. 3 ст. 68 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ сотрудник считается выполняющим служебные обязанности, на него распространяются требования о соблюдении служебной дисциплины и страховые гарантии (соответственно специальной уголовно-правовой охраны). Поэтому всегда необходимым признаком сотрудника ОВД как объекта преступления будет являться непосредственная связь между совершенным в отношении него противоправным деянием и его занимаемой должностью. Данное свойство можно обозначить как «позитивное использование служебного положения» вне зависимости от того,

во время отдыха или во время отпуска, просто в свободное от выполнения служебных обязанностей время сотрудник использует (использовал ранее) свое служебное положение для защиты граждан, общества или государства от противоправных или преступных деяний. На наш взгляд, антиподом будет являться «негативное использование служебного положения» как характеристика должностного (служебного) преступления, совершенного сотрудником ОВД.

В ноябре 2013 г. инспектор по пропаганде безопасности дорожного движения ОГИБДД МО МВД России «Дятьковский» А. находился в очередном отпуске. 19 ноября 2013 г. в период времени с 21 часа 20 минут до 23 часов Голдобаев Н.В., Телевной О.А., Рязанцев Д.В., будучи в состоянии алкогольного опьянения, увидев проходящего мимо сотрудника полиции А. и заведомо зная, что тот является представителем власти, должностным лицом – инспектором по пропаганде безопасности дорожного движения ОГИБДД МО МВД России «Дятьковский», назначенным на должность приказом начальника УМВД России по Брянской области, постоянно исполняющим функции представителя власти согласно должностному регламенту (должностной инструкции), в соответствии с Федеральным законом «О полиции» от 7 февраля 2011 г., умышленно, в целях применения к А. насилия в связи с исполнением им своих должностных обязанностей по обеспечению безопасности дорожного движения на территории Дятьковского района Брянской области, в том числе связанных с привлечением ранее Рязанцева Д.В. к административной ответственности, действуя группой лиц, совместно, подошли к нему и стали словесно угрожать физической расправой, в том числе требуя от А. перестать привлекать местных жителей к административной ответственности или сменить место жительства. А. на их требования ответил отказом, пояснив, что это его работа, и во избежание конфликта прошел мимо них. Через непродолжительное время Голдобаев Н.В., Телевной О.А., Рязанцев Д.В. догнали А., реализуя совместный умысел на применение насилия, опасного для здоровья, в отношении представителя власти

в связи с исполнением им своих должностных обязанностей, нанесли А. каждый не менее двух ударов ногами и руками по голове и телу.

Из заключения служебной проверки по факту получения травмы сотрудником МО МВД России «Дятьковский» следует, что травмы получены А. 19 ноября 2013 г. в результате случая, не связанного с исполнением служебных обязанностей (в связи с противоправными действиями третьих лиц). Однако совершенно верно, на наш взгляд, это заключение судом во внимание принято не было, поскольку в ходе судебного разбирательства достоверно установлено, что насилие, опасное для здоровья, в отношении представителя власти – потерпевшего А. было применено подсудимыми в связи с исполнением им своих должностных обязанностей, то есть не во время их исполнения, а после этого, по мотиву мести за его служебную деятельность, в противодействие его законной деятельности, и действия подсудимых квалифицированы по ч. 2 ст. 318 УК РФ. Подсудимые осознавали, что они применяют насилие, опасное для здоровья, избивая потерпевшего в связи с исполнением им своих должностных обязанностей, то есть виновные, преследуя особую цель – воспрепятствовать исполнению представителем власти А. должностных обязанностей, руководствовались особыми внутренними побуждениями (мотивами) – месть за исполнение таких обязанностей представителем власти [5]. Как видно из приговора, время отдыха не явилось препятствием для дачи оценки действиям преступников по норме главы «Преступления против порядка управления» УК РФ.

Но существуют и другие позиции судебных органов. Балахнинским городским судом рассмотрено уголовное дело по обвинению гр. Сорокина А.Н. в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 318 УК РФ. Вынесенным приговором указанная квалификация, данная на предварительном следствии, была изменена на ч. 1 ст. 115 УК РФ. Преступление было совершено при следующих обстоятельствах. Оперуполномоченный отдела уголовного розыска Р., находясь в кафе в свободное от службы время, попытался пресечь конфликт между

гр. Е. и гр. Сорокиным А.Н. С последним Р. был ранее знаком, поскольку участвовал в проведении следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий в его отношении. Далее Сорокин А.Н. нанес Р. телесные повреждения ввиду наличия к нему неприязненных отношений в связи со службой в полиции. Несмотря на то, что в ходе судебного разбирательства установлено, что имело место высказывание недовольства деятельностью Р. как полицейского, его оскорбление Сорокиным в ходе совершения насильственных действий, данные обстоятельства не могут свидетельствовать о том, что телесные повреждения подсудимый причинял потерпевшему в связи с исполнением им своих должностных обязанностей. Судом вообще не учтен ретроспективный момент – месть за служебную деятельность; им указано, что ответственность по ст. 318 УК РФ якобы наступает только в случае противодействия его (представителя власти) законной деятельности. Неверное толкование судом нормы закона привело к необоснованному смягчению мер наказания, примененных к подсудимому [6].

Должностное положение сотрудника ОВД, помимо преступлений, совершенных на бытовой почве, может не учитываться и на почве личной неприязни в ходе совместного несения службы или при несогласии с решениями руководства. Так, в ходе предварительного следствия действия бывшего следователя УВД по Кстовскому району Джалилова М.М., который на почве возникших личных неприязненных отношений по причине отказа в предоставлении ему очередного отпуска нанес начальнику УВД по Кстовскому району Н. телесные повреждения, квалифицированы по ч. 1 ст. 318 УК РФ. Однако судом предварительная квалификация была изменена на ч. 1 ст. 116 УК РФ (в редакции Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ [7]) на основании того, что подсудимый Джалилов М.М., будучи в подчинении начальника УВД по Кстовскому району Нижегородской области Н., нанес последнему побои на почве личных неприязненных отношений, возникших в ходе осуществления трудовой деятельности, находясь от него в служебной зависимости [8].

Понятие «лицо, осуществляющее служебную деятельность» мы употребляем в качестве определения сотрудника ОВД, пострадавшего от преступления, в связи с конкуренцией норм гл. 16 и 32 УК РФ, что, в свою очередь, порождает связательность данного понятия с терминами «представитель власти» и «сотрудник правоохранительного органа». По общему правилу деяние против жизни или здоровья сотрудника ОВД подлежит квалификации по п. «б» ч. 2 ст. 105, или п. «а» ч. 2 ст. 111, или п. «б» ч. 2 ст. 112 УК РФ в случае достижения злоумышленником возраста 14 лет и недостижения 16. Из этого следует вывод, что термин «лицо, осуществляющее служебную деятельность» является синонимом к понятиям «представитель власти» и «сотрудник правоохранительного органа».

В примечании к ст. 318 УК РФ говорится, что представитель власти – это должностное лицо правоохранительного или контролирующего органа, а также иное должностное лицо, которое в установленном законом порядке наделено в отношении лиц, не находящихся от него в служебной зависимости, распорядительными полномочиями. Следовательно, мы можем сделать вывод, что понятие «сотрудник правоохранительного органа» является составным элементом категории «представитель власти». Для признания сотрудника ОВД потерпевшим от преступления, направленного на противодействие его профессиональной деятельности или же совершенного из мести за таковую, необходимо устанавливать наличие в его должностном положении такого критерия, как право в установленном порядке в пределах своей компетенции давать обязательные для исполнения указания лицам, не находящимся в отношении него в служебной зависимости. Такими полномочиями, как правило, обладают сотрудники ОВД, имеющие специальные звания полиции или юстиции, стажеры по должностям полиции или юстиции, а также сотрудники внутренней службы в случае возложения на них обязанностей по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности.

Сразу оговоримся, что в случае посягательства на жизнь сотрудников ОВД, реализующих функции предварительного расследования, в связи с такой деятельностью или из места за нее действия злоумышленников подлежат оценке по ст. 295 УК РФ, а в случае угроз или насильственных действий – по ч. 2 ст. 296 УК РФ. К этой группе относятся следователи, дознаватели, а также иные сотрудники ОВД, на которых в момент осуществления противоправного деяния были возложены полномочия по осуществлению следствия или дознания.

В указанных обстоятельствах сотрудник ОВД как потерпевший подпадает под категорию «лицо, участвующее в отправлении правосудия». Так, гр. Углава Г.О. совершил угрозу убийством в отношении следователя в связи с производством предварительного расследования, а именно: подполковника юстиции Н., следователя по особо важным делам отдела... Следственного управления МВД России по Забайкальскому краю, находившейся при исполнении должностных обязанностей в зале судебного заседания № 6 Забайкальского краевого суда, где она поддерживала ходатайство руководителя следственной группы о продлении срока содержания под стражей обвиняемого Углавы Г.О.

В вышеуказанном месте и в вышеуказанное время у участвующего в судебном заседании обвиняемого Углавы с целью воспрепятствования производству предварительного расследования по уголовному делу № 270 и рассмотрению материалов к ходатайству следователя о продлении срока содержания под стражей в отношении него судом возник преступный умысел, направленный на угрозу убийством в отношении следователя Н. в связи с исполнением ею своих должностных обязанностей по расследованию уголовного дела и поддержанию ходатайства следователя в суде.

Реализуя преступный умысел, в зале судебного заседания № 6 Забайкальского краевого суда Углава, осознавая общественную опасность своих действий, предвидя неизбежность наступления общественно опасных последствий в виде нарушения

нормальной служебной деятельности органов предварительного следствия, условий безопасности жизни и здоровья следователя Н. и желая их наступления, понимая, что она является следователем, то есть лицом, осуществляющим предварительное следствие по уголовному делу, и находится при исполнении своих должностных обязанностей, связанных с рассмотрением материалов к ходатайству следователя о продлении срока содержания под стражей в отношении него судом, с целью воспрепятствования осуществлению последней своих должностных обязанностей и рассмотрению материалов в суде, а также из мести за их осуществление умышленно высказал в адрес следователя угрозу убийством словами: «Ты в другой раз ко мне не приезжай, так и передай М., а то я тебя задушу там!». С учетом агрессивного поведения Углавы, его личности, информации о том, что он является криминальным лидером, занимающим высшее положение в преступной иерархии, – «вором в законе», следователем его угроза была воспринята реально и при сложившихся обстоятельствах у нее имелись основания опасаться осуществления угрозы [9].

В судебной практике встречаются примеры квалификации преступлений, совершенных в отношении сотрудников ОВД, находящихся при непосредственном исполнении служебных обязанностей, по статьям главы УК РФ «Преступления против жизни и здоровья». Так, Лебедкин Е.Н. осужден по ч. 30 ст. 30 и п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ за преступление, совершенное при следующих обстоятельствах. Участковый уполномоченный полиции (далее – УУП) группы УУП и ПДН ОП по Шелаболихинскому району МО МВД России «Павловский» К., для составления административного протокола осуществлял доставку Лебедкина Е.Н. в отдел полиции на служебном автомобиле. В процессе следования задержанный неоднократно просил К. отпустить его домой и не составлять в его отношении какой-либо административный протокол, на что последний отвечал отказом, чем вызвал явное неудовольствие и озлобленность со стороны задержанного правонарушителя, который после просьб отпустить его стал угрожать жизни и здоровью

сотрудника полиции, так как он отказывался выполнить просьбу задержанного лица, нарушить свой служебный долг. Далее у задержанного Лебедкина Е.Н. на почве возникших неприязненных отношений непосредственно к УУП К. в связи с осуществлением им своей законной служебной деятельности, из-за принадлежности последнего к службе в полиции, а также в связи с тем, что К. повез его в ОП для составления в отношении него административного протокола и в категоричной форме отказался отпустить его на свободу или вообще отвезти домой, возник преступный умысел, направленный на причинение смерти представителю власти – УУП К. в связи с осуществлением им своей служебной деятельности.

При реализации указанного преступного умысла, направленного на причинение смерти УУП в связи с осуществлением им своей служебной деятельности, Лебедкин Е.Н., отчетливо понимая, что УУП К. находится в форменной одежде сотрудника полиции при исполнении своих служебных обязанностей, нанес несколько ножевых ранений, однако, встретив сопротивление со стороны сотрудника полиции, с места преступления скрылся, не сумев довести свои преступные намерения до конца по независящим от него обстоятельствам [10]. На наш взгляд, в данном случае действия Лебедкина Е.Н. подлежат квалификации по ст. 317 УК РФ.

В завершение рассмотрения категорий сотрудников ОВД как потерпевших от преступления остановимся на понятии «сотрудник места содержания под стражей». Статья 7 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» устанавливает, что одним из мест содержания под стражей подозреваемых или обвиняемых являются изоляторы временного содержания (далее – ИВС) ОВД. Это подразделения полиции (ст. 9). Сотрудник места содержания под стражей – это лицо рядового или начальствующего состава ОВД, исполняющее обязанности по обеспечению режима содержания под стражей (ст. 12) [11]. Сотрудник ИВС ОВД будет признан потерпевшим по ч. 2, 3 ст. 321 УК РФ только

в случае, если преступление совершается в связи с его служебными функциями, ибо только тогда оно может дезорганизовать деятельность изолятора, который обеспечивает изоляцию от общества.

Так, Красовский Е.С. и Устинов Е.В., содержащиеся на момент совершения ими преступления в ИВС Отдела МВД России по Верхнеуфалейскому городскому округу Челябинской области, осуждены по ч. 2 ст. 321 УК РФ. Судом установлено, что указанные лица совершили преступление на почве возникшей личной неприязни к сотрудникам места содержания под стражей в связи с осуществлением ими своей служебной деятельности, а также в связи с исполнением ими своих должностных обязанностей, реализовав преступный умысел на дезорганизацию деятельности ИВС, обеспечивающего изоляцию от общества, путем применения насилия, не опасного для жизни или здоровья, а также угрозы применения насилия в отношении сотрудников места содержания под стражей – ИВС в связи с осуществлением ими своей служебной деятельности и применением насилия, не опасного для жизни или здоровья, а также угрозы применения насилия в отношении сотрудников полиции в связи с исполнением ими своих должностных обязанностей [12].

Обобщая вышеизложенное, можно сделать следующие выводы:

1. Множество определений сотрудников ОВД как потерпевших от преступления, выделенных нами в действующем УК РФ, с одной стороны, способствует поддержанию высокого уровня уголовно-правовой охраны деятельности ОВД Российской Федерации, с другой – затрудняет их применение на практике.

2. Должность, занимаемая сотрудником ОВД на момент совершения общественно опасного посягательства (в связи с замещением которой оно совершено), не является основой для квалификации преступления как деяния, посягающего на сотрудника в связи с осуществлением им служебной деятельности или мстью за таковую. Конкретное же направление оперативно-служебной деятельности влияет на выбор определенной нормы уголовного закона при квалификации преступления.

3. Главным фактором, позволяющим квалифицировать деяние как направленное непосредственно на жизнь и здоровье сотрудника в связи с осуществлением им служебной деятельности или местию за таковую, является детерминант «позитивное использование служебного положения». Вне зависимости от того, в служебное время или во время отдыха сотрудник использует (использовал ранее) свое служебное положение «для защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, для противодействия преступности, охраны общественного порядка, собственности и для обеспечения общественной безопасности [13]», при посягательстве на его жизнь или здоровье действует режим усиленной уголовно-правовой охраны.

Примечания

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 02.08.2019) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25, ст. 2954.

2. Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации: указ Президента РФ от 21 декабря 2016 г. № 699 // Собрание законодательства РФ. 2016. № 52, ч. 5, ст. 7614.

3. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ (ред. от 02.08.2019) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 49, ч. 1. ст. 7020; О полиции: федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (в ред. от 07.03.2018) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7, ст. 900; О мерах по совершенствованию организации предварительного следствия в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации: указ Президента РФ от 23 ноября 1998 г. № 1422 (ред. от 16.05.2017) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 48, ст. 5923.

4. Приговор Октябрьского районного суда г. Краснодара от 27 февраля 2017 г. по уголовному делу № 1-20/2017 (1-372/2016). Доступ из ГАС РФ «Правосудие» (дата обращения: 20.02.2019).

5. Приговор Дятьковского городского суда Брянской области от 11 декабря 2014 г. по уголовному делу №1-133/2014. Доступ из ГАС РФ «Правосудие» (дата обращения: 20.02.2019).

6. Приговор Балахнинского городского суда Нижегородской области от 31 января 2019 г. по уголовному делу №1-2/19. Доступ из ГАС РФ «Правосудие» (дата обращения: 20.02.2019).

7. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 50, ст. 7362.

8. Приговор Кстовского городского суда Нижегородской области по уголовному делу № 1-161/2012. Доступ из ГАС РФ «Правосудие» (дата обращения: 20.02.2019).

9. Приговор Центрального районного суда г. Читы от 28 июня 2016 г. по уголовному делу № 1-582-2016. Доступ из ГАС РФ «Правосудие» (дата обращения: 20.02.2019).

10. Приговор Шелаболихинского районного суда Алтайского края от 4 марта 2016 г. по уголовному делу № 1-1/2016. Доступ из ГАС РФ «Правосудие» (дата обращения: 20.02.2019).

11. О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений: федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ (ред. от 26.07.2019) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 29, ст. 2759

12. Приговор Верхнеуфалейского городского суда Челябинской области от 5 декабря 2016 г. по уголовному делу № 1-92/2016. Доступ из ГАС РФ «Правосудие» (дата обращения: 20.02.2019).

19. О полиции: федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (в ред. от 18.07.2019) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7, ст. 900.

О.В. Жарков,
адъюнкт заочной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России.

Научный руководитель –
к.ю.н., доцент *С.В. Власова*

**ПРИОРИТЕТ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА,
ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ
В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И ИНОЙ
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ,
В ПРИНЯТИИ РЕШЕНИЯ О ПРЕКРАЩЕНИИ
УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ
И ОСВОБОЖДЕНИИ ОТ УГОЛОВНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ СУБЪЕКТАМИ
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА СТАДИИ
ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ
УГОЛОВНЫХ ДЕЛ**

В современной России любое преступление, совершенное в сфере экономической и иной предпринимательской деятельности, причиняющее вред, несомненно, приводит к ощутимым негативным последствиям как для государства, так и для общества в целом. При этом наиважнейшим приоритетом в принятии процессуальных решений субъектами уголовно-процессуальной деятельности на стадии предварительного расследования уголовных дел выступает возмещение причиненного преступлением вреда.

В настоящее время государство в лице высшего руководства нашей страны посредством проведения антикриминальной

политики придает большое значение деятельности правоохранительных органов, направленной на возмещение вреда, причиненного преступлениями в сфере экономической деятельности. К тому же оно концентрирует свое внимание, усилия и на создании новых уголовно-правовых норм, способствующих полному, реальному возмещению причиненного такого рода преступлениями вреда.

Само по себе возмещение вреда выполняет и значимую для общества в целом функцию – восстановление социальной справедливости, обеспечение интересов потерпевших, восстановление нарушенных интересов. Россия как правовое, демократическое государство гарантирует потерпевшему компенсацию причиненного ущерба, что декларативно провозглашено в ст. 52 Конституции Российской Федерации, а также закреплено в ч. 3 ст. 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: «потерпевшему обеспечивается возмещение имущественного вреда, причиненного преступлением...». Важнейшими из комплекса предпринимаемых мер в этом направлении являются изменения, вносимые в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство. Наглядным примером служит Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 432, установивший обязанность следователя или же дознавателя предпринимать меры для обеспечения возмещения причиненного имущественного вреда (обеспечения гражданского иска, конфискации имущества и иных имущественных взысканий), по наложению на такое имущество ареста согласно ст. 160¹ Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 533-ФЗ «О внесении изменений в ст. 76¹ и 145¹ Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [1] позволяет освобождать от уголовной ответственности лицо, впервые совершившее преступление, полностью возместившее причиненный ущерб.

Наряду с этим растет значимость эффективной работы субъектов предварительного расследования по обеспечению полного возмещения причиненного преступлением вреда для

дальнейшего принятия решения о прекращении уголовного преследования и освобождении от уголовной ответственности. Именно на стадии предварительного расследования есть возможность обеспечения достижения конечной цели – полного, реального возмещения причиненного вреда, закладывается основа для последующего реального восстановления нарушенных преступлением имущественных интересов и прав потерпевших, что само по себе и является назначением уголовного судопроизводства согласно п. 1 ч. 1 ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Вопрос обеспечения возмещения причиненного преступлениями в сфере экономической и иной предпринимательской деятельности вреда тесно связан с эффективностью взаимодействия органов расследования, прокуратуры и суда. Именно приоритет возмещения вреда в свете «парадигмы восстановления», предложенной и изложенной в трудах английского ученого Э. Эшуорта, утверждавшего, что «...основной задачей уголовной юстиции должно быть не наказание виновного, а восстановление прав и интересов лица, пострадавшего от преступления...» [2, с. 578–595], в деятельности органов расследования, прокуратуры и суда, наделенных властно-распорядительными полномочиями, может обеспечить успешное решение вопроса восстановления нарушенных имущественных интересов и прав потерпевших.

В современных условиях представляется верным и высказывание профессора И.Я. Фойницкого: «преступление уничтожается не отрицанием преступной воли, а восстановлением права» [3]. Как крайне правильное можно рассматривать высказывание Иммануила Канта, теоретика закономерности правового прогресса: «Высшей среди... обязанностей является глубокое уважение права других людей. Наш долг состоит в том, чтобы глубоко уважать право других людей и как святыню ценить его. Во всем мире нет ничего более святого, чем право других людей. Оно неприкосновенно и нерушимо» [4].

1 февраля 2019 г. при подведении итогов деятельности органов предварительного следствия в системе Министерства

внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России) за 2018 г. заместитель Министра внутренних дел Российской Федерации, начальник Следственного департамента МВД России генерал-лейтенант юстиции А.В. Романов в своем докладе, затрагивая вопросы возмещения причиненного преступлением ущерба, подчеркнул, что «...данная работа является важнейшим критерием эффективности расследования в части защиты прав и законных интересов потерпевших» [5].

28 февраля 2019 г. в ходе ежегодного расширенного заседания коллегии МВД России, участие в которой принял Президент России В.В. Путин, Министр внутренних дел Российской Федерации В.А. Колокольцев сообщил, что «отдельно хотел бы остановиться на проблеме возмещения ущерба по делам экономической и коррупционной направленности. В ее решении Министерство взаимодействует с Центральным банком и Агентством по страхованию вкладов. Тем не менее, из 268 миллиардов рублей обеспечено возмещение только половины» [6].

Важность возмещения вреда причиненного преступлениями в сфере экономики, неоднократно подчеркивалась на регулярно проводимых координационных совещаниях руководителей правоохранительных органов (как одно из приоритетных направлений уголовно-процессуальной деятельности). Так, на координационном совещании в прокуратуре г. Москвы 14 декабря 2018 г., на котором обсуждались результаты работы по противодействию преступлениям экономической направленности, была подвергнута отдельной критике работа правоохранительных органов по обеспечению возмещения имущественного вреда от преступлений и было отмечено, что «...за последние три-четыре года она несколько активизировалась, но существенных достижений пока не наблюдается» [7].

19 декабря 2018 г. в прокуратуре Ленинградской области на координационном совещании руководителей правоохранительных органов по вопросу повышения эффективности деятельности правоохранительных органов по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений коррупционной направленности в сфере государственного и муниципального заказа, в том

числе при осуществлении закупок у единого поставщика, была отмечена важность возмещения ущерба, причиненного преступлениями данной категории [8].

На сегодняшний день материальный ущерб от экономических преступлений имеет огромные масштабы. По данным ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» МВД России, за 2018 г. правоохранительными органами выявлено 109,5 тысячи преступлений экономической направленности. По сравнению с предыдущим (2017) годом имеет место увеличение числа преступлений на 4,2%. Удельный вес этих преступлений в 2018 г. – 5,5%, материальный ущерб (по оконченным и приостановленным уголовным делам) – 403,8 млрд рублей. Негативная тенденция сохраняется и на начало 2019 г. (январь-март): подразделениями органов внутренних дел выявлено 33,0 тыс. преступлений экономической направленности, преступления в сфере экономической деятельности составляют более трети – 34,5%. При этом материальный ущерб от преступлений экономической направленности (по оконченным и приостановленным делам) уже составил 80,1 млрд рублей [9]. Принимая во внимание, что преступления в сфере экономической и иной предпринимательской деятельности свойственен латентный характер, очевидно, что реальный масштаб вреда, причиненного такими преступлениями, размеры ущерба намного выше показателей официальной статистики.

В обществе назрела потребность в принятии новой концепции, адекватной существующим реалиям, отвечающей новым потребностям общества, которая будет позволять субъектам уголовно-процессуальной деятельности, субъектам, непосредственно осуществляющим предварительное расследование, эффективнее работать в направлении полного реального возмещения вреда, причиненного преступлениями в сфере экономической и иной предпринимательской деятельности, для дальнейшего принятия решения о прекращении уголовного преследования и освобождении от уголовной ответственности. Официальные статистические данные о состоянии преступности однозначно свидетельствуют о недостаточности ранее предпринимаемых мер

по противодействию преступности в сфере экономики в части возмещения причиненного вреда.

Особое значение приобретает оценка масштабов реального материального ущерба, причиненного преступлениями в сфере экономической и иной предпринимательской деятельности, в том числе и оценка масштабов вреда, причиняемого так называемой теневой экономикой, что, бесспорно, даст возможность для дальнейшей теоретико-методологической проработки данной проблемы, позволит создать и предоставить в распоряжение субъектов предварительного расследования новые уголовно-процессуальные механизмы, способствующие полному и реальному возмещению причиненного такого рода преступлениями вреда, а также создаст необходимые условия для принятия решения о прекращении уголовного преследования и освобождении от уголовной ответственности. Инструментами, позволяющими субъекту предварительного расследования обеспечить возмещение вреда, могли бы стать, например, закрепленные на законодательном уровне дополнительные полномочия на проведение уголовно-процессуальных, открытых, учетно-статистических проверок с последующей оценкой полученных индикаторов реальной деятельности.

На досудебной стадии добровольное возмещение вреда для подозреваемого (обвиняемого) имеет предпочтительное значение, чем возмещение в рамках гражданского иска (недостатком которого является возможность его разрешения только вместе с приговором (решением) суда), так как влияет на исход предварительного расследования и предоставляет возможность существенно смягчить санкцию уголовного наказания либо же полностью избежать уголовного наказания (такого негативного и отрицательного для него последствия, как наличие судимости). Следует подчеркнуть, что для принятия решения о прекращении уголовного преследования обязательным условием выступает подтвержденный документально, материалами уголовного дела, однозначно установленный (в ходе производства предварительного расследования) факт добровольного возмещения причиненного вреда именно деянием, признанным как

уголовно наказуемое. Данные процессуальные решения позволяют достичь единой позиции руководителей органов предварительного расследования и надзирающих прокуроров, что неоспоримо востребовано на практике.

Реальная оценка масштабов преступной деятельности, реальная и полная оценка вреда, причиненного такого рода преступлением как государству, так и обществу, на современном этапе развития нашей страны представляется, безусловно, приоритетным направлением деятельности субъектов уголовно-процессуальной деятельности на стадии предварительного расследования уголовных дел, как и принятие мер для полного и реального обеспечения возмещения причиненного вреда преступлениями в сфере экономической и иной предпринимательской деятельности, для дальнейшего принятия решения о прекращении уголовного преследования и освобождении от уголовной ответственности. Только целостная картина объемов материального ущерба, реальных причин ежегодного роста материального ущерба от подобных преступлений позволит предпринять необходимые шаги по недопущению развития массовости экономической преступности, дальнейшего роста причиняемого вреда, локализации угроз криминализации российской экономики.

Примечания

1. О создании, упразднении некоторых военных судов и образовании постоянных судебных присутствий в составе некоторых военных судов: федеральный закон от 12 ноября 2018 г. № 403-ФЗ. Сайт «Российская газета». URL: <https://rg.ru/2018/11/14/fz-403-dok.html> (дата обращения: 20.02.2019).

2. *Эшурт Э.* Обязанности, права и восстановительное правосудие // Британский журнал криминологии. 2002. № 42.

3. *Фойницкий И.Я.* Учение о наказании в связи с тюремоведением. Санкт-Петербург, 1888.

4. *Кант И.* Из «Лекций по этике» (1780–1782) // Этическая мысль: научно-публицистические чтения. Москва, 1988.

5. Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/news/item/15752078> (дата обращения: 20.03.2019).

6. Сайт Администрации президента России. URL: <https://kremlin.ru/events/president/news/item/59913> (дата обращения: 20.03.2019).

7. На координационном совещании в прокуратуре столицы обсуждены результаты работы по выявлению, пресечению, раскрытию и расследованию преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств. Сайт прокуратуры города Москвы. URL: <https://www.mosproc.ru/news/moscow/na/koordinatsionnom> (дата обращения: 20.03.2019).

8. В прокуратуре области состоялось координационное совещание руководителей правоохранительных органов. Сайт прокуратуры Ленинградской области. URL: <https://prokuratura-lenobl.ru/news/11422> (дата обращения: 20.03.2019).

9. Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/repots/item/16523390> (дата обращения: 20.03.2019).

А.А. Зайцев,
адъюнкт заочной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России.

Научный руководитель –
д.ю.н., профессор *А.Ф. Лубин*

К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНОМ ПРЕСЛЕДОВАНИИ

Обвинительное заключение – итоговый документ досудебного судопроизводства по уголовным делам, но не только. Это еще и решение органов расследования о виновности лица в совершении преступления, связанное с уголовным преследованием. Для определения сущности обвинительного заключения необходимо установить, каково содержание деятельности команды обвинения, финалом которой и является данный документ.

С целью наиболее эффективного изучения данной проблемы следует обратиться к историческому аспекту: как это явление возникло; какие основные исторические этапы прошло в своем развитии; каково ее нынешнее состояние.

Начальным этапом развития института уголовного преследования является частно-исковой процесс. Так, согласно Русской правде дело возбуждалось по жалобе или челобитной, стороны имели равные права, а судопроизводство было устным и гласным. Следует отметить, что Русская правда определяла преступление не как нарушение закона, а как «обиду», то есть нарушение прав конкретного лица. Соответственно, право на обвинение принадлежало лишь тому лицу, чьи права и были нарушены.

Становление Российского государства и развитие права, рост преступности явились предпосылками выделения уголовного преследования в самостоятельное направление государственной деятельности. Возможность осуществлять правосудие была предоставлена публичным органам власти и должностным лицам. В этот период появляются институт представительства и сыскное производство, но только по «измене», то есть преступлениям в отношении княжеской власти.

В период феодальной раздробленности по Соборному уложению в уголовном процессе дифференцировались непосредственно суд и розыск. Последний проводился по делам о государственных преступлениях на основании жалобы любого лица, обратившегося к судебным приставам. Деятельность последних ограничивалась допросами, а в случае неустранимых противоречий применялась пытка.

Период становления абсолютизма характеризуется появлением «инквизиционного» уголовного процесса. Розыскная форма вытесняет частно-исковую. Уголовное преследование чаще возбуждается при отсутствии истца. Согласно «Краткому изображению процессов или судебных тяжб» судебный процесс определяется как «... дело судимое, через который случающиеся тяжebные дела основательным представлением и из обстоятельства дел обретенных доказов явны сочиняются, и потом от судей, по изобретению оных притчин, решение чинится» [1, с. 411]. Из вышеуказанного определенно усматривается, что важность мнения сторон о возбуждении и прекращении преследования была сведена к минимуму. Жалоба перестала определять весь объем обвинения, а стала лишь поводом для начала уголовного преследования. В случае указания ответчиком на новые обстоятельства начинался судебный сыск.

Формируется формальная теория доказательств, где у каждого вида доказательств уже определено значение. Собственное признание имело наивысшую ценность, поскольку «когда кто признает, чем он виновен есть, тогда далняго доказу не требует, понеже собственное признание есть лутчее свидетельство всего света» [1, с. 414].

Уголовное преследование в современном представлении осуществлялось с XVIII в. специально назначенными чиновниками, руководителями уездов и губерний, а также полицией. Таким образом, публичное обвинение заняло господствующее положение в уголовном процессе только по мере развития и укрепления государства [2, с. 15]. В указанное время было дано определение уголовному преследованию: оно было обозначено термином «обличение», то есть «изыскание всех обстоятельств дела или происшествия, составляющего преступление, и соби- рание доказательств к открытию и обличению виновного» [3]. Были также обозначены поводы к его началу, которыми явля- лись: 1) извещение известного лица следователю или суду об учинившемся преступлении; 2) жалоба; 3) донос (явное обвине- ние кого-либо в преступлении); 4) доношение прокуроров и стряпчих; 5) явка с повинной [4].

В 1860 г. Указом императора Александра II «Об отделении следственной части от полиции» был образован институт судебных следователей. Данным Указом следственная деятель- ность была отделена от деятельности по охране правопорядка. В последующем в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. институт судебных следователей был воспроизведен практиче- ски без изменений.

Судебная реформа 1864 г. в корне изменила судоустрой- ство, процессуальное и отчасти материальное права России. Она отделила судебные органы от административных и законо- дательных. Уставом уголовного судопроизводства был закреп- лен термин «судебное преследование». Так, ст. 1 Устава уголов- ного судопроизводства содержит указание о том, что никто не может подлежать судебному преследованию за преступление, если не привлечен к ответственности в порядке, установленном Уставом. А в примечании к данной статье отмечено, что к су- дебному следствию не относятся меры по предупреждению и пресечению преступлений в порядке, установленном законами. Статьи 3 и 4 содержат указание, что по делам, подведомствен- ным мировым судьям, обличение виновных возложено на по- терпевших. А по делам, подведомственным общим судебным

установлениям, обличение обвиняемых перед судом возложено на прокурора [5, с. 120].

Из вышеуказанного следует, что обнаружение и преследование лиц, совершивших преступление, а именно уголовное преследование, было возложено на прокуроров. Дословное указание термина «уголовное преследование» имеет место только в ч. 3 ст. 542 Устава: «когда после прекращения дела за нерасмотрением гражданским или духовным судом вопросов, обуславливающих уголовное преследование, вопросы те будут разрешены в смысле, допускающем такое преследование» [5, с. 173]. Таким образом, достоверно можно предположить, что термин «уголовное преследование» законодателем отождествлялся с обличением обвиняемых перед судом.

В начале советской эпохи термин «уголовное преследование» содержался в УПК РСФСР 1923 г. В частности, в ст. 4 перечислялись основания для отказа от возбуждения и прекращения уголовного преследования, в ст. 9 содержалось указание возбуждать уголовное преследование прокуратурой по всякому преступлению [6].

В дальнейшем в законодательстве советской эпохи термин «уголовное преследование» не использовался, речь шла только об обвинительной деятельности [7].

В условиях российской действительности понятие «уголовное преследование» появилось в Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации», где называлось в числе полномочий указанного органа. В частности, в нем давалось указание на осуществление уголовного преследования органами прокуратуры путем проведения расследования по уголовным делам и выступления в суде в качестве государственного обвинителя [8].

В современных международных документах данная терминология также находила свое отражение. Так, например, в Уставе Международного трибунала для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии, в отношении к деятельности по изобличению лица, совершившего преступление, в зависимости от стадии производства

по делу используются термины «судебное преследование» и «уголовное преследование» [9]. Аналогичным образом эти термины применяются в Уставе Международного уголовного трибунала для судебного преследования лиц, ответственных за геноцид и другие серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории Руанды, и граждан Руанды, ответственных за геноцид и другие подобные нарушения, совершенные на территории соседних государств, в период с 1 января 1994 года по 31 декабря 1994 года [10].

В настоящее время термин «уголовное преследование» закреплен в п. 55 ст. 5 УПК РФ и означает процессуальную деятельность, осуществляемую стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления.

В целях более глубокого понимания необходимо раскрыть значение термина «изобличить». Изобличить – значит обнаружить в ком-нибудь что-нибудь предосудительное, уличить в чем-нибудь [11]. Казалось бы, законодательное закрепление должно устранить любые противоречия, однако единой точки зрения к пониманию уголовного преследования нет до сих пор.

В досоветской науке ученые-процессуалисты термины «обвинение» и «уголовное преследование» считали тождественными. Так, М.С. Строгович указывал, что уголовное преследование – это обвинение как уголовно-процессуальная функция, то есть обвинительная деятельность [12, с. 194]. Подобной точки зрения придерживались И.Я. Фойницкий и В.Е. Розин.

Впоследствии А.М. Ларин отмечал, что уголовное преследование – это уголовно-процессуальная деятельность, состоящая в формулировании и обосновании вывода о совершении определенным лицом конкретного преступления [13, с. 95–103].

М.А. Чельцов считал, что уголовное преследование шире уголовного обвинения. В первое понятие входят действия, представляющие собой акты физического преследования, а также действия, юридически оформляющие физическое преследование [14, с. 89].

А.Г. Халиулин [15, с. 35–39] и А.Б. Соловьев [16, с. 259–267] определяют уголовное преследование как уголовно-процессуальную функцию.

Для нашего анализа близко суждение, что уголовное преследование, наряду с защитой и рассмотрением дела по существу, является уголовно-процессуальной функцией. Содержание функции уголовного преследования, на наш взгляд, составляют:

- собрание доказательств виновности того или иного лица;
- применение к виновному мер процессуального принуждения;
- принятие мер к установлению виновного лица и его розыск;
- предъявление обвинения;
- составление и утверждение обвинительного заключения;
- представление обвинения в суде;
- действия участников со стороны обвинения при исполнении приговора (что не нашло отражение в определении уголовного преследования в действующем УПК РФ);
- апелляционное, кассационное, надзорное производство; производство ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств.

По нашему мнению, уголовное преследование не ограничивается сугубо обвинением, а представляется деятельностью, направленной прежде всего на раскрытие преступления, на установление лица, его совершившего, поскольку реализация функции уголовного преследования не может быть поставлена в зависимость от наличия в уголовном процессе процессуальной фигуры обвиняемого или подозреваемого. Данная деятельность также направлена на обеспечение привлечения к ответственности за совершение преступления [17, с. 946].

Ввиду вышеизложенного дискуссионным является вопрос начала уголовного преследования. Соответственно, это неразрывно связано с подходом к определению термина уголовного преследования. Отождествляя его с обвинением, мы приходим к выводу, что его началом является момент привлечения лица в качестве обвиняемого [18, с. 60–65]. И.В. Тыричев же определял начало уголовного преследования с момента задержания подозреваемого [19, с. 48]. А.М. Ларин, соглашаясь с вышеуказанными

точками зрения, добавлял в качестве самостоятельного основания для начала уголовного преследования избрание в отношении подозреваемого меры пресечения до предъявления обвинения [20, с. 156]. В свою очередь М.А. Чельцов указывал, что началом уголовного преследования является момент принятия решения о возбуждении уголовного дела, и совсем не важно, установлен ли виновный [21, с. 28].

Полагаем, что правомерна позиция В.Т. Томина, М.П. Полякова и А.С. Александрова, которые считают, что началом уголовного преследования выступает оперативно-разыскная деятельность, предшествующая уголовно-процессуальной, направленная на установление всех обстоятельств совершенного преступления, в том числе личности виновного [22, с. 38].

А.В. Шуваткин в данном случае говорил о персонифицированном уголовном преследовании [22, с. 27]. Здесь речь идет о возможном появлении лица, не имеющего и представления о том, что он является участником процесса, что против него начато уголовное преследование. Незамедлительное объявление ему о происходящем породит большое количество трудностей. Фактически это означает, что уголовное преследование в отношении конкретного лица было начато при отсутствии каких-либо доказательств [24, с. 136].

Что касается определения момента окончания уголовного преследования на стадии предварительного расследования, то не вызывает никаких сомнений, что им является либо его прекращение на основании ст. 24–28¹ УПК РФ, либо составление обвинительного заключения (обвинительного акта).

Примечания

1. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 4: Законодательство периода становления абсолютизма / под общ. ред. О.И. Чистякова. Москва, 1986.

2. *Дудоров Т.Д.* Возникновение и развитие института уголовного преследования в российском законодательстве до реформы 1864 года // Юридическая наука. 2014. № 4.

3. Свод законов Российской Империи (ст. 766 кн. II т. XV). Сайт «РУНИВЕРС». URL: <https://runivers.ru/bookreader/book388232/#page/619/mode/1up> (дата обращения: 20.01.2019).
4. Свод законов Российской империи (ст. 34 кн. II т. XV). Сайт «РУНИВЕРС». URL: <https://runivers.ru/bookreader/book388232/#page/619/mode/1up> (дата обращения: 20.01.2019).
5. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 8: Судебная реформа / под общ. ред. О.И. Чистякова. Москва, 1991.
6. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВЦИК РСФСР 15.02.1923). Сайт «Викитеки». URL: <https://ru.wikisource.org/wiki/> (дата обращения: 20.01.2019).
7. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: утв. ВС РСФСР 27.10.1960 (ред. от 29.12.2001, с изм. от 26.11.2002, с изм. и доп. от 01.07.2002) (ст. 143–154, 205–208). Доступ из СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 20.01.2019).
8. О прокуратуре Российской Федерации: федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 (ред. от 17.11.1995) (ст. 1, 31, 35). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.02.2019).
9. Сайт «Электронный фонд нормативно-технической документации». 2019. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901753264> (дата обращения: 20.01.2019).
10. Сайт Организации Объединенных Наций. URL: <https://www.un.org/ru/law/ictr/charter.shtml> (дата обращения: 20.01.2019).
11. Толковый словарь Ожегова. Сайт «Академик». 2000–2019. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/72646> (дата обращения: 20.01.2019).
12. *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. Т. 1. Москва, 1968.
13. *Ларин А.М.* Процессуальные гарантии и функция уголовного преследования // Советское государство и право. 1975. № 7.
14. *Чельцов М.А.* Советский уголовный процесс. Москва, 1951.
15. *Халиулин А.Г., Решетова М.Ю.* Лишение парламентской неприкосновенности с целью осуществления уголовного преследования // Законность. 2016. № 3 (977).

16. *Соловьев А.Б.* Соотношение уголовного преследования и прокурорского надзора в досудебных стадиях по УПК РФ // Прокурорская и следственная практика. 2005. № 3–4.

17. *Чулюкин Л.Д., Гайнулов И.Т.* Функция уголовного преследования // Вестник Казанского технического университета. 2006. № 2.

18. *Строгович М.С.* Уголовное преследование в советском уголовном процессе. Москва, 1951.

19. *Лупинская И.А.* Уголовный процесс. Москва, 1995.

20. *Ларин А.М., Мельникова Э.Б., Савицкий В.М.* Уголовный процесс. Москва, 1997.

21. *Чельцов М.* Возбуждение уголовного преследования и процессуальное положение следователя // Социалистическая законность. 1937. № 3.

22. *Томин В.Т., Поляков М.П., Александров А.С.* Комментарии к Уголовно-процессуальному кодексу РФ. Вводный. Москва, 2002.

23. *Шуваткин А.В.* Обвинительное заключение и обвинительный акт в современном уголовном процессе России: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2003.

24. *Матвеев В.Е.* К вопросу о начале уголовного преследования // Общество и право. 2004. № 4 (6).

**А.Э. Иваньшина,
адъюнкт очной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России.**

Научный руководитель –
д.ю.н., профессор *М.П. Поляков*

ПОНЯТИЯ «СТИМУЛ» И «СТИМУЛИРОВАНИЕ» В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Признательные показания – одни из самых ценных доказательств в уголовном процессе. Их значимость подтверждается как в теоретической (в рамках Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ)), так и в практической деятельности правоохранительных органов. В этой связи закон предусматривает ряд средств, которые могли бы заинтересовать стороны (как самого обвиняемого, так и остальных участников уголовного судопроизводства) на выполнение определенных условий. Так, например:

- возможность прекращения уголовного дела или уголовного преследования по основаниям ст. 25, 25¹, 28 УПК РФ;
- производство дознания в сокращенном порядке, как это указано в гл. 32¹ УПК РФ;
- применение особого порядка судебного разбирательства, подробно изложенного в разд. X УПК РФ, и т. д. [1].

Подобные нормы предоставляют участникам уголовного судопроизводства выгодные условия для дальнейшего сотрудничества с правоохранительными органами. Они способствуют получению не только признательных показаний обвиняемого, но и полезной информации от остальных участников процесса в ходе взаимодействия.

Такая деятельность именуется не иначе как «стимулирование», а сами средства – «стимулами». Однако, несмотря на использование стимулов в своей деятельности, уголовный процесс не располагает прямым отражением рассматриваемых понятий в своей теоретической базе. Термины «стимул» и «стимулирование» часто подменяются схожими дефинициями, что приводит к возникновению противоречий.

Отсутствие точной формулировки и вызванная этим подмена не могут остаться без внимания автора. Учитывая, что под дефиниции «стимул» и «стимулирование» подпадает множество норм уголовно-процессуального закона, они должны быть четко определены с точки зрения теории.

Необходимо начать с понятия «стимул», который в последующем становится основой «стимулирования». Согласно Толковому словарю Д.Н. Ушакова под «стимулом» понимается «причина, побуждающая к деятельности, создающая благоприятные условия для развития чего-нибудь» [2, с. 655]. Это позволяет определить его как внешний в отношении человека фактор [3, с. 19]. Подобную позицию подтверждает Ф.Н. Щербак в одной из своих работ, считая, что стимул является внешним объектом по отношению к человеку, затрагивая его интересы и потребности [4, с. 86].

В юриспруденции довольно часто встречается понятие «правовой стимул», под которым понимается побуждение правового характера к совершению законопослушного деяния [5, с. 60], а также «юридический стимул», содержание которого состоит из правовых факторов, создающих благоприятные условия для человека и побуждающих его к социальному и активному поведению [6, с. 7].

Таким образом, рассматривая данные понятия в общем плане, можно определить стимул в правовой или юридической сфере как тот или иной фактор, который представляет интерес для лица и побуждает его к законному и активному поведению.

В правовой сфере таких стимулов очень много, они относятся к отраслям права: гражданской, трудовой, административной, уголовной, уголовно-процессуальной и т. д.

Под стимулом в уголовно-процессуальной деятельности Г.С. Русман понимает «то, что порождает желание участника уголовного судопроизводства действовать таким образом, чтобы получить соответствующее поощрение...» [7, с. 156].

Таким образом, указанные выше нормы закона и будут являться стимулами для участников уголовного судопроизводства. Для примера возьмем подсудимого и положение гл. 40 УПК РФ об особом порядке судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением. Согласно ч. 7 ст. 316 УПК РФ в случае реализации данного порядка наказание «не может превышать две трети максимального срока...» [1]. Подобное положение является стимулом для подсудимого и порождает у него желание «...действовать таким образом, чтобы получить соответствующее поощрение...» [7, с. 156].

Почти в каждом случае уголовно-процессуального взаимодействия сторон имеется норма, предлагающая что-то, что будет способствовать реализации целей уголовного процесса. Соответственно, понятие «стимул» не чуждо уголовному процессу, а скорее, наоборот – оно способствует эффективному и плодотворному сотрудничеству участников уголовного процесса и выполнению других задач.

Помимо рассмотренного понятия в правовой сфере встречается и такая дефиниция, как «стимулирование». В соответствии с тем же словарем Д.Н. Ушакова понятие процесса стимулирования определяется как побуждение к деятельности, предоставление стимула, толчка к какому-либо развитию [2, с. 655]. К.А. Юдин под стимулированием понимает «разновидность целенаправленных внешних воздействий на организм, человека или группу людей, побуждающих к совершению некоторого определенного действия по применению позитивных и негативных стимулов» [3, с. 26]. Схожее определение предлагает Е.Н. Иванов, который рассматривает стимулирование как «процесс воздействия на человека посредством внешнего предмета (объекта, условий, ситуаций и т. п.), побуждающего человека к определенным действиям (действия, в которых заинтересован инициатор

стимулирующего воздействия)» [8, с. 91]. Отсюда представляется, что посредством наличия совокупности стимулов в той или иной сфере осуществляется процесс стимулирования.

В своей статье Г.С. Русман конкретизировала процесс стимулирования, ограничив его рамками уголовно-процессуальной деятельности. Так, данный автор рассматривает стимулирование в уголовно-процессуальной деятельности как «процесс воздействия на психику... и сознание определенных участников уголовного процесса (подозреваемый, обвиняемый, потерпевший, свидетель) закрепленными уголовно-процессуальным законом Российской Федерации полномочиями должностных лиц..., направленными на усиление мотивации поведения и связанных с реализацией субъективного права» [7, с. 156].

Из представленного определения можно выделить ряд существенных признаков, характерных для уголовно-процессуального стимулирования обвиняемого к добровольному признанию своей вины:

1. В первую очередь, это процесс воздействия (побуждать можно различными средствами: позитивными, установленными уголовно-процессуальным законом и негативными, им запрещенными).

2. Воздействие осуществляется как на психику, так и на сознание. Не стоит забывать, что негативное стимулирование обвиняемого также путем применения физического воздействия своим конечным результатом все равно будет оказывать воздействие на психику и сознание человека.

3. Уголовно-процессуальное стимулирование влияет на психику и сознание определенных участников уголовного процесса, к числу которых относится подозреваемый и обвиняемый. Соответственно, круг участников, на которых оказывается уголовно-процессуальное стимулирование и которые его оказывают, не должен совпадать.

4. Воздействие, оказываемое на участников, должно быть закреплено нормами уголовно-процессуального закона. В связи с этим все средства, не урегулированные нормами закона, будут являться противоправными и незаконными, а значит, по своему

характеру негативными для участников уголовного судопроизводства.

5. Цель такого стимулирования – мотивация определенных участников уголовного процесса к определенному поведению, в нашем случае – к признанию своей вины.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что такие понятия, как «стимул» и «стимулирование», не чужды уголовному процессу, а скорее даже свойственны. Однако стоит выделить одну из трансформаций, которая вносит путаницу в этом вопросе. Так, К.А. Юдин в своей диссертации отмечает, что с течением времени стимул стал рассматриваться как некое положительное явление. Представленные же дефиниции не раскрывают стимул в положительном или негативном ключе и лишь обобщают все факторы побуждения [3, с. 20].

В действительности стимулы и сам процесс стимулирования имеют как позитивный, так и негативный уклон. Это же применимо и к процессу уголовно-процессуального стимулирования. Подобная позиция отражается в работах многих авторов. Так, А.О. Адян в своем диссертационном исследовании указывает, что воздействие стимулирования на субъект может приводить как к положительному, так и к отрицательному эффекту [9, с. 13]. В работе Н.В. Макарейко рассмотрено государственное принуждение, при этом «акцентируется внимание на стимулирующей составляющей государственного принуждения» [10, с. 26]. Рассматривая стимулирование в таком виде (как основа государственного принуждения), Н.В. Макарейко также выделяет проблему односторонности, когда государственное принуждение представлено лишь в негативном ключе, несмотря на то, что в действительности данное явление не ограничено в своих формах [10, с. 27].

К.А. Юдин, изучая терминологию таких понятий, как «стимул» и «стимулирование», выделяет две категории: «позитивный правовой стимул» и «негативный правовой стимул». Соответственно, производные от них явления обозначаются как «позитивное правовое стимулирование» и «негативное правовое стимулирование» [3, с. 20].

Из вышесказанного можно предложить классификацию уголовно-процессуального стимулирования, основанием которой будет соответствие действий участника уголовного процесса положениям уголовно-процессуального закона:

1) «позитивное уголовно-процессуальное стимулирование», к которому будут относиться все стимулы уголовного процесса, закрепленные в УПК РФ (снижение срока наказания, особый порядок и т. д.);

2) «негативное уголовно-процессуальное стимулирование», оснащенное стимулами, запрещенными УПК РФ.

Из данной классификации видно, что позитивный и негативный характер стимулирования не отнесены автором к субъекту и последствиям для него. За основу взят закон.

Согласно Толковому словарю Д.Н. Ушакова «позитивный» представляет собой характеристику явления, предмета, выраженную в положительной форме и противоположную негативной характеристике [2, с. 655]. К уголовно-процессуальному стимулированию это относится как положительное внешнее воздействие на участника уголовно-процессуальной деятельности. Оно должно соответствовать нормам закона, так как все, что соответствует, имеет положительный оттенок.

«Негативное уголовно-процессуальное стимулирование» смело можно рассматривать как отрицательное воздействие на участников уголовно-процессуальной деятельности, которое нарушает уголовно-процессуальный закон либо вступает с ним в противоречие.

Из вышесказанного можно сделать вывод: «уголовно-процессуальный стимул» и «уголовно-процессуальное стимулирование» являются важными теоретическими элементами уголовного процесса и основой отдельных институтов. Однако на данном этапе ни один из них не существует в рамках теоретического изучения уголовного процесса. Для заполнения этих пробелов мы считаем необходимым включить в теоретическую базу уголовного процесса такие понятия с их разновидностями и мнениями авторов, что позволит не просто изучать дефиниции и понимать их сущность в рамках уголовного процесса, но также смотреть на нормы закона значительно шире.

Примечания

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 02.08.2019) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52, ч. 1, ст. 4921.

2. *Ушаков Д.Н.* Толковый словарь современного русского языка. Москва, 2013.

3. *Юдин К.А.* Правовое стимулирование служебной деятельности органов внутренних дел Российской Федерации (теоретико-прикладной аспект): дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2017.

4. *Щербак Ф.Н.* Стимулы трудовой деятельности (методологический аспект). Ленинград, 1976.

5. *Малько А.В.* Стимулы и ограничения в праве. Москва, 2003.

6. *Лебедева Е.Н.* Механизм правового стимулирования социально-активного поведения. Саратов, 2007.

7. *Русман Г.С.* К вопросу о стимулах в уголовно-процессуальной деятельности // Проблемы права. 2014. № 4 (47).

8. *Иванов Е.Н.* Формы и методы мотивации и стимулирования трудовой активности персонала при формировании корпоративной культуры в предпринимательских организациях // Вестник Академии. 2011. № 1.

9. *Адян А.О.* Совершенствование системы стимулирования труда сотрудников органов внутренних дел: теоретический и организационно-правовой аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2006.

10. *Макарейко Н.В.* Государственное принуждение в механизме обеспечения экономической безопасности: теоретические и прикладные проблемы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Нижний Новгород, 2016.

В.О. Ивенин,
адъюнкт очной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России.

Научный руководитель –
к.ю.н., доцент *Е.Е. Черных*

О ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ В ВОПРОСЕ ПРАВОМЕРНОГО ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА ОБЩЕСТВЕННЫМ ОТНОШЕНИЯМ В ХОДЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Сотрудники оперативных подразделений и лица, оказывающие им содействие (сотрудничество) на гласной или конфиденциальной основе, вносят достаточно значительный вклад в борьбу с преступностью в различных сферах общественной жизни. Ознакомление со спецификой работы субъектов, уполномоченных законом на осуществление оперативно-разыскной деятельности (далее – ОРД), способно оказать немаловажное влияние на формирование субъективного видения сущности и структуры государственного механизма по противодействию преступлениям как общеуголовной, так и экономической направленности.

В правоохранительной среде большинством мнений осознается и принимается тот факт, что указанные субъекты в процессе осуществления оперативной работы наиболее тесно, по сравнению с представителями других структур, взаимодействуют с криминалитетом, что обусловливается необходимостью наличия соответствующего тактического функционала.

В результате такой связи зачастую оперативные работники оказываются интегрированными в поведенческую модель, пограничную с преступностью.

Ю.В. Астафьев, например, пишет, что у граждан создается впечатление, что ОРД носит «полулегальный характер» [1, с. 83–92], качественную схожесть преступного и правомерного поведения также отмечает С.Г. Келина [2, с. 4]. Выразиться подобный аспект может в возможности нарушения сотрудниками установленных законом запрещающих норм. Поскольку объектом интереса оперативной работы, как правило, являются элементы криминального контингента, то и нормы нарушаются соответствующие, уголовно-правовые.

Как отдельное деяние нарушение оперативным работником Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» в настоящий момент уголовной ответственности не влечет, за исключением тех случаев, когда такое отступление от закона не содержит в себе признаки конкретного состава преступления, предусмотренного действующим законодательством. Таким образом, уголовная ответственность субъектов ОРД наступает по общим основаниям, и, как демонстрирует сложившаяся практика, при устранении опасности от посягательств, совершаемых либо совершенных другими лицами, все равно создается потенциальная возможность причинения вреда правоохраняемым интересам, что часто предполагает наличие формально преступного качества в деятельности, способной формировать вероятность причинения такого вреда. Несмотря на это, закон должен предусматривать возможность не признавать подобную активность преступной в связи с отсутствием в ней признака общественной опасности, а также социальной полезностью и целесообразностью подразумеваемого деяния.

Изучение следственно-судебной практики способно породить предположение, что в гл. 8 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) вовсе не имеется исключających преступность деяния обстоятельств, применение которых прямо или косвенно стало бы средством реализации регулятивного направления уголовно-правового обеспечения ОРД.

На деле судебные органы и прокуратура просто игнорируют применение соответствующих управомочивающих норм, когда сотрудник оперативного подразделения совершает социально полезное, но формально преступное деяние (к примеру, в рамках проверочной закупки либо оперативного эксперимента). В таких случаях преступность действий сотрудника или конфиденента попросту замалчивается, несмотря на то, что они фактически участвуют в нелегальном обороте либо в пограничной с провокацией активности.

Применительно к правомерности формально преступного поведения при проверочной закупке в п. 14 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 г. № 14 утверждается, что «для признания законности проведения такого мероприятия необходимо, чтобы оно осуществлялось для решения задач, определенных в статье 2 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», при наличии оснований и с соблюдением условий, предусмотренных соответственно статьями 7 и 8 указанного Федерального закона» [3].

В результате мы имеем ситуацию не столько расширительного толкования УК РФ, сколько дополнения уголовного законодательства разъяснением суда высшей инстанции. Это коренным образом ломает представление об отечественной уголовно-правовой системе. Мы, конечно, не отрицаем существенной полезности данного разъяснения для уголовной политики, но в отечественном праве не допускается ни склонение уголовного закона к прецедентному праву, ни применение правовой аналогии. Если в судебных решениях по уголовным делам, в рамках оперативного сопровождения которых проводилась проверочная закупка, не указываются те или иные обстоятельства, исключающие преступность деяния, логично вытекает вывод, что таковых в гл. 8 УК РФ не имеется. Это еще раз свидетельствует о необходимости модернизации отечественной системы обстоятельств, исключающих преступность деяния.

В действующей редакции уголовного закона не предусмотрено дефиниции обстоятельств, исключающих преступность

деяния. А.В. Савинский предлагал исправить подобное положение вещей, дополнив УК РФ ст. 36¹, где содержались бы понятие и перечень видов таких обстоятельств [4, с. 57–59]. Например, в учебнике Ю.В. Грачева и А.И. Чучаева говорится, что анализируемые нами обстоятельства представляют из себя совокупность условий, при соблюдении которых поведение, направленное на достижение позитивной или социально приемлемой цели и вынужденно причиняющее вред, внешне схожее с преступлением, признается общественно полезным и социально целесообразным. При этом в данном учебнике исследуемые обстоятельства подразделяются на общественно полезные (необходимая оборона; причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление; обоснованный риск) и социально целесообразные [5] (причинение вреда при физическом или психическом принуждении, исполнение приказа или распоряжения).

Практически аналогичную интерпретацию дает и А.В. Бриллиантов, указывающий, что обстоятельством, исключаящим преступность деяния, является внешне схожий с преступлением акт человеческого поведения, социально полезный или целесообразный, совершенный при наличии определенных условий, которые исключают его общественную опасность и противоправность причиняемого вреда [6].

В уголовный закон следует включить принципиально новое обстоятельство. Тем не менее, формулировать будущую норму целесообразно с учетом правовой сущности обстоятельств крайней необходимости и обоснованного риска, при этом учитывая сложившуюся в доктрине традиционную классификацию рассмотренных обстоятельств на социально полезные и социально целесообразные. Мы считаем, что отнесение разрабатываемого обстоятельства к той или иной группе было бы иррациональным шагом, так как достижимости задач ОРД априори присущи оба качества:

- 1) решение задач ОРД социально полезно;
- 2) следовательно, обеспечение функционирования ОРД посредством управомочивающей уголовно-правовой нормы социально целесообразно и допустимо.

Анализ развития отечественного уголовного законодательства демонстрирует нам, что большая часть имеющихся на сегодняшний день обстоятельств, исключающих преступность деяния, проистекает из необходимой обороны и крайней необходимости. По мере становления соответствующей правоприменительной потребности, научного знания относительно сложившейся практической ситуации новые обстоятельства переживают правообразование и выделяются из традиционной системы. Ю.Г. Железняков в аналогичном аспекте отмечал, что ситуации причинения правомерного вреда охраняемым законом интересам проистекают в рамках крайней необходимости, со временем они «вызревают» в юридически самостоятельные уголовно-правовые институты [7, с. 120]. Похожей точки зрения придерживается и Г.С. Шкабин, рассуждающий о репродуктивной функции института крайней необходимости, означающей способность упомянутого обстоятельства служить основой для образования новых управомочивающих норм в составе гл. 8 УК РФ. При этом данный исследователь утверждает об объективной целесообразности включения в уголовный закон обстоятельства «причинения вреда при проведении оперативно-розыскного мероприятия» [8, с. 9].

В Уголовном уложении 1903 г. содержание ст. 44 уже в тот этап развития отечественного права предполагало наличие такого обстоятельства, исключающего преступность деяния, как исполнение закона или служебных полномочий, однако, несмотря на то, что данный исторический материально-правовой опыт полагается значимым как для научного знания, так и для методологии юридико-технического конструирования, мы придерживаемся точки зрения об объективной невозможности имплементации в действующее законодательство России такого обстоятельства, так как наличие тождественной нормы противоречило бы основополагающим положениям отечественного уголовного права, предусмотренным в ст. 1 и 3 УК РФ.

В доктрине наиболее распространено предположение, что формально преступные аспекты, свойственные оперативной работе, нивелируются обстоятельством крайней необходимости.

В разное время данную точку зрения описывали: Р.М. Мелтонян [9, с. 64–68], А.М. Станкевич [10], А.М. Пешаков [11, с. 111], В.Ф. Антонов [12], А.В. Петровский [13, с. 209–216].

Мы придерживаемся авторских позиций Ю.Г. Железнякова и Г.С. Шкабина. Таким образом, значение ст. 39 УК РФ как средства реализации регулятивного направления уголовно-правового обеспечения ОРД олицетворяется в первую очередь в ее воспроизводящем или репродуктивном функционале, в возможности формирования нового обстоятельства, отталкиваясь от сущностного содержания крайней необходимости.

Но возникает вопрос: как складывается ситуация применения данного института в конкретных случаях, не при формировании новых норм, а непосредственно в оперативно-разыскной и следственно-судебной практике?

Из-за отсутствия соответствующей самостоятельной нормы в настоящее время применение такого обстоятельства видится единственно возможным законным вариантом придания правомерности формально преступному поведению оперативного работника при проведении им таких оперативно-разыскных мероприятий, как: оперативное внедрение, проверочная закупка, оперативный эксперимент.

Практика по вопросу придания правомерности активности сотрудников оперативных подразделений, действующих для решения задач ОРД, складывается в следующих вариациях:

1) применение института крайней необходимости. Недостатком правоприменения такого порядка является неоднозначность, отсутствие единообразия в казуальной судебной практике, приводящее к произвольному толкованию гипотетических типовых ситуаций надзорными органами; иными словами, отсутствие императивного предписания, декларативность;

2) непривлечение субъекта ОРД к уголовной ответственности посредством сознательного попустительства со стороны федеральных органов исполнительной и судебной власти, применения надуманных нормативных положений, использования служебного подлога или заведомого отказа отражения в материалах уголовного дела формально преступного содержания

проведенной оперативной работы. Несмотря на значительную распространенность практики такого порядка, она неординарна и несостоятельна при рассмотрении ее через призму юриспруденции, науки уголовного права в частности. При этом мы допускаем, что зачастую у сотрудников оперативного аппарата, у импонирующих им судей и прокуроров нет другой условно законной альтернативы.

В следственно-судебной практике наиболее часто встречается сознательное попустительство в сопряжении с указанием «надуманных» обстоятельств. Например, в приговоре Калининского районного суда Саратовской области по делу № 1-29(1)/2012 г., возбужденному по факту совершения Седовым Е.И. покушения на сбыт наркотического средства (дезоморфин) в особо крупном размере, фигурирует следующая формулировка: «Седов Е.И., реализуя свой единый преступный умысел, направленный на незаконный сбыт наркотических средств в особо крупном размере, осознавая степень и характер общественной опасности своих деяний, около дома в г. Калининске Саратовской области незаконно сбыл за 500 рублей гражданину А.В.М., действующему в рамках оперативно-разыскного мероприятия «проверочная закупка», один одноразовый медицинский шприц объемом 12 миллилитров с веществом буро-коричневого цвета, являющимся наркотическим средством – смесью, содержащей дезоморфин, массой 1,578 грамма» [14].

Обратим внимание, судья для придания правомерности действий, совершенных субъектом ОРД в отношении обвиняемого, использует «надуманное» обстоятельство «действия в рамках оперативно-разыскного мероприятия», не ссылаясь при этом на крайнюю необходимость, очевидно, полагая сомнительной юридическую состоятельность идеи применения таковой. В то же время уголовное законодательство не имеет подобного обстоятельства, и судья не дает никаких разъяснений по юридической природе указанного положения, соответственно интегрируя в приговор:

- 1) надуманное (мнимое) положение уголовно-правового содержания;
- 2) сознательное игнорирование всех обстоятельств.

Конечно, такого рода практика неуместна, но и негативно относиться к такой судебной тенденции мы не можем, ведь альтернативами являются привлечение сотрудника к уголовной ответственности либо полное нивелирование функционала ОРД как вклада в достижение справедливости в системе уголовного судопроизводства.

Похожая ситуация фигурирует в приговоре Центрального районного суда г. Волгограда от 19 июля 2010 г. по уголовному делу № 1-340/10, возбужденному по факту покушения на незаконный сбыт наркотических средств, совершенного в особо крупном размере. В описательно-мотивировочной части приговора обозначено, что в отношении обвиняемого оперативными работниками было проведено оперативно-разыскное мероприятие «проверочная закупка», при этом в показаниях свидетеля Л.Л.В. указывается, что он был привлечен в качестве понятого для производства личного досмотра девушки, «...которая должна была в оперативном мероприятии выступить в роли закупщицы наркотического средства» [15]. В данном случае судья в тексте приговора намекает на имитационный характер формально преступного поведения подразаемаемого лица, тем самым обозначая правомерность действий последнего.

Некоторые судебные решения отсылают:

- 1) к особенности обстановки проведения оперативно-разыскного мероприятия;
- 2) имитационному характеру во внешне преступном поведении субъекта ОРД.

Например, в кассационном определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Тыва от 24 октября 2012 г. по делу № 3-810/11 (1-33/12): «после приобретения указанного наркотического средства, которое осуществлялось в рамках оперативно-разыскного мероприятия “оперативный эксперимент”, около 23 часов лицо, выступавшее в роли “покупателя наркотических средств” под псевдонимом “С”, позвонило Ондару С.Т. и сообщило о желании приобретения более крупной партии наркотического средства».

ОРД по своей природе сопряжена с риском причинения вреда охраняемым уголовным законом интересам. Следственно-судебная практика имеет достаточно много подобных решений, где не используется существующее обстоятельство «крайней необходимости», в то же время указываются надуманные, не предусмотренные уголовным законодательством обстоятельства «... в рамках оперативного мероприятия» и иные, схожие по смыслу, интерпретации несуществующие правовые основания для исключения формальной преступности имитируемого поведения. Например:

1. В тексте кассационного определения Судебной коллегии по уголовным делам Ростовского областного суда по делу № 22–5887 сказано: «Гаркуша А.К. признан виновным и осужден по эпизоду от 08.02.2010 года за покушение на незаконный сбыт наркотического средства «марихуана» постоянной массой 4,939 грамма гражданину “М”, действовавшему на законных основаниях в рамках проведения оперативно-разыскного мероприятия “проверочная закупка”» [16]; аналогичная формулировка использовалась и в кассационном определении этого же областного суда по делу № 22-2651 [17].

2. В тексте постановления суда надзорной инстанции Президиума Ростовского областного суда по делу № 44-у-7 сказано: «Ю.С. Полтавский реализовал Ш., действовавшему в рамках оперативно-разыскного мероприятия “проверочная закупка”...» [18].

3. В тексте постановления суда надзорной инстанции Президиума Красноярского краевого суда по делу № 44-у-650 сказано: «как следует из материалов дела, К-в, приобретая у Синякова гашиш, действовал в рамках проверочной закупки, что подтверждается имеющимися в деле процессуальными документами, отражающими обстоятельства проведения оперативно-разыскных мероприятий» [19].

4. В тексте приговора Басманного районного суда г. Москвы по делу № 1-21/2012 1-21/2012(1-401/2011); 1-401/2011 от 6 марта 2012 г., возбужденному по факту незаконного перемещения через Государственную границу Российской Федерации с государствами – членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС сильнодействующих веществ в крупном размере, указана следующая

формулировка: «Трубенкова Н.А., находясь в помещении вагона № X данного поезда по вышеуказанному адресу, незаконно сбывла оперативному сотруднику под литерой <данные изъяты>, выступающему в качестве покупателя при проведении оперативно-разыскного мероприятия “оперативный эксперимент”...» [20].

5. В тексте приговора Красноармейского районного суда г. Волгограда по делу № 1–102/11 сказано: «ДД.ММ.ГГГГ в ходе проведения оперативно-разыскного мероприятия в локальной сети ЗАО <данные изъяты> с точки доступа, оборудованной ПЭВМ, имеющей IP-адрес <данные изъяты> пользователем, использующим логическое имя «NAYROBI», был открыт свободный доступ к видеофайлу <данные изъяты>, который был скопирован при помощи стандартных программ операционной системы WindowsXP на оптический диск» [21].

Изучение судебной практики демонстрирует, что предположение о применении обстоятельства крайней необходимости для обеспечения функционирования оперативно-разыскной сферы не имеет отражения в правоприменении, а следовательно, суды не столько расширительно толкуют уголовный закон, сколько дополняют его по образцу прецедентного англо-саксонского права своими придуманными обстоятельствами правомерного причинения вреда общественным отношениям. В.Б. Волженкин отмечает, что такое расширенное понимание крайней необходимости не основывается на законе и может повлечь за собой увеличение возможностей злоупотребления, произвола и использования незаконных методов в борьбе с преступностью [22, с. 43–45].

А.П. Фильченко полагал, что крайняя необходимость может использоваться для обеспечения правовых гарантий лиц, сотрудничающих с оперативными подразделениями, однако, как указывает сам исследователь, «судебная практика в этом отношении не является сложившейся, однообразной и последовательной», что диктует необходимость уточнения уголовного закона «посредством введения самостоятельной статьи в содержание главы 8, предусматривающей специальные условия исключения уголовной ответственности лиц, сотрудничающих с органом ОРД» [23, с. 186].

Таким образом, актуальна необходимость приоритизации внимания законодателя и отдельных представителей доктрины к согласованному конструированию нормотворческих оснований придания правомерности присущим ОРД дискреционным полномочиям.

Разрешить рассматриваемую проблему возможно двумя путями.

1. Разработать законодательную новеллу по включению в систему обстоятельств, исключающих преступность деяния, еще одной управомочивающей уголовно-правовой нормы.

2. Расширить область применения нормы о крайней необходимости посредством издания постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, в тексте которого будет рекомендовано применение ст. 39 УК РФ к случаям причинения вреда охраняемым уголовным законом интересам при осуществлении ОРД.

Как показывает практика, делегирование права на отклоняющееся от уголовно-правовых запретов поведение в рамках ОРД относить к крайней необходимости иррационально. Во-первых, Верховный Суд Российской Федерации согласно содержанию ст. 126 Конституции Российской Федерации и ч. 4 ст. 19 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» в целях обеспечения единообразного применения законодательства дает другим судам разъяснения по вопросам судебной практики [24], а в п. 1 ч. 7 ст. 2 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» уточняется, что разъяснение дается на основе изучения и обобщения судебной практики, но никак не на основе привнесения в конкретные статьи УК РФ большего смыслового объема, чем предусмотрено самим законодателем [25].

Во-вторых, акты толкования, излагающие позицию суда высшей инстанции, могут быть непостоянны, вследствие чего не могут гарантировать перманентное сохранение унифицированной практики в будущем.

Из сказанного можно заключить, что более предпочтительным является вариант с разработкой законодательной новеллы. В то же время мы допускаем возможность подготовки постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации как временной меры, предназначенной для переходного периода до вступления в юридическую силу разработанных законотворческих преобразований.

Примечания

1. *Астафьев Ю.В.* Совершенствование форм и методов оперативно-розыскной деятельности в правовом государстве // Право и политика. 2005. № 11.

2. *Келина С.Г.* Обстоятельства, исключаящие преступность деяния // Уголовное право. 1999. № 3.

3. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 // Российская газета. 2006. 28 июня.

4. *Савинский А.В.* О перечне обстоятельств, исключаящих преступность деяния // Российская юстиция. 2014. № 5.

5. Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / А.А. Арямов, Т.Б. Басова, Е.В. Благов [и др.]; отв. ред. Ю.В. Грачева, А.И. Чучаев. Москва, 2017.

6. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / В.А. Блишников, А.В. Бриллиантов, О.А. Вагин [и др.]; под ред. А.В. Бриллиантова. 2-е изд., перераб. и доп. Москва, 2015.

7. *Железняков Ю.Г.* Уголовная ответственность субъектов оперативно-розыскной деятельности, совершивших преступления при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий: дис. ... канд. юрид. наук. Елец, 2009.

8. *Шкабин Г.С.* Уголовно-правовой институт крайней необходимости в деятельности органов внутренних дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2004.

9. *Мелтонян Р.М.* Уголовно-правовой институт крайней необходимости и проблемы правового регулирования оперативно-разыскной деятельности // Проблемы применения уголовного законодательства при осуществлении оперативно-разыскной деятельности: материалы межведомственного круглого стола / под ред. Г.В. Ищука, Е.Н. Билоуса, А.В. Ковалева, Г.С. Шкабина. Рязань, 2015.

10. *Станкевич А.М.* Пределы правомерности крайней необходимости: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2011.

11. *Плешаков А.М., Шкабин Г.С.* Крайняя необходимость как обстоятельство, исключающее преступность деяния: учебное пособие. Рязань, 2005.

12. *Антонов В.Ф.* Обстоятельства применения института крайней необходимости в деятельности правоохранительных органов: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2000.

13. *Петровский А.В.* Оперативно-розыскная деятельность и обстоятельства, исключающие преступность деяния // Проблемы реализации уголовной политики Российской Федерации на региональном уровне: сборник научных трудов. Ставрополь, 2007.

14. Дело № 1-29(1)/2012 г. приговор в первой инстанции. Сайт «Росправосудие». URL: <https://rospravosudie.com/court-kalininskij-rajonnyj-sud-saratovskaya-oblast-s/act-104699492/> (дата обращения: 20.01.2019).

15. Дело № 1-340/10 приговор в первой инстанции. Сайт «Росправосудие». URL: <https://rospravosudie.com/court-centralnyj-rajonnyj-sud-g-volgograda-volgogradskaya-oblast-s/act-100717157/> (дата обращения: 20.01.2019).

16. Дело № 22–5887 кассационное определение. Сайт «Росправосудие». URL: <https://rospravosudie.com/court-rostovskij-oblastnoj-sud-rostovskaya-oblast-s/act-105292739/> (дата обращения: 20.01.2019).

17. Дело № 22–2651 кассационное определение // Сайт «Росправосудие». URL: <https://rospravosudie.com/court-rostovskij-oblastnoj-sud-rostovskaya-oblast-s/act-105308303/> (дата обращения: 20.01.2019).

18. Дело № 44-у-7 постановление суда надзорной инстанции. Сайт «Росправосудие». URL: <https://rospravosudie.com/court-rostovskij-oblastnoj-sud-rostovskaya-oblast-s/act-105477558/> (дата обращения: 20.01.2019).

19. Дело № 44-у-650 постановление суда надзорной инстанции. Сайт «Росправосудие». URL: <https://rospravosudie.com/court-krasnoyarskij-kraevoj-sud-krasnoyarskij-kraj-s/act-103678218/> (дата обращения: 20.01.2019).

20. Дело № 1-21/2012 1-21/2012(1-401/2011;) 1-401/2011 приговор первой инстанции. Сайт «Росправосудие». URL: <https://rospravosudie.com/court-basmannyj-rajonnyj-sud-gorod-moskva-s/act-106333835/> (дата обращения: 20.01.2019).

21. Дело № 1-102/11 приговор первой инстанции. Сайт «Росправосудие». URL: <https://rospravosudie.com/court-krasnoarmejskij-rajonnyj-sud-g-volgograda-volgogradskaya-oblast-s/act-102722171/> (дата обращения: 20.01.2019).

22. *Волженкин Б.В.* Допустима ли провокация как метод борьбы с коррупцией? // Российская юстиция. 2001. № 5.

23. *Фильченко А.П.* Уголовно-правовое значение сотрудничества лица с органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность // Уголовное и оперативно-разыскное законодательство: проблемы межотраслевых связей и перспективы совершенствования: материалы межведомственной научно-практической конференции (Рязань, 20 октября 2017 г.) / под ред. Е.Н. Билоуса, Г.В. Ищука, А.В. Ковалева, Г.С. Шкабина. Москва, 2017.

24. О судебной системе Российской Федерации: федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ // Российская газета. 1997. 6 января.

25. О Верховном Суде Российской Федерации: федеральный конституционный закон от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ // Российская газета. 2014. 7 февраля.

А.Г. Исаенко,
адъюнкт заочной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России.

Научный руководитель –
д.ю.н., профессор *М.П. Поляков*

О ПРОЦЕССУАЛЬНОМ РУКОВОДСТВЕ КАК НАСУЩНОЙ ПОТРЕБНОСТИ СОВРЕМЕННОГО УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

В сложной системе уголовно-процессуальных отношений есть отношения особого рода – это отношения власти–подчинения между субъектами, профессионально причастными к расследованию уголовных дел. В свою очередь, в рамках этих отношений тоже можно выделить особый элемент – процессуальное руководство. В настоящей статье мы попытались затронуть несколько вопросов, касающихся сущности этого феномена и объективной потребности в нем в рамках современного уголовного судопроизводства.

Первый любопытный аспект, раскрывающий предмет предлагаемой статьи, можно условно назвать «географией» процессуального руководства. Если посмотреть на структуру уголовного судопроизводства в рамках вопроса о присутствии процессуального руководства на определенных этапах, то можно увидеть, что сама идея этого руководства присуща исключительно досудебным стадиям, а в судебных стадиях случаются лишь отдельные вкрапления этой идеи, да и то процессуальным руководством такие вкрапления можно назвать лишь условно. Таким образом, «география» процессуального

руководства распространяется на зону досудебного производства, преимущественно на зону предварительного расследования.

Но почему именно здесь и востребована функция процессуального руководства? Ответ на этот вопрос предполагает выявление особых предпосылок, которые бы объясняли возникновение потребности в процессуальном руководстве. Чем же таким особенным отличается стадия предварительного расследования, что ей понадобилась дополнительная функция? Заметим, что сама возможность присутствия в уголовном процессе функции процессуального руководства озвучена не нами и не вчера. Профессор А.М. Ларин прямо говорит о том, что такая функция в уголовном судопроизводстве имеет место, и то обстоятельство, что он привязывает эту функцию к прокуратуре, ничего не меняет [1].

Итак, первый шаг к выяснению вопроса о том, почему досудебному этапу присуща функция процессуального руководства, заключается в констатации того, что досудебный этап имеет свою специфику. Основная предпосылка, создающая предрасположенность для процессуального руководства, состоит в особом функциональном устройстве досудебного производства. Дело в том, что на этом этапе имеет место своеобразное сочетание функций.

Но чтобы понять это сочетание, нужно разносторонне посмотреть на систему данных функций. Всем нам известна классическая трехзвенная система: обвинение, защита и разрешение уголовного дела. К этому набору функций, который, как правило, никем не оспаривается, добавляют и иные функции, в частности функцию предварительного расследования. Подобный подход весьма прочно укоренился в современной науке. Он является воплощением принципа состязательности и определенной идеологической установки о разделении процессуальных функций. Постулат этот настолько привычен, что не позволяет усомниться в его справедливости, а законодательная констатация о присутствии в уголовном процессе трех основных функций усугубляет это благостное состояние.

Время от времени эту функциональную идиллию разрушают размышления о функции предварительного расследования, которая не просто объявляется «довеском» к системе основных функций, но и позиционируется некой систематизирующей функцией. Когда говорят об этой функции, то обычно дают понять, что именно она и реализуется на стадии предварительного расследования, а все остальные функции (в том числе и основные) как бы растворяются в ней. Во всяком случае, на досудебном этапе она определяется как лидирующая функция. Рассуждения о синтетическом характере функции предварительного расследования не случайны: они в очередной раз подтверждают, что функция предварительного расследования – это функция особого рода.

В теории уголовного процесса функции делят на разные группы. Наиболее привычным является деление на основные и вспомогательные функции. Но как-то так получается, что основные функции существуют без привязки к конкретным участникам, а вспомогательные не всегда могут обойтись без упоминания о субъектах. Так, в числе вспомогательных мы видим функцию переводчика, функцию секретаря судебного заседания, функцию понятых и т. д.

Но деперсонализация основных функций не делает их безликими, а лишь предполагает, что к реализации таких функций причастны многие участники уголовного судопроизводства. Хотя и эта констатация не обходится без исключений. Если к функции обвинения и защиты можно привязать целые группы участников (они в законе обозначены как участники со стороны обвинения и, соответственно, со стороны защиты), то к функции разрешения уголовного дела законом прикреплен лишь один субъект – суд.

Но и эта привязка лишь условная, поскольку не только суд разрешает уголовное дело. Институт прекращения уголовного дела – это тоже законная форма разрешения, которая, по мнению председателя Верховного Суда Российской Федерации В.М. Лебедева, является специфической формой оправдания. «Говорят, – указывает он, – что мало оправдательных

приговоров, всего 1%. Да, это так, эта цифра соответствует действительности. Но отвечает ли она тем выводам, которые у нас пытаются в обществе сформировать о том, что это свидетельство того, что суды работают с обвинительным уклоном? Дело в том, что судами прекращено из поступивших уголовных дел 22% в отношении 193 тыс. лиц» [2].

Однако следует заметить, что полномочия по прекращению уголовного дела имеются не только у суда. Они занимают важнейшее место и в процессуальном статусе органов предварительного расследования.

Подобно тому, как к основным функциям становятся причастны разные участники, сами функции могут быть растворены в деятельности многих участников. Именно это свойство всеобщности и делает их основными функциями уголовного процесса. И здесь у нас возникает одна интересная ассоциация. В Нижегородской (Томинской) школе процессуалистов к признакам принципов уголовного процесса относят проявление принципа во всех стадиях уголовного процесса. Если принцип не проявляется хотя бы в одной стадии, значит, это не принцип. У нас возникает интересная мысль: а нельзя ли этот подход, этот критерий всеобщности распространить и на основные функции уголовного процесса? Только критерий всеобщности здесь будет распространяться не на все стадии, а на всех основных участников. Функция должна охватывать как широкий круг участников, так и весьма широкий круг процессуальных явлений.

В ключе соответствия критерию всеобщности мы можем условно выделить только две функции уголовного судопроизводства – функцию предварительного расследования и функцию разрешения уголовного дела. Функции обвинения и защиты будут лишь содержательным наполнением отдельных эпизодов этих всеобщих функций. Вместе с тем, данная двухзвенная система, по нашим интуитивным ощущениям, непроявленный теоретический изъян, вследствие чего наше исследовательское чутье ее отрицает. Интуиция подсказывает, что в данной двухзвенной трактовке эти функции неизбежно

погружаются в атмосферу дисгармонии. В связи с этим мы полагаем, что системно обозначить основные функции уголовного судопроизводства невозможно без выделения одной системообразующей глобальной функции, которая была бы для всех прочих функций общей средой обитания. В каком-то смысле в качестве такой «гиперфункции» могла бы быть презентована сама функция разрешения уголовного дела. Однако название ее, образно говоря, недостаточно поэтичное. Более подходящим нам видится, к примеру, такое наименование, как «функция правосудия».

Впрочем, мы не собираемся совершать научный переворот в теории уголовно-процессуальных функций. Наши размышления о «гиперфункции» всего лишь методологический пролог к прояснению сущности процессуального руководства. Итак, с этой точки зрения можно поделить уголовное судопроизводство на блоки (этапы), которые предрасположены к процессуальному руководству и соответственно к нему категорически не расположены. С рассуждений об этом мы и начали статью.

Так сложилось исторически и методологически, что предрасположенным к процессуальному руководству этапом является досудебное производство, то есть главный этап, на котором осуществляется создание условий для реализации глобальной системообразующей уголовно-процессуальной функции – функции правосудия. И в этой связи у нас возникает гипотеза, согласно которой предрасположенность досудебного производства к появлению функции процессуального руководства обусловлена тем, что досудебное производство имеет ярко выраженный исследовательский характер. Именно этот исследовательский характер и является основной предпосылкой, формирующей потребность в процессуальном руководстве именно на досудебном этапе.

На первый взгляд подобная логическая увязка процессуального руководства и исследовательской сущности досудебного этапа выглядит надуманной. Однако эта связь есть, причем вполне закономерная. Начнем с того, что всякое исследование,

а уголовно-процессуальное исследование в особенности, предполагает в качестве необходимого элемента формирования социально значимого результата объективизацию полученного знания. Какими бы странными веяниями ни сопровождались разговоры о цели уголовного процесса, такой элемент цели, как достижение истины, в нем объективно присутствует.

Объективизация социально значимых результатов познавательной деятельности предполагает непрременный этап «квази-коллективного» познания. Этот этап воплощается в жизнь посредством введения институтов рецензирования и оппонирования. Подобные интеллектуальные инструменты объективизации знания, прямо в уголовном процессе рецензированием и оппонированием не называемые, уголовный процесс позаимствовал в методологии научного познания. Эти инструменты объективизации знания равно применимы на всех этапах уголовного процесса. Активно используются они и в контрольно-проверочных судебных стадиях. Однако в рамках судебных стадий о процессуальном руководстве говорить, как правило, не принято, что, по нашему мнению, совершенно справедливо, поскольку, во-первых, ревизионное начало в данных стадиях имеет свои ограничения и, во-вторых, эти стадии (как фрагмент коллективного познания) необязательно связаны с процессуальным руководством.

Вследствие названных выше объективных причин процессуальное руководство там, естественно, присутствует, однако в силу высокого статуса конституционного принципа независимости судей присутствие это не афишируется. Кроме того, судебной власти присущ элемент сакральности, активно внедряемый в том числе и юридической наукой. В отношении следственной власти о сакральности говорить не приходится. Более того, и само понятие следственной власти еще так до конца не отстояло свое право на существование.

Досудебное производство предрасположено к процессуальному руководству и контролю не только в силу сугубо исследовательского характера своей деятельности. Исследовательский элемент присущ и суду: отсюда и говорящее само за себя понятие

«судебное следствие». Однако простор для «квазиколлективизации» познания на досудебном этапе куда шире, чем при производстве в суде. В суде «эвристическая коллективизация» весьма и весьма ограничена. По сути, о ней можно говорить лишь применительно к коллегиальному составу суда (явлению, в современных условиях почти экзотическому). Что касается стадии предварительного расследования, то этот «эвристический коллективизм» является почти обязательным когнитивным принципом. Коллективный субъект расследования по уголовному делу складывается из следователя, оперативного работника, руководителя следственного органа, прокурора. В этот список можно добавить и дознавателя с его руководителем.

Если посмотреть на процесс расследования объективно, то можно заключить, что на стадии предварительного расследования картину преступления воссоздают не индивиды, а коллективы. А всякий коллектив нуждается в руководстве. Это управленческая аксиома. Руководитель является и контролером, и помощником, субъектом направляющим, а при необходимости и осаждающим. Однако здесь снова возникает вопрос: каковы методологические и исторические корни этого «эвристического коллективизма»?

Если мы говорим о методологических корнях, то опять же выходим на сопоставление предварительного расследования и научного познания. Научное познание, как мы уже отметили, нуждается в объективизации через коллективное признание результатов. Коллеги по научному цеху оценивают и результаты, и методы, при помощи которых эти результаты получены. Правда, нам здесь могут возразить, что научное познание не исключает и исследователей-одиночек, а на предварительном следствии самостоятельность следователя является главным критерием организации расследования. В научном руководстве нуждаются по большей части молодые исследователи, в уголовном же процессе следователи-исследователи не всегда молоды (хотя тенденция омоложения тоже имеется).

Однако уголовное судопроизводство – особое поле познания. Каждое новое уголовное дело – это уникальная исследовательская

ситуация. В уголовном процессе не работают исследовательские штампы, это все же не столько юридический, сколько эвристический мир. Такая эвристическая эксклюзивность и предполагает потребность в коллективном познании, в объединении «юности» с «опытом». И субъектом этого познания становится орган предварительного расследования в самом широком понимании последнего. Данный орган не равен следователю, он шире его. Да, следователь, несомненно, является центральной фигурой расследования, фигурой независимой и самостоятельной. Но нельзя забывать, что при всей своей процессуальной важности следователь не перестает быть элементом правоохранительной системы, связанным сложными нитями власти и подчинения с другими субъектами. И в этой системе элемент процессуального руководства становится необходимым и целесообразным. Процессуальное руководство придает деятельности по расследованию преступлений плановый и организованный характер. Руководитель следственного органа олицетворяет собой «большое знание», которое позволяет создавать особый контекст познания по уголовным делам.

Обычно критика процессуального руководства как идеи и института основывается на издержках, которые укладываются в такое явление, как злоупотребление правом. Но, как известно, злоупотребление не отменяет употребления. Поэтому сама по себе идея процессуального руководства является необходимой. Она предопределяется самой атмосферой предварительного расследования.

Кроме того, процессуальное руководство является специфической гармонизирующей силой, которая минимизирует издержки процессуальной самостоятельности следователя, не позволяет этой самостоятельности (помноженной на неопытность) перерасти в произвол. Само допущение процессуального руководства на стадии предварительного расследования способствует конвергенции управленческих и сугубо уголовно-процессуальных начал работы следственных подразделений. Трудно себе представить, что при наличии административного подчинения своему руководителю следователь бы полностью

выпадал из-под его процессуального контроля и был вне зоны действия руководящего процессуального ориентирования.

В свою очередь, само процессуальное руководство нуждается в системе сдержек и противовесов. И в этой связи сам принцип процессуальной самостоятельности следователя является специфической корректировкой функции процессуального руководства. В начало процессуальной самостоятельности следователя заложена не идея автономии, а право на собственное мнение. Процессуальная самостоятельность есть формальное основание для законных дебатов по ключевым вопросам производства по уголовному делу, внесения в расследование элементов эристики (ведь истина, как известно, рождается в споре).

Через особое взаимодействие начал процессуальной самостоятельности и процессуального руководства на этап предварительного расследования проникают элементы состязательности особого рода, состязательности между руководителем следственного органа и подчиненными ему следователями. Сама идея несогласия (с процедурными последствиями) является очень интересным элементом в системе процессуального руководства. Кроме того, через процессуальное руководство на досудебный этап в усеченном виде проникает и концепт «инстанционности», весьма приветствуемый в судебных стадиях.

Таковы отдельные доводы, подтверждающие, что процессуальное руководство есть насущная потребность современного уголовного судопроизводства.

Примечания

1. *Ларин А.М.* Функция процессуального руководства и прокурорский надзор в стадии предварительного следствия // Развитие и совершенствование уголовно-процессуальной формы. Воронеж, 1979.

2. Глава ВС не согласен с утверждением, что российские суды работают с обвинительным уклоном. URL: <https://tass.ru/obschestvo/6925745> (дата обращения: 20.01.2019).

А.Ф. Ковалев,
адъюнкт очной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России.

Научный руководитель –
д.ю.н., доцент *В.В. Сверчков*

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ СИСТЕМЫ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И НЕКОТОРЫХ ИНЫХ СТРАН, ПРЕДСТАВЛЯЮЩИХ РОМАНО-ГЕРМАНСКУЮ ПРАВОВУЮ СЕМЬЮ

Федеративная Республика Германия является одним из наиболее ярких представителей романо-германской правовой семьи, что отражается на ее системе уголовных наказаний. В первую очередь необходимо сказать, что в Уголовном кодексе Германии отсутствует понятие наказания и его цели. Отметим, что в уголовно-правовой доктрине под наказанием понимаются строго определенные уголовным законодательством правовые последствия, наступающие при совершении преступных, виновных действий.

Ученые А.Э. Жалинский, М.Ю. Дворецкий и А.А. Кузина, занимавшиеся изучением системы уголовных наказаний Германии, предлагают понимать под уголовным наказанием предусмотренную законом компенсацию за виновно совершенное деяние, которая направлена на возмещение ущерба и предупреждение новых преступлений [1, с. 311–313].

Указанная выше позиция позволяет сделать вывод, что основной целью уголовного наказания является возмещение

вреда, причиненного преступлением. Исправление виновного в ней прямо не заявляется. Но, на наш взгляд, данный вывод был бы преждевременным без анализа видов наказаний, а равно иных мер уголовно-правового воздействия.

Уголовные наказания в Германии следует разделить на две группы:

1) основные наказания – лишение свободы (g 38–39), денежный штраф и имущественный штраф (g 40–43);

2) дополнительные наказания – запрет на управление транспортным средством (g 44) [2].

Кроме указанных наказаний, выделяются два ограничения прав осужденного, которые применяются при привлечении лица к уголовной ответственности:

1) ограничение должностной правоспособности (лишение возможности занимать публичные должности);

2) ограничение прав на избрание и голосование (лишение активной и пассивной формы избирательного права гражданина Германии) [2].

Данные ограничения наступают автоматически (g 45) [2] и предусматриваются специальной нормой Уголовного кодекса Германии. Например, за совершение должностных преступлений, кроме наказания в виде лишения свободы, судебные органы могут дополнительно лишить виновного права занимать публичные должности на срок от двух до пяти лет (g 358) [2]. Продолжительность ограничения (лишения) прав исчисляется со дня вступления приговора в законную силу и до дня отбытия лишения свободы, истечения срока давности или освобождения от наказания.

Важно отметить, что до 1949 г. в систему наказаний Германии неизменно входила смертная казнь, но она была отменена ст. 102 Конституции ФРГ. С данного времени самым тяжелым наказанием для преступников являлось пожизненное лишение свободы (минимальный же срок лишения свободы – 1 месяц).

На первый взгляд, кажущаяся простота системы наказаний Германии компенсируется наличием мер безопасности, которые являются неотъемлемым элементом ее уголовно-правовой системы.

К мерам безопасности относятся:

1) запрет заниматься определенной профессией (для лиц, совершивших преступления, связанные с исполнением своих служебных обязанностей);

2) руководящий надзор за поведением осужденного (для лиц, совершивших преступное деяние, предусматривающее наказание от шести лет лишения свободы, а равно совершившее менее тяжкое преступление, если есть основания полагать, что лицо не прекратит преступную деятельность);

3) помещение в психиатрическую больницу (для лиц, страдающих хроническими или временными психическими расстройствами);

4) помещение в медицинское учреждение (для лиц, зависимых от алкоголя или наркотических веществ);

5) превентивное заключение (для лиц, ранее совершавших преступления (два и более) либо совершивших одно, но предусматривающее наказание в виде лишения свободы на срок не менее двух лет, поведение которых может быть опасным для общества) [1].

Представляется возможным провести аналогию между такими мерами безопасности в уголовном законодательстве Германии и иными мерами уголовно-правового характера, указанными в законодательстве Российской Федерации (принудительными мерами медицинского, воспитательного характера, конфискации имущества) [3]. Вместе с тем, в уголовно-правовой системе Германии данные меры используются в равной степени с наказаниями. Это может быть объяснено тем, что применение мер безопасности более эффективно для государственных структур как с точки зрения финансовой составляющей, так и с точки зрения прилагаемых усилий. Кроме того, оно способствует достижению целей наказания в виде предупреждения совершения новых преступлений и декриминализации общества посредством глубокой дифференциации ответственности и акцентирования внимания не только на исправлении личности виновного, но и на причинах, которые повлекли совершение преступления [1].

Правильность сделанных выводов подтверждается отношением закона Германии к уголовной ответственности несовершеннолетних. Необходимо отметить, что в тексте Уголовного кодекса Германии прямо не указывается возраст привлечения к ответственности несовершеннолетних. Но данный вопрос раскрывается в ином нормативном правовом акте [4], в котором сказано, что к уголовной ответственности привлекаются лица, достигшие на момент совершения преступного деяния возраста 14 лет и не достигшие возраста 18 лет (§ 5). К этим лицам следует применять меры воспитательного и исправительного характера, а равно наказания, не связанные с лишением свободы, в исключительных случаях (совершение тяжкого преступления и рецидив) – наказание в виде лишения свободы, но оно не может превышать 10 лет [5, с. 70–76].

Меры воспитательного характера направлены на воспитание (формирование) правопослушного поведения, к ним относятся (§ 10):

а) занятия, направленные на соблюдение правил дорожного движения;

б) социальные тренировки (конкурсы), воспитывающие чувство ответственности за свои действия и их последствия;

в) обязательные работы, направленные на формирование у несовершеннолетнего интереса к труду;

г) обучение способам решения возможных конфликтных ситуаций мирным путем [6].

К мерам исправительного воздействия относятся (§ 13):

1) предупреждение о недопущении подобного поведения;

2) возложение обязанностей загладить вред, причиненный в результате преступления;

3) арест (подразумевается содержание в специальном учреждении без строгой изоляции от общества).

Опираясь на сказанное, уместно сделать вывод о том, что «целями системы наказаний» (мы умышленно не говорим «целями наказания»), так как уголовные наказания – это лишь часть большой пенитенциарной системы Германии) являются:

1) возмещение вреда, причиненного преступлением;

2) предупреждение совершения новых преступлений – декриминализация общества;

3) исправление и ресоциализация виновного [6].

Таким образом, основной вектор системы уголовных наказаний направлен на достижение целей с помощью применения не столько уголовных наказаний, сколько иных мер уголовно-правового характера (мер безопасности, мер исправительного и воспитательного воздействия). Акцент на индивидуализацию при избрании меры ответственности оказывает значительное влияние на достижение всех целей системы наказаний, а равно на ее эффективность. Подтверждается это данными статистики о количестве убийств в Германии за 2015 г. Согласно опубликованным сведениям, уровень убийств в данном государстве не превышает 1 на 100 тысяч жителей, в то время как в Российской Федерации данный показатель равен 11 [7].

Традиционным представителем романо-германской правовой семьи является Французская Республика, где уголовное право имеет преимущественно кодифицированную форму. Связано это с тем, что Уголовный кодекс Франции от 22 июля 1992 г. не является единственным документом, регулирующим уголовно-правовые отношения в обществе (уголовно-правовые нормы, обязательные для исполнения, содержат: Кодекс о здравоохранении (1953 г.), Кодекс военной юстиции (1966 г.), Закон о коммерческих обществах (1966 г.) и др.

Говоря о системе наказаний Франции, необходимо отметить, что все преступные деяния в зависимости от тяжести содеянного делятся на три независимые группы:

1) преступления – умышленные деяния, за которые применяют уголовное наказание (*les peines criminelles*) в виде лишения свободы на срок не менее десяти лет;

2) проступки – умышленные и неосторожные деяния, за которые назначают исправительные наказания (*les peines correctionnelles*) в виде лишения свободы на срок до десяти лет, штрафа, штрафо-дней, ограничения прав, общественно полезных работ (неоплачиваемых);

3) нарушения – умышленные и неосторожные малозначительные деяния, за которые предусмотрено применение полицейских наказаний (*les peines de police*), а именно штрафа до десяти тысяч франков, лишения различных прав, конфискации имущества (полученного в результате или предназначенного для совершения преступного деяния).

В уголовном законодательстве Франции нет понятия – «преступное деяние». Несмотря на это, основываясь на содержании статей Общей части Уголовного кодекса Франции, возможно выявить характерные данному понятию признаки. К ним относятся: тяжесть причиненного вреда (личности, обществу и (или) государству); виновность деяния (умышленная, неосторожная и презюмированная форма); наказуемость его нормами уголовного права [8].

Презюмированная форма вины является отличительной особенностью уголовного права Франции. Под ней подразумевается психологический признак, характерный для преступных деяний небольшой тяжести – нарушений. Согласно уголовно-правовой доктрине данная форма вины состоит в совершении деяний небольшой тяжести лицом, которое не находится в условиях непреодолимой силы (преступное нарушение правил дорожного движения) [8].

В отечественном законодательстве такая форма вины по своей сути является составной частью вины в форме неосторожности.

Понятия уголовного наказания и его целей в Уголовном кодексе Франции нет. Но, учитывая форму уголовно-правовой системы Франции (преимущественно кодифицированную), возможно обратиться к иным нормативным правовым актам. Так, в ряде статей Уголовно-процессуального кодекса Франции от 1958 г. указаны следующие цели наказания:

1) медицинская и психическая адаптация к жизни в обществе (ст. 718);

2) социальное исправление и ресоциализация осужденного (ст. 720-4, 721-1, 763-3).

Отсутствие законодательно закрепленного понятия наказания и его целей, по мнению Н.Ф. Кузнецовой и И.М. Тяжковой,

связано с продолжающимся во Франции противоборством сторонников двух концепций: новой социальной защиты и современного неоклассицизма. Сторонники первой концепции говорят о необходимости увеличивать количество мер уголовно-правового воздействия, которые будут направлены на исправление и ресоциализацию виновного. Сторонники второй концепции убеждены в необходимости ужесточения уголовной ответственности через отмену возможности условно-досрочного освобождения виновного, а равно иного ее смягчения и улучшения условий отбытия наказания. Они мотивируют это тем, что, проявляя лояльность в отношении исполнения наказания, теряется его устрашающий характер и снижается эффективность всей системы уголовных наказаний [9].

Рассмотрим меры уголовно-правового воздействия (уголовные наказание), к наиболее строгим из них относятся:

1) пожизненное лишение свободы:

а) заточение – за совершение преступлений политической направленности (деяния против государства и общества);

б) заключение – лишение свободы за совершение преступлений общеуголовной направленности (деяния против личности);

2) лишение свободы (заточение или заключение) на срок свыше 10 лет.

При равной длительности сроков уголовное заключение относится к более тяжкому наказанию, нежели заточение.

К мерам уголовно-правового воздействия в виде исправительных наказаний относятся:

1) тюремное заключение (на срок от 6 месяцев до 10 лет);

2) штраф;

3) штраф в виде штрафо-дней;

4) неоплачиваемые работы в общественных интересах;

5) лишение или ограничение прав.

К последнему виду мер уголовно-правового воздействия (полицейским наказаниям) относятся: штраф и лишение (ограничение прав).

Кроме этого, система уголовных наказаний Франции предусматривает основные и дополнительные виды наказаний.

К числу основных относятся два вида: тюремное заключение и штраф, к числу дополнительных, которые назначаются за совершение преступлений и проступков, – пять видов:

- 1) ограничение правоспособности;
- 2) лишение определенных прав (водительских прав, права на охоту);
- 3) запрет использования или конфискация определенного имущества (оружия, выдавать чеки (расписки));
- 4) афиширование судебного постановления;
- 5) закрытие (в отношении юридического лица) [8].

С 1981 г. во Франции самым суровым наказанием является пожизненное лишение свободы. После отмены смертной казни количество преступлений, за совершение которых максимальным наказанием является пожизненное лишение свободы, увеличилось практически в разы.

Возвращаясь к особенностям уголовно-правовой системы Франции в части, касающейся разделения преступлений на общеуголовные и политические, необходимо остановиться на специфике исполнения наказаний.

Осужденные за совершение общеуголовных преступлений отбывают наказание по схожему порядку: имеют тюремную форму (одежду), могут привлекаться к разнообразным работам (зависящим от их навыков), содержаться в камерах по несколько человек (за совершение убийств с особой жестокостью или проявлением агрессии – в одиночных камерах). В то же время осужденные за политические преступления представляют собой практически полную противоположность: не имеют тюремной формы, не привлекаются к работам, преимущественно содержатся в одиночных камерах.

Важно сказать, что, избирая вид наказания, суд при наличии обстоятельств, которые свидетельствуют об отсутствии необходимости назначать основной вид наказания (при малозначительности или полном возмещении причиненного ущерба), вправе назначать не основное, а дополнительное наказание. В связи с этим в уголовном законе Франции указана только верхняя граница, а нижняя фактически отсутствует, что

дает судам широкие возможности по избранию вида наказания с учетом всех смягчающих обстоятельств.

Заключительное место в системе наказаний Франции отведено особенностям привлечения к ответственности несовершеннолетних. Действующий Уголовный кодекс не содержит норм об ответственности несовершеннолетних, так как они находятся в отдельном нормативном правовом акте [13]. В соответствии с его положениями выделяют четыре возрастные группы:

1) несовершеннолетние, не достигшие к моменту совершения преступного деяния 10 лет и не подлежащие уголовной ответственности. Но в отношении них могут назначаться меры безопасности (по аналогии с мерами, указанными в законодательстве Германии) (ст. 2);

2) несовершеннолетние, достигшие возраста 10 лет, но не достигшие 13 лет. В отношении данной группы применяются меры безопасности и воспитательные санкции (помещение в медицинское учреждение или государственную коррекционную школу, обязанность возместить причиненный преступлением вред, запрет приближаться к потерпевшему или посещать определенные места и др.) (ст. 15-1);

3) несовершеннолетние, достигшие возраста 13 лет и не достигшие 16-летнего возраста. В отношении данной группы, кроме мер, указанных выше, возможно применять исправительные и полицейские наказания (при совершении тяжких преступлений и (или) неоднократном совершении проступков, – уголовное наказание с минимальными санкциями);

4) несовершеннолетние, достигшие 16 лет, но не достигшие возраста 18 лет (совершеннолетия). К данной категории уже применяют весь спектр наказаний (уголовных, исправительных, полицейских).

Говоря о невменяемости, как обстоятельстве, исключающем виновность, следует сказать о ее схожем характере с отечественным восприятием, закрепленным в ст. 21 УК РФ. Не подлежит ответственности лицо, находившееся в момент совершения деяния в нервно-психическом (психическом) расстройстве, которое лишило его способности контролировать

и осознавать характер своих действий. Кроме этого, в Уголовном кодексе Франции существует институт уменьшенной вменяемости. Основное отличие его состоит в психическом или нервно-психическом расстройстве, которое не лишило, а лишь ухудшило способность виновного осознавать, а равно контролировать действия. Данное обстоятельство суд может рассматривать как смягчающее.

Завершая анализ эффективности системы уголовных наказаний Франции, традиционно обратимся к статистическим данным [7]. Так, количество совершенных убийств на 100 тысяч человек за 2015 г. составило: в Германии – 1, Франции – 1,58, России – 11. Можно сделать вывод, что уровень преступности в рассматриваемой стране чуть выше, чем в Германии, но существенно ниже, чем в России. Объясняется это сложностью, которая выражена в многоаспектном подходе к избранию меры уголовной ответственности в отношении виновного.

Кроме этого, мы видим сложную систему мер воздействия на несовершеннолетних, совершивших противоправные деяния. Отсутствие законодательно закрепленного понятия наказания и его целей компенсируется доктринальными разработками и законодательными дефинициями, которые направлены на достижение фундаментальных целей наказания в виде возмещения причиненного вреда, исправления и ресоциализации осужденного, а в конечном счете и предотвращения совершения новых преступлений. В свете сказанного можно согласиться с мнением ученых о том, что уровень законодательной техники уголовного права Франции является одним из самых высоких в мире.

Примечания

1. *Дворецкий М.Ю., Кузина А.А.* Система наказаний в законодательстве Российской Федерации и Федеративной Республики Германии: проблемы эффективной реализации уголовной ответственности // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 1 (117).

2. Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии / науч. ред. Д.А. Шестаков; предисл. Г.-Г. Йешек; пер. Н.С. Рачкова. Санкт-Петербург, 2003.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации (с изм. и доп., от 08.01.2019) (разд. 6) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25, ст. 2954.

4. Об отправлении правосудия по делам несовершеннолетних: закон от 4 августа 1953 г. // Доступ из СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 20.01.2019).

5. Сулейманова И.Е. Сравнительный анализ законодательства зарубежных стран по противодействию молодежной преступности // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2018. № 1.

6. BGBI (1953) I S. 751.

7. Преступность в странах мира // Информационно статистический портал. URL: <http://stattur.ru/journal/20180227/> (дата обращения: 20.01.2019).

8. Малиновский А.А. Сравнительное уголовное право: учебник. 2-е изд., доп. и перераб. Москва, 2016.

9. Курс уголовного права. Общая часть. Т. 2: Учение о наказании / М.Н. Голоднюк, В.И. Зубкова, Н.Е. Крылова [и др.]; под ред. Н.Ф. Кузнецовой и И.М. Тяжковой. Москва, 2002.

10. О несовершеннолетних правонарушителях: закон (Ордонанс) от 2 февраля 1945 г. № 45-174. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.01.2019).

А.А. Кочнева,
адъюнкт заочной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России.

Научный руководитель
д.ю.н., доцент *А.М. Хужин*

АБСОЛЮТНЫЙ ХАРАКТЕР КОРПОРАТИВНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Корпоративные правоотношения давно являются неотъемлемой частью современного гражданского оборота. Однако, несмотря на их объективную распространенность, дискуссии о юридической природе этих правоотношений не уменьшаются. Д.В. Ломакин присваивает данному типу правоотношений собирательный характер, так как они включают в себя правоотношения членства (то есть как имущественного, так и неимущественного участия субъектов в деятельности корпорации), а также производные (зависимые) от вышеназванных правоотношения [1, с. 12–13]. Следовательно, автор подчеркивает дуалистическую природу корпоративных правоотношений, сочетание в них имущественных и неимущественных связей. Но необходимо отметить, что ошибочно отождествлять данный вид правоотношений конкретно с обязательственными или вещными отношениями. Корпоративные связи составляют самостоятельное звено и характеризуются своими определенными признаками и сущностными чертами.

Возникает вопрос: возможно ли назвать корпоративные правоотношения абсолютными либо сделать абсолютный характер одним из обязательных признаков указанного вида отношений? Ответ позволит нам определить качественно-количественную природу субъектного состава данных правоотношений,

а также разобраться в вопросах юридической защиты корпоративных прав.

Отметим, что нередко корпоративные правоотношения относят к числу организационных или управленческих, направленных на обеспечение исполнения субъектами исключительно административно-хозяйственных функций в рамках конкретной корпорации (организации или объединения). Например, П.В. Степанов определяет корпоративные правоотношения как «внутренние отношения, которые связаны с реализацией и защитой внутриорганизационными способами и средствами корпоративных прав и с исполнением корпоративных обязанностей» [2, с. 162–225]. Данная позиция с определенной стороны логична, так как корпоративные отношения действительно ограничены рамками конкретного объединения, а следовательно, их содержание составляют права и обязанности исключительно участников определенной корпорации. Соответственно, рождается гипотеза, что корпоративные правоотношения по своей природе относительные, так как возникающие корпоративные права и обязанности противопоставлены конкретному кругу субъектов-участников.

Однако ряд авторов выступает против отнесения корпоративных правоотношений к числу организационно-управленческих и присваивает им более сложную и широкую внутреннюю природу и самостоятельную направленность. В частности, Н.Н. Пахомова заключает, что «корпоративные отношения предстают как форма ограничения воли субъектов-участников, отражающая перераспределение между ними экономических возможностей в сфере отношений собственности, то есть как отношения собственности с множественным составом субъектов-собственников» [3, с. 11]. Автор делает акцент на множественности лиц, значит, можно говорить о некоторой количественной неограниченности участников, а следовательно, об абсолютной природе данных правоотношений.

Таким образом, в научной доктрине корпоративные правоотношения дифференцируются по-разному. Так, еще П. Писемский отмечал, что «мнения ученых по этому вопросу разделяются: одни

видят в акции право собственности, другие – обязательство, третьи – смешение того и другого» [4, с. 58]. В связи с этим логично исследовать природу корпоративных правоотношений на законодательном уровне, анализируя нормативные правовые нормы.

В первую очередь отметим, что развернутой нормы-дефиниции «корпоративные правоотношения» законом не предусмотрено. Законодатель лишь путем перечисления относит к ней отношения, связанные с участием в корпоративных организациях или с управлением ими [5].

Лаконичность данного определения приводит к коллизиям теоретиков по поводу общей характеристики и основных признаков корпоративных правоотношений. Закон также дифференцирует рассматриваемый правовой феномен, придавая ему тем самым двойную смысловую направленность. В подтверждение тому отметим, что функции участия и управления субъектов корпоративных правоотношений целенаправленно обособлены друг от друга законодателем. Указанные самостоятельные действия предопределяют природу правоотношений, для которых они выступают юридическим фактом.

Участие в деятельности корпорации – сложный процесс, порождающий разного рода правоотношения. Подтверждает это Д.В. Ломакин: «участие – это комплекс связей участников (членов) корпорации с самой корпорацией, что проявляется в наличии у них субъективных прав и обязанностей, являющихся элементами содержания правоотношения участия (членства)» [6, с. 87]. Каков характер данных связей, автор не уточняет. Однако, исходя из законодательно закрепленной обязанности участников по формированию имущества организации, можно определить имущественную направленность отношений по участию в корпорации. Имущественные отношения – отношения собственности, признанные абсолютными по их внутренней природе и порядку их гражданско-правовой защиты. Абсолютный характер проявляется в зарождении субъективных прав новых участников корпорации, обеспечивающих им возможность владеть, пользоваться и распоряжаться

имуществом корпорации, а также в соблюдении должного поведения со стороны противопоставленных лиц, неправомочных каким-либо образом незаконно посягать на данные субъективные права.

Отметим, что с точки зрения количественного признака круг субъектов ограничен самой организацией, что противоречит природе абсолютных правоотношений, но, на наш взгляд, с точки зрения названного выше качественного признака имущественные корпоративные отношения абсолютны. В них действительно порождаются абсолютные и неотъемлемые субъективные права участников корпорации, не зависящие от морально-психологического настроения иных участников, а также обеспечивается исполнение данных прав путем абсолютной гражданско-правовой защиты.

Во главе перечня прав, определенного в ст. 65² Гражданского кодекса Российской Федерации, закреплено участие в управлении делами корпорации. Таким образом, законодатель подводит к другой функции участников корпоративных правоотношений – управлению, выделяя ее, но тесно связывая с участием, а точнее, интерпретируя в качестве наивысшей степени участия в корпорации.

Говоря об управлении, отметим некоторую вариативность внутренней природы и направленности отношений, возникающих на его основе. Однозначно признать их относящимися исключительно к неимущественным отношениям не совсем логично, здесь проявляется их смешанный характер. Корпоративное управление оценивается как «организационная модель, которая призвана, с одной стороны, регулировать взаимоотношения между менеджерами компаний и их владельцами (акционерами), с другой – согласовать цели различных заинтересованных сторон, обеспечивая тем самым эффективное функционирование компаний» [7, с. 48]. Управление позволяет корпоративным правоотношениям из внутренних, связанных с деятельностью корпорации, перерасти во внешние связи организации с окружающей ее социальной, правовой и экономической средой. Подтверждением тому выступают активные либо пассивные

адаптивные механизмы стратегического управления, применяемые участниками корпорации для выработки конкретных стратегий их деятельности.

Гражданский кодекс Российской Федерации обозначил во главе управления определение принципов образования и использования имущества корпорации, то есть организационно-управленческая направленность приобретает имущественную окраску и возможность считаться абсолютной по своей внутренней природе. Касательно интерпретации корпоративного управления учеными-теоретиками отметим, что их позиции разноплановы и неоднородны. Больше привлекают внимание трактовки, в которых управление неразрывно связано с ответственностью организации, а следовательно, предполагает возникновение имущественных связей с абсолютным уклоном. Например, Н.Н. Пахомова определяет корпоративное управление в качестве «формы реализации корпоративной собственности» [8, с. 133]. Ее поддерживает И.Н. Ткаченко, отождествляя корпоративное управление с «деятельностью, связанной с функционированием корпорации, ее целями и обусловленной отношениями собственности между субъектами и интересами участников корпоративных отношений» [9, с. 9].

Возникает вопрос: имеют ли имущественную окраску иные организационно-хозяйственные и управленческие составляющие управления в корпорации? Предположительно имеют, так как полномочия по формированию субъектного состава корпораций, корректированию уставных документов, составлению разного рода отчетностей, созданию новых корпораций опосредованно направлены на обеспечение ликвидности самой организации, а также поддержание ее высокого имущественного и финансового положения. Данная зависимость не может не оказать влияние на решение вопроса об абсолютном характере операций по управлению корпорацией. Снова появляются субъективные права для всех участников организации, объединенные общей целью и задачами, работающие на обеспечение исполнения абсолютных правоотношений собственности. Данные права действуют без пространственно-временного

ограничения, если абстрагироваться от рамок корпорации. Существует еще одна позиция, приведенная С.В. Мельником и А.С. Мальбиной, согласно которой «абсолютный характер имеют только правоотношения членства или участия в корпорации, то есть отношения правоспособности. Управленческие связи представляют собой исключительно относительные отношения, существующие параллельно от первой группы абсолютных, но являющиеся их последовательным продолжением» [10, с. 134–139]. Исходя из высказанной точки зрения можно сделать вывод, что в общем и широком смысле корпоративные правоотношения абсолютны, однако в рамках их реализации и развития рождаются частные относительные связи между конкретными субъектами.

Таким образом, приведенные выше подходы и интерпретации не просто делают корпоративные правоотношения самостоятельным звеном в гражданско-правовом обороте, а присваивают им статус отдельного классификационного вида гражданских правоотношений. Более того, корпоративные связи действительно в объективной реальности порождают отношения собирательного типа, соединяют в себе вещные и обязательственные, абсолютные и относительные, при этом не нарушают логику существующего законодательства.

Примечания

1. *Ломакин Д.В.* Корпоративные правоотношения как составная часть системы гражданско-правовых отношений: на примере хозяйственных обществ: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2009.

2. *Белов В.А., Блинковский К.А.* Очерк 4. Гражданско-правовая форма корпоративных отношений (к проблеме так называемых корпоративных правоотношений) // Корпоративное право: актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В.А. Белова. Москва, 2009.

3. *Пахомова Н.Н.* Основы теории корпоративных отношений (правовой аспект). Екатеринбург, 2004.

4. *Писемский П.* Акционерные компании с точки зрения гражданского права. Москва, 1876.

5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (с изм. и доп. от 01.01.2019). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/8d8cd335130f04a7036c1eb50fff606c93fc643a/ (дата обращения: 20.01.2019).

6. *Ломакин Д.В.* Корпоративные правоотношения: общая теория и практика их применения в хозяйственных обществах. Москва, 2008.

7. Совет директоров в системе корпоративного управления компанией. Москва, 2002.

8. *Долинская В.В.* Акционерное право: основные положения и тенденции. Москва, 2006.

9. *Ткаченко И.Н.* Корпоративное управление: учебное пособие. Москва, 2009.

10. *Мельник С.В., Мальбина А.С.* Правоотношения, связанные с участием в корпорации // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. № 3.

Д.В. Круглова,
адъюнкт заочной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России.

Научный руководитель –
д.ю.н., доцент *В.В. Терехин*

ИРРАЦИОНАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ ОЦЕНКИ ДОПУСТИМОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Наука уголовного процесса признает главным элементом доказывания оценку доказательств, под которой понимается мыслительная деятельность субъектов уголовного процесса, основанная на нормах закона, правилах логики и определяющая допустимость, относимость, достоверность и достаточность доказательств. Статья 17 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) закрепляет главный принцип доказывания – принцип свободы оценки доказательств, который заключается в том, что «судья, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь, дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью» [1]. Таким образом, законодатель предписывает субъектам оценки доказательств ориентироваться на два критерия: нормативный и нравственный. С нормативным критерием все достаточно ясно, а вот с нравственным необходимо разобраться. Содержание понятия «совесть» в контексте оценки доказательств в уголовно-процессуальной науке не сформулировано.

В философии «совесть – способность человека, критически оценивая свои поступки, мысли, желания, осознавать и переживать свое несоответствие должному как собственное несовершенство... В качестве нравственного регулятива Совесть возвышается над разного рода благоразумными или конъюнктурными самопредостережениями, ориентирует на исполнение совершенства и выражает ответственность человека перед самим собой как субъектом высших и общезначимых (а также абсолютных и универсальных) ценностей и требований» [2]. Если говорить о совести через призму религии, то, например, в православии «совесть – врожденное, Богом данное, нравственное чутье, побуждающее человека к истине и добру и отвращающее от зла и лжи» [3]. В словарях русского языка «совесть – чувство и сознание моральной ответственности за свое поведение и поступки перед самим собой, перед окружающими людьми, обществом; нравственные принципы, взгляды, убеждения. По совести (жить, поступать и т. п.) – правильно, справедливо» [4]; «совесть – нравственное сознание, нравственное чутье или чувство в человеке; внутреннее сознание добра и зла; тайник души, в котором отзывается одобрение или осуждение каждого поступка; способность распознавать качество поступка; чувство, побуждающее к истине и добру, отвращающее от лжи и зла; невольная любовь к добру и к истине; природная правда, в различной степени развития» [5].

В правосознании российского общества сформировалось понимание совести как духовного, нравственного закона, сложившегося внутри каждого человека. Если говорить о понимании совести в российской культуре, то под ней понимается внутренне осознание человеком зла и добра, одобрительное или порицательное отношение к какому-либо действию или явлению. Общеизвестно, что не все законы являются безупречными, легкими в понимании и беспробельными, поэтому на помощь человеку приходит совесть.

Существует золотое правило нравственности: «относись ко всем так, как хочешь, чтобы относились к тебе». Выполнение данного правила контролируется совестью. Таким образом,

совесть можно определить как внутреннюю ответственность, контролер чувств и действий. Однако обладание совестью и наличие желания совершать поступки согласно имеющейся совести не аналогичны, поэтому не во всех случаях наличие совести влечет за собой действия в соответствии с ней.

По нашему мнению, совесть в уголовном процессе следует понимать как умение правоприменителя осуществлять внутренний самоконтроль и высокоморальную саморегуляцию, соответствуя положениям существующего уголовно-процессуального законодательства и правилам профессиональной этики. Говорить о наличии совести у человека необходимо только в том случае, если он настойчиво, неизменно тяготеет соответствовать нормам морали и поведения, которые сформировались в отечественном обществе.

Законодатель, раскрывая принцип свободы оценки доказательств, предписывает правоприменителю в качестве инструмента для оценки доказательств по уголовным делам использовать такое понятие, как «совесть», внутреннее содержание которого не определяет, сутью которого озадачены другие общественные науки, нежели юриспруденция.

Обратимся к истории отечественного уголовно-процессуального законодательства. В Судебных уставах 1864 г., которые провозгласили самостоятельность судебной власти, упразднили теорию формальных доказательств и ввели оценку доказательств на основе внутреннего убеждения судей (совокупность обстоятельств, установленных при производстве по уголовному делу, в ходе следствия и суда) [6], о совести не упоминается.

В 1917 г. произошло революционное преобразование новой власти. В декрете «О суде» от 22 ноября 1917 г. № 1 регламентировано, что в своих решениях суды должны руководствоваться революционной совестью и революционным правосознанием [7, с. 124]. В положении о народном суде 1918 г. говорится о допустимости доказательств по обстоятельствам дела и принятии решений в соответствии с социалистическим правосознанием [8]. В декрете ВЦИК «О революционных трибуналах» от 18 марта 1920 г. указано, что трибунал при вынесении

приговора опирается на оценку обстоятельств дела и интересы пролетарской революции [9].

Следующим этапом в развитии уголовно-процессуального законодательства было принятие в 1958 г. Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик. Здесь законодатель определил, что правоприменитель оценивает доказательства по внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности, руководствуясь законом и социалистическим правосознанием [10]. 27 октября 1960 г. был принят Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, в ст. 71 которого законодатель продублировал содержание Основ в части оценки доказательств в соответствии с законом и социалистическим правосознанием.

Из проведенного анализа видно, что понятие «совесть» в чистом виде не закреплялось законодателем в качестве орудия для оценки доказательств на протяжении длительного исторического периода.

На современном этапе совесть можно рассматривать как элемент веры, шаг к религии и обращение к Богу, обращение к оценке по совести. Регламентирование совести в качестве инструмента оценки доказательств можно также рассматривать как обращение допустимости к чему-то сидящему внутри правоприменителя, к какому-то волшебству или магии, к объективности, которая советует в процессе оценки.

Рассматривая положения об оценке доказательств в уголовно-процессуальном законодательстве бывших союзных республик, можно сказать следующее. В УПК Республики Казахстан оценка доказательств осуществляется правоприменителем на основе закона и совести [11]. В УПК Киргизской Республики закреплена свободная оценка доказательств, и судья оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности исследованных в судебном заседании доказательств, руководствуясь при этом законом [12]. В УПК Республики Таджикистан законодатель определил, что дознаватель, следователь, прокурор, суд, судья,

руководствуясь законом и правосознанием, оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном рассмотрении всех обстоятельств дела [13]. В УПК Республики Узбекистан установлено, что дознаватель, следователь, прокурор и суд оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на тщательном, всестороннем, полном и объективном исследовании всех обстоятельств дела, руководствуясь законом и правосознанием [14]. УПК Азербайджанской Республики предписывает правоприменителю оценивать доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном рассмотрении доказательств в их совокупности, руководствуясь законом и своей совестью [15].

В соответствии с УПК Украины оценка доказательств осуществляется по внутреннему убеждению, которое основывается на всестороннем, полном и беспристрастном исследовании всех обстоятельств уголовного дела в соответствии с законом [16]. По УПК Республики Беларусь суд, орган уголовного преследования оценивают доказательства, руководствуясь законом и своим внутренним убеждением, основанным на всестороннем, полном и объективном исследовании всех обстоятельств уголовного дела в их совокупности [17]. В положениях УПК Грузии об оценке доказательств закреплено лишь то, что для признания лица виновным по обвинительному приговору необходима совокупность согласующихся между собой доказательств, не вызывающих разумных сомнений [18]. Из указанного выше ясно, что большинство бывших союзных республик в положениях об оценке доказательств ушли от «оценки по совести».

По нашему мнению, в российский уголовно-процессуальный закон необходимо вернуть «правосознание». Понятие правосознания определяется юридической наукой. Так, под правосознанием следует понимать область сознания как индивидуума в отдельности, так и общества в целом, в которой отражается правовая реальность в форме знаний о праве, отношения к практике применения права и к праву в целом в виде правовых

ценностей, регулирующих поведение индивидуумов в ситуациях, имеющих юридическое значение.

Общественные отношения в сфере уголовного процесса нельзя регулировать с помощью «внутреннего датчика» конкретного правоприменителя, здесь необходим контроль со стороны общества со своим правосознанием.

Примечания

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52, ч. 1, ст. 4921.

2. Философия: энциклопедический словарь / под ред. А.А. Ивина. Москва, 2004.

3. Православный энциклопедический словарь. Москва, 1998.

4. Малый академический словарь. Москва, 1957–1984.

5. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. URL: <https://www.slovardalja.net/word.php?wordid=38331> (дата обращения: 10.08.2019).

6. Судебные уставы издания Государственной Канцелярии. Санкт-Петербург, 1987.

7. Декреты Советской власти. Т. I. Москва, 1957.

8. Положение ВЦИК о народном суде РСФСР // Декреты Советской власти. Т. IV. 10 ноября 1918 г. – 31 марта 1919 г. Москва, 1968.

9. Декрет ВЦИК о революционных трибуналах от 18 марта 1920 г. URL: <https://diletant.media/articles/39639377/%20/> (дата обращения: 11.08.2019).

10. Основы уголовного судопроизводства союза ССР и союзных республик. URL: <http://docs.cntd.ru/document/9006425> (дата обращения: 11.08.2019).

11. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан. URL: https://online.zakon.kz/m/Document/?doc_id=31575852#sub_id=1250000 (дата обращения: 11.08.2019).

12. Уголовно-процессуальный кодекс Киргизской Республики. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111530> (дата обращения: 11.08.2019).

13. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан. URL: https://online.zakon.kz/m/Document/?doc_id=30594304#sub_id=720000 (дата обращения: 11.08.2019).

14. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421101#pos=1324;-20 (дата обращения: 11.08.2019).

15. Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420280#pos=1945;-50 (дата обращения: 11.08.2019).

16. Уголовно-процессуальный кодекс Украины. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31197178#pos=1112;-38 (дата обращения: 11.08.2019).

17. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30414958#pos=314;-53 (дата обращения: 11.08.2019).

18. Уголовно-процессуальный кодекс Грузии. URL: http://pravo.org.ua/files/Criminal%20justice/_-09_10_2009.pdf (дата обращения: 11.08.2019).

А.В. Кучинская,
адъюнкт очной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России.

Научный руководитель –
д.ю.н., доцент *В.В. Терехин*

СИСТЕМА ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ГАРАНТИЙ ПРАВ И СВОБОД НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПОДОЗРЕВАЕМЫХ, ОБВИНЯЕМЫХ, ПОДСУДИМЫХ

Следует признать, что степень гарантированности прав и свобод человека зависит не столько от перечня прав, закрепленных в законодательстве, сколько от уровня развития механизмов и разработанности процедур, используемых при защите этих прав [1, с. 163]. В свою очередь, виды процессуальных гарантий определяются характером материально-правовых отношений [2, с. 23]. Дополнительные процессуальные гарантии обеспечения и защиты прав и законных интересов несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых, подсудимых подчеркивают необходимость их повышенной защиты. Вследствие этого обоснованной представляется позиция, согласно которой единый порядок судопроизводства дифференцируется законодателем путем создания системы процессуальных гарантий для отдельных категорий лиц [3, с. 357–363].

Определение среди этих категорий несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых, подсудимых обусловлено признанием необходимости их повышенной защиты вследствие недостижения ими совершеннолетия, наличия частичной, а не полной дееспособности, признания совершения преступления

скорее под влиянием взрослых соучастников или же объективных условий жизни и воспитания.

Для российской юридической науки относительно устоявшейся является классификация гарантий прав и свобод на общие (в отношении всех прав и свобод) и специальные (в отношении индивидуально определенных прав и свобод). Так, Ф.М. Рудинский выделял в качестве общих гарантий те, которые относятся к совокупности всех прав и отдельно к каждому праву, а в качестве специальных – те, которые предназначены для реализации отдельных конкретизированных прав [4, с. 51]. И.Н. Корешкова использовала для этого логическую привязку к источникам законодательства, в которых установлены соответствующие гарантии: конституционные или отраслевые [5, с. 41–46]. Названный подход можно использовать и для характеристики системы гарантий прав и свобод несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых, подсудимых.

Исходя из толкования особого порядка производства по делам несовершеннолетних как исключения из общих правил, логичнее предположить, что, установив ряд процессуальных положений, не применимых в данном случае, законодатель одновременно подразумевал необходимость дополнения системы гарантий прав и свобод с учетом частичной дееспособности этих лиц. Поэтому, анализируя положения УПК РФ о процессуальных гарантиях прав и свобод подозреваемых, обвиняемых и подсудимых, уместнее классифицировать их на общие (распространяющиеся на все их категории) и дополнительные (предоставленные только несовершеннолетним). Так, право на защиту, выступающее гарантией в той мере, в какой оно способствует осуществлению уголовного судопроизводства на основе принципа законности, является, безусловно, общей гарантией. Такой же общей гарантией является и необязательность отказа от защитника (ч. 2 ст. 52 УПК РФ), поскольку из смысла этой правовой нормы не следует, что несовершеннолетний подозреваемый (обвиняемый) лишен возможности отказаться от помощи защитника. Несовершеннолетние пользуются и дополнительными гарантиями, которые

в данном случае составляют обязательность участия защитника (п. 2 ч. 1 ст. 51 УПК РФ) и привлечение к участию в деле законного представителя (ч. 1 ст. 426 УПК РФ). При этом данные положения служат самостоятельными гарантиями обеспечения права на защиту. О том, что участие законного представителя выступает гарантией обеспечения права на защиту, говорят следующие обстоятельства. Законный представитель допускается к участию в деле на ранних стадиях расследования: с момента первого допроса несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого (ч. 1 ст. 426 УПК РФ). В силу обязанности участия защитника при производстве по уголовным делам в отношении несовершеннолетних защитник допускается к ним во всех случаях с момента задержания. Поэтому право несовершеннолетнего подозреваемого на защиту реализуется без ограничений. Допуск законного представителя дополняет его тем, что он приобретает права, во многом идентичные с правами защитника (заявлять ходатайства, принимать участие в следственных действиях, производимых с участием несовершеннолетнего) или самого подозреваемого, обвиняемого (знать, в чем подозревается или обвиняется несовершеннолетний, представлять доказательства, знакомиться с материалами дела). С учетом изложенного система гарантий прав и свобод несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых, подсудимых может быть представлена следующим образом.

Во-первых, в нее входят общие гарантии прав и свобод, объем которых зависит только от процессуального статуса лица, а не от его субъективных особенностей. К таким гарантиям, кроме указанного выше права на защиту, ученые последовательно относят: все основные принципы уголовного процесса [6, с. 12] или отдельные из них [7, с. 17], достаточность оснований для предъявления обвинения и производства следственных действий [8, с. 42], своевременность производства следственных и процессуальных действий [9, с. 151], соблюдение установленных процессуальных сроков [10, с. 79], обеспечение нормальной досудебной и судебной деятельности [11, с. 91–94], создание лицами, ведущими производство по делу, условий для реализации

предоставленных подозреваемым (обвиняемым) процессуальных прав [12, с. 65–70], установление правосстановительных и карательных процессуальных санкций [13, с. 31]. Некоторые авторы в качестве комплексных процессуальных гарантий выделяют информирование лица об обладании правами и их разъяснение, охрану прав от нарушений, их защиту, восстановление нарушенных прав [14, с. 40]. Таким образом, общие гарантии прав и свобод подозреваемых, обвиняемых, подсудимых получили осмысление в контексте отдельных уголовно-процессуальных норм или отдельных направлений деятельности лиц, осуществляющих производство по уголовному делу.

В ряде случаев процессуальные гарантии выступают средством устранения следственных и судебных ошибок [15, с. 77], что представляется справедливым. В этом же контексте можно упомянуть включение в систему гарантий существенных нарушений уголовно-процессуального закона [16, с. 7]. При данном подходе предназначение общих гарантий прав и свобод подозреваемых, обвиняемых, подсудимых заключается в создании системы средств восстановительного характера.

Кроме того, общие гарантии прав и свобод подозреваемых, обвиняемых, подсудимых отождествляются с точным выполнением предписаний закона [17, с. 42–47]. В данном случае, по сути, гарантии прав и свобод поглощаются принципом законности и выступают средством его реализации. Это характеризует системность построения уголовно-процессуального законодательства и доминирование принципа законности в структуре уголовно-процессуальной деятельности. Но в такой ситуации гарантии прав и свобод утрачивают самостоятельность, что нельзя признать правильным. Вследствие изложенного общие гарантии прав и свобод подозреваемого, обвиняемого, подсудимого представляют собой те уголовно-процессуальные средства, с помощью которых могут быть реализованы все права, предоставленные этим участникам процесса ст. 46–47 УПК РФ, а равно иными его положениями, относящимися к отдельным видам уголовно-процессуальной деятельности или стадиям уголовного судопроизводства.

Во-вторых, в нее входят дополнительные гарантии прав и свобод, которыми подозреваемый (обвиняемый, подсудимый) наделяется именно с учетом своего возрастного статуса и частичной дееспособности. Среди них можно выделить несколько групп. Одну из них образуют гарантии, объединяющиеся по признаку допуска к участию в деле третьих лиц (законного представителя, педагога или психолога). Другую – гарантии, предоставляемые в целях ограждения несовершеннолетнего от возможного отрицательного воздействия (выделение уголовного дела в отдельное производство, удаление из зала судебного заседания). Третью – гарантии, конкретизирующие особенности производства отдельных следственных действий с участием несовершеннолетнего (сокращенный период производства допроса, вызов для участия в следственных действиях через законного представителя). Четвертую – гарантии, отражающие особенности установления обстоятельств, подлежащих доказыванию (расширенный круг этих обстоятельств, специфический вид доказывания, направленный на установление наличия или отсутствия у несовершеннолетнего заболевания, препятствующего применению к нему положений ч. 2 ст. 92 УК РФ). Пятую – гарантии ограничения личной свободы несовершеннолетнего только в исключительных случаях и не в той степени, в какой это возможно в отношении взрослых подозреваемых или обвиняемых (избрание меры пресечения только при невозможности отдачи под присмотр, незамедлительное извещение законных представителей о задержании или заключении под стражу). Шестую – гарантии, с помощью которых реализуются привилегированные положения об уголовной ответственности несовершеннолетних, установленные в разд. V УК РФ (освобождение от уголовной ответственности или от наказания, ограничение пребывания в специальном учебно-воспитательном учреждении закрытого типа).

Предложенная видовая классификация гарантий прав и свобод несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых, подсудимых отражает характеристику положений гл. 50 УПК РФ. Но вследствие своей объемности она содержит ряд системных

связей, которые не позволяют провести анализ применения гарантий в отдельных стадиях уголовного судопроизводства.

Таким образом, можно определить систему процессуальных гарантий прав и свобод несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых, подсудимых как совокупность положений УПК РФ, закрепляющих общие и дополнительные средства реализации предоставленных процессуальных прав и законных интересов в ходе осуществления производства по уголовному делу. В основе этой системы лежит принцип законности, в силу которого она получает качественное содержание. Обеспечение законности при производстве по делам несовершеннолетних предполагает практическое применение положений уголовно-процессуального закона, гарантирующих реализацию несовершеннолетними принадлежащих им процессуальных прав, а также перспективу принятия по делу решения, не связанного с осуждением и назначением уголовного наказания.

Примечания

1. *Васильева Т.А.* Средства защиты прав человека в странах Запада // Конституция Российской Федерации и совершенствование механизмов защиты прав человека. Москва, 1994.

2. *Кондрат И.Н.* Уголовная политика государства и нормативное регулирование уголовно-процессуальных отношений. Москва, 2015.

3. *Дмитриева А.Н.* Производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних // Молодой ученый. 2014. № 9.

4. *Рудинский Ф.М.* Личность и социалистическая законность. Волгоград, 1976.

5. *Корешкова И.Н.* Гарантии основных прав и свобод граждан СССР в текущем законодательстве // Вестник МГУ. Серия: Право. 1980. № 6.

6. *Лукашевич В.З.* Гарантии прав обвиняемого в советском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ленинград, 1955.

7. *Кирьянов А.Ю.* Проблемы реализации презумпции невиновности в современном уголовном процессе России: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2012.

8. *Стройкова А.С.* Гарантии прав обвиняемого на предварительном следствии: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на Дону, 2005.

9. *Науменко О.А.* Гарантии прав подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего и дознавателя при производстве дознания // Российский юридический журнал. 2012. № 3.

10. *Капинус Н.И.* Процессуальные гарантии прав личности при применении мер пресечения в уголовном процессе: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2001.

11. *Скоробогатова О.В.* Уголовно-процессуальные гарантии защиты прав участников уголовного судопроизводства // Вестник Амурского государственного университета. 2010. Вып. 48.

12. *Волчецкая Т.С.* Обеспечение гарантий прав обвиняемого при проведении следственных действий // Уголовное и уголовно-процессуальное законодательство: проблемы эффективности и практика применения: сборник научных трудов. Калининград, 1996.

13. *Волколуп О.В., Чупилкин Ю.Б.* Гарантии прав участников уголовного судопроизводства Российской Федерации. Краснодар, 2005.

14. *Шадрин В.С.* Обеспечение прав личности при расследовании преступлений: монография. Волгоград, 1997.

15. Уголовный процесс современной России: проблемные лекции / науч. ред. В.Т. Томин, А.П. Попов, И.А. Зинченко. Пятигорск, 2014.

16. *Скорodelова И.В.* Существенные нарушения уголовно-процессуального закона и их факторы в досудебных стадиях уголовного процесса: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2013.

17. *Володина Л.М.* Проблемы гарантий в уголовном процессе // Вестник ОГУ. 2006. № 3.

А.В. Ламтева,
к.ю.н., преподаватель
кафедры уголовного процесса НА МВД России.

Научный руководитель –
д.ю.н., профессор *М.П. Поляков*

КОЛЕСО ПРАВОСУДИЯ И ЮРИДИЧЕСКАЯ СУДЬБА ЛИЦА, ЗАКЛЮЧИВШЕГО ДОСУДЕБНОЕ СОГЛАШЕНИЕ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ

Неудачник – это человек,
по которому проехалось колесо фортуны [1]

Колесо правосудия отчасти сравнимо с колесом фортуны. В обоих случаях можно выиграть, сорвав джек-пот или официально получив в зале судебного разбирательства процессуальный статус оправданного с последующим правом на реабилитацию. Но вероятность этого невелика. Чаще случается прямо противоположная ситуация, в сфере уголовного судопроизводства приводящая к осуждению лица. Институт досудебного соглашения о сотрудничестве, введенный в Уголовно-процессуальный кодекс (далее – УПК РФ) Федеральным законом от 29 июня 2009 г. № 141, как никакой другой из имеющихся, позволяет обрести надежду на одну из санкций, закрепленных в ч. 5 ст. 317⁷ УПК РФ (условное осуждение, освобождение от отбывания наказания, назначение наказания ниже низшего предела). Однако законодатель эти процессуальные бонусы за сотрудничество подсудимому не гарантирует, а всего лишь дает возможность их избрания судьей. Данный институт насквозь пронизан

недоверием, сомнениями и возможностью в любой момент разорвать все договоренности для любой из сторон по уголовному делу.

Заклучение такого рода соглашения – это официальное признание следствием своей неспособности самостоятельно и без помощи подозреваемого (обвиняемого) установить всех соучастников совершенного преступления, собрать в отношении них убедительную доказательственную базу. Но в то же время сама инициатива о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве в соответствии с гл. 40¹ УПК РФ должна исходить именно от подозреваемого или обвиняемого и его защитника. Самым первым документом в попытке заключить соглашение является ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, которое должно быть подано подозреваемым (обвиняемым) через следователя на имя прокурора.

Уже на этом этапе оно может быть отклонено следователем, который может посчитать, что подозреваемый не обладает данными, которые бы позволили обнаружить имущество, добытое преступным путем, а также не располагает достаточными сведениями о соучастниках совершенного преступления. В этой связи у следователя есть трое суток для анализа поступившей официальной просьбы и два варианта ее разрешения: 1) постановление об отказе в удовлетворении ходатайства; 2) постановление о возбуждении перед прокурором ходатайства о заключении с подозреваемым досудебного соглашения о сотрудничестве. Несмотря на то, что досудебное соглашение заключается между подозреваемым (обвиняемым) и прокурором, без соответствующего ходатайства со стороны следователя п. 1.2 ч. 1 приказа Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 15 марта 2010 г. № 107 (далее – приказ № 107) предписывает ходатайство подозреваемого не рассматривать.

Прокурор, изучив два поступивших к нему процессуальных документа, а также при необходимости – иные материалы уголовного дела, в течение трех суток выносит постановление либо об отказе, либо об удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. В случае, благоприятном

для подозреваемого, следующим этапом будет переход к составлению самого досудебного соглашения о сотрудничестве, примерная структура которого также имеет место в приказе № 107. Оно должно содержать такие обязательные ключевые элементы, как: 1) описание преступного события с предложенной следователем квалификацией; 2) указание на участие при заключении соглашения следователя, защитника и самого подозреваемого; 3) перечень действий, которые обязуется выполнить подозреваемый для содействия следствию в раскрытии преступлений, совершенных его соучастниками; 4) перечень смягчающих обстоятельств, которые могут быть применены к лицу при исполнении им взятых на себя обязательств.

С этого момента начинают проявляться не заметные с первого взгляда подводные процессуальные камни этого института. В любой промежуток времени прокурор вправе вынести постановление о прекращении досудебного соглашения о сотрудничестве, если у него появятся основания для признания досудебного соглашения о сотрудничестве недействительным. Речь может идти об отказе подозреваемого дать показания в отношении соучастников преступления; о случае, когда гражданин обладает сведениями только о собственном участии в совершенном преступлении либо информацией, которая уже была известна следователю; о даче ложных показаний в отношении своих соучастников, которые не подтвердились оперативным и следственным путем, и др.

Если все предусмотренные соглашением обязательства были исполнены обвиняемым, прокурор со своей стороны при ознакомлении с материалами уголовного дела, при утверждении обвинительного заключения составляет представление об особом порядке проведения судебного заседания и вынесения судебного решения по уголовному делу. Однако и оно – не гарантия того, что судебное заседание состоится в особом порядке. Как правило, прокурор, осуществляющий надзор за деятельностью органов предварительного следствия и дознания, – это одно лицо, а государственный обвинитель, поддерживающий обвинение в зале суда по данному уголовному делу, –

другое. И хотя п. 1.21 приказа № 107 обязывает государственных обвинителей при расхождении их позиций с мнением, содержащимся в представлении, незамедлительно доложить об этом прокурору, поручившему поддержание государственного обвинения, сложившаяся правовая ситуация не всегда может быть обращена в пользу подсудимого. Только в случае принципиальных несогласий предусмотрена замена государственного обвинителя на того прокурора, с которым подозреваемым было заключено досудебное соглашение о сотрудничестве [2]. Полагаем, что это должно быть не исключительной ситуацией, а общепринятой: по уголовным делам, где с подозреваемым (обвиняемым) было заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, поддерживать обвинение в зале суда должен тот прокурор, с которым это соглашение было заключено.

Помимо ожидаемого обвиняемым представления прокурор вправе вынести постановление об отказе от внесения представления об особом порядке проведения судебного заседания и вынесения судебного решения по уголовному делу. Обратимся к нескольким примерам из судебной практики:

– Базарно-Карабулакский районный суд Саратовской области: при рассмотрении уголовного дела в отношении К. государственный обвинитель не поддержал возможность проведения судебного разбирательства в особом порядке в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве, так как на стадии предварительного следствия обвиняемый К. фактически признал только свою вину в совершенном преступлении (ч. 3 ст. 30, п. «б» ч. 3 ст. 228¹ Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)). На этом производство следственных действий было окончено;

– Калининский районный суд Саратовской области: гражданин Л. обвинялся в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ. В рамках заключенного досудебного соглашения о сотрудничестве, находясь в статусе обвиняемого, гражданин сообщил следователю сведения только о собственном участии в преступной деятельности. Судом было принято решение о проведении судебного разбирательства в общем порядке;

– Энгельский районный суд Саратовской области: З. было предъявлено обвинение в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 228, ч. 2 ст. 228, ч. 1 ст. 174 УК РФ. Обвиняемый З. при заключении с ним досудебного соглашения принял на себя обязательства сообщить информацию о собственной преступной деятельности, а также о противоправных деяниях В. Как выяснилось позже, гражданин В. соучастником преступлений, в которых обвинялся З., не был. Однако он действительно единолично совершил ряд других преступлений. В этой связи судом было принято решение о проведении судебного заседания в общем порядке ввиду того, что в ч. 2 ст. 317¹ УПК РФ указывается, что подозреваемый (обвиняемый) должен содействовать изобличению и уголовному преследованию «других соучастников преступления». Конкретно в данной ситуации информация, сообщенная З., – это основание для выделения материалов уголовного дела в отдельное производство для их последующей проверки [3].

Во всех трех приведенных примерах усматриваются недочеты в деятельности следователя и прокурора при заключении с подозреваемым (обвиняемым) досудебных соглашений о сотрудничестве. В первом и втором случаях прокуроры, утверждающие обвинительное заключение, вместо представления об особом порядке проведения судебного заседания должны были вынести постановления об отказе от внесения представления об особом порядке проведения судебного заседания и вынесения судебного решения по уголовному делу, так как уже на тот момент было понятно, что обвиняемые содействовали сбору доказательственной базы только по факту собственного совершенного преступного деяния. В таких ситуациях нет необходимости вводить судей и самих обвиняемых в процессуальное заблуждение. Надо сразу и самолично разъяснить гражданам, что в таких случаях они могут рассчитывать только на проведение судебного разбирательства в особом порядке при согласии с предъявленным обвинением в соответствии с гл. 40, а не 40¹ УПК РФ. При этом наказание за совершенное преступление не должно превышать 10 лет лишения свободы, а также у потерпевшего

и государственного обвинителя должны отсутствовать возражения относительно проведения судебного заседания в такой форме. Тогда назначенное подсудимому наказание, согласно ч. 7 ст. 316 УПК РФ, будет не выше 2/3 максимального срока/размера наиболее строгого вида наказания за конкретное предусмотренное УК РФ деяние.

Что касается третьего примера, уже на этапе рассмотрения ходатайства подозреваемого о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве следователь должен был отказать в его удовлетворении либо это должен был сделать прокурор, вынеся постановление о прекращении досудебного сотрудничества, когда стало ясно, что гражданин В. не является соучастником преступления, совершенного З.

Теперь хотелось бы вновь вернуться к заголовку научной статьи: «Колесо правосудия и юридическая судьба лица...». В большинстве случаев уголовные дела в отношении лиц, с которыми заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, доходят до суда. Весь представленный пакет документов по поводу заключения данного соглашения в полном порядке, а государственный обвинитель активно убеждает судью в содействии по делу подсудимого и раскрытии благодаря ему новых преступлений, в возбуждении новых уголовных дел и, главное, избрании соучастников. Однако какие процессуальные бонусы это дает самому подсудимому? Рассмотрим несколько примеров:

– Баргузинский районный суд (Республика Бурятия): приговор № 1-27/2019 от 27 февраля 2019 г. по делу № 1-196/2018. Подсудимый Шмаков Р.В. осуществлял незаконную рубку лесных насаждений и реализовывал товар под видом законной предпринимательской деятельности. С целью получения более высокого систематического дохода привлек к производству данных работ единомышленников, обладающих навыками заготовки древесины. В ходе судебного следствия государственный обвинитель Анганов В.В. отметил активное содействие Шмакова Р.В. при расследовании преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 260 УК РФ, которое выразилось в даче «подробных,

правдивых и признательных показаний о совершении всех инкриминируемых преступлений с изобличением других соучастников, роли и степени их участия. . .» [4], в подтверждении своих показаний в ходе проверки на месте и других следственных действий. Судья при проведении судебного заседания в особом порядке ввиду заключения со Шмаковым Р.В. досудебного соглашения о сотрудничестве назначил ему наказание в виде 2 лет 11 месяцев лишения свободы и постановил данное наказание считать условным с испытательным сроком 3 года;

– Екатеринбургский гарнизонный военный суд: приговор № 1-22/2019 от 26 февраля 2019 г. по делу № 1-22/2019. Гражданин Алескеров А.А. договорился с третьими лицами, обладающими необходимым служебным положением, о производстве хищения со склада войсковой части двух прицелов общей стоимостью 302 000 рублей, принадлежащих Министерству обороны Российской Федерации и являющихся комплектующими деталями к огнестрельному оружию. Данные прицелы были вывезены со склада на служебном автомобиле в гаражный массив. В ходе выполнения условий заключенного с прокурором досудебного соглашения о сотрудничестве Алескеров А.А. назвал всех лиц, причастных к хищению деталей, а также лицо, обещавшее купить данное имущество; дал показания относительно общего умысла, роли каждого из соучастников; при проведении предварительного следствия участвовал во всех необходимых следственных действиях. Судья при проведении судебного заседания в особом порядке признал подсудимого виновным в совершении деяния, предусмотренного ч. 5 ст. 33 и п. «в» ч. 3 ст. 226 УК РФ, в соответствии с ч. 6 ст. 15 УК РФ изменил категорию преступления с особо тяжкого на тяжкое и назначил наказание в виде условного лишения свободы сроком 2 года [5].

Для контрастности понимания различий в наказаниях, назначаемых судьями при рассмотрении уголовных дел в особом порядке при заключении с лицом досудебного соглашения о сотрудничестве, приведем пример из судебной практики за 2015 г.

Кировский районный суд (Ставропольский край): приговор № 1-67/2015 от 1 апреля 2015 г. по делу № 1-67/2015. Гражданин М.

в составе организованной группы совершил покушение на незаконный сбыт психотропных веществ в крупном размере. Благодаря активному содействию обвиняемого при выполнении им условий заключенного досудебного соглашения о сотрудничестве органам предварительного следствия стало известно еще о нескольких преступлениях, совершенных тем же субъектным составом: ч. 3 ст. 30 п. «а» и «г» ч. 4 ст. 228.1; ч. 1 ст. 30; ч. 5 ст. 228¹ УК РФ. Обвиняемый М. сообщил следствию данные всех участников преступной группы, описал распределенные между ними роли, указал местонахождение помещения, используемого для изготовления амфетамина. В соответствии с приговором суда гражданин М. был признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 30, п. «а» и «г» ч. 4 ст. 228¹, ч. 1 ст. 30, ч. 5 ст. 228¹ УК РФ, и ему было назначено наказание в виде 8 лет лишения свободы без штрафа (и иных дополнительных наказаний) с отбыванием наказания в колонии строгого режима [6].

Из трех последних примеров видно, что даже при наличии досудебного соглашения о сотрудничестве и всего составляемого при этом комплекта документов, судебное разбирательство для подсудимого – это юридическая рулетка. Если судья посчитает содействие подсудимого значимым, примет во внимание выявленные благодаря его помощи новые преступные эпизоды, учтет степень риска для жизни и здоровья данных изблечительных действий его соучастников, то может назначить наказание ниже низшего предела, а может принять во внимание всего лишь ст. 61 УК РФ, назначив наказание, связанное с лишением свободы на определенный срок.

Однако помимо процессуального риска при применении института досудебного соглашения о сотрудничестве законодатель предусмотрел и ряд гарантий: данное соглашение не может быть заключено с лицами, не достигшими 18 лет; судья, который рассматривал уголовное дело в отношении лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, не вправе разрешать уголовное дело в отношении остальных соучастников; возражения потерпевшего против особого порядка в соответствии с гл. 40¹ УПК РФ

не могут быть основанием для рассмотрения дела в общем порядке; если в зале суда подсудимый не согласится с предъявленным ему обвинением, судья назначит судебное заседание в общем порядке; вступивший в силу приговор суда не предreshает вопроса о виновности соучастников преступления [7].

Возвращаясь к афоризму, использованному в начале статьи, скорректируем его с учетом изученной судебной практики: гражданин, осужденный к лишению свободы при проведении судебного разбирательства в особом порядке при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, – это человек, по которому проехалось колесо правосудия.

Примечания

1. Официальный сайт «Citaty.info». URL: https://citaty.info/tema/fortuna?sort_by=rating&page=1 (дата обращения: 20.01.2019).

2. Об организации работы по реализации полномочий прокурора при заключении с подозреваемыми (обвиняемыми) досудебных соглашений о сотрудничестве по уголовным делам: приказ Генеральной прокуратуры РФ от 15 марта 2010 г. № 107. // Доступ из СПС «Гарант» (дата обращения: 20.01.2019).

3. Обобщение судебной практики по рассмотрению районными (городскими) судами дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (гл. 40.1 УПК РФ), причин отмены и изменения судебных решений в апелляционном и кассационном порядке за первое полугодие 2014 г. Сайт «Адвокатское бюро “Антонов и партнеры”». 2019. URL.: <https://pravo163.ru/obobshhenie-sudebnoj-praktiki-po-rassmotreniyu-rajonnymi-gorodskimi-sudami-del-pri-zaklyuchenii-dosudebnogo-soglasheniya-o-sotrudnichestve-glava-40-1-upk-rf-prichin-otmeny-i-izmeneniya-sudebnyx-r/> (дата обращения: 20.01.2019).

4. Приговор № 1-27/2019 от 27 февраля 2019 г. по делу № 1-196/2018 // Сайт «Судебные и нормативные акты РФ». 2012–2019. URL.: <https://sudact.ru/regular/doc/ZZjNfBQxjuJ1/?regular-txt> (дата обращения: 20.01.2019).

5. Приговор № 1-22/2019 от 26 февраля 2019 г. по делу № 1-22/2019. Сайт «Судебные и нормативные акты РФ». 2012–2019. URL: https://sudact.ru/regular/doc/4CGdpKaFVxg5/?page=2®ular-court=®ular-date_from (дата обращения: 20.01.2019).

6. Приговор № 1-67/2015 от 1 апреля 2015 г. по делу № 1-67/2015. Сайт «Судебные и нормативные акты РФ». 2012–2019. URL.: <https://sudact.ru/regular/doc/8T5xIIXVsvNj/> (дата обращения: 20.01.2019).

7. О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 16. Доступ из СПС «Система Гарант» (дата обращения: 20.01.2019).

Ю.С. Магнутов,
соискатель НА МВД России.

Научный руководитель –
д.ю.н., профессор *А.В. Петрянин*

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Феномен организованной преступности известен человечеству с момента появления государства и первых правовых памятников, затрагивающих направления противодействия криминальным формам поведения. В настоящее время, как верно отмечает В.С. Овчинский в одной из своих работ, она приобрела форму социальной организации жизни [1]. В этой связи встает вопрос о природе организованной преступности, причинах и условиях, обуславливающих ее современное существование. Сегодняшние масштабы и формы групповой преступности предполагают выделение характерных ей концептуальных черт (см. таблицу 1).

Таблица 1 [2]

Состояние, динамика организованной преступности в Российской Федерации в 2016–2018 годах

Наименование показателя	2016	2017	(+/-)%	2018	(+/-)%
1	2	3	4	5	6
Предварительно расследовано преступлений	11 186	12 135	+ 8,5%	13 744	+ 13,2%

Продолжение таблицы I

1	2	3	4	5	6
Предварительно расследовано пре- ступлений неболь- шой тяжести	100	109	+ 9%	192	+ 76,1%
Предварительно расследовано преступлений средней тяжести	352	225	- 36,1%	291	+ 29,3%
Предварительно расследовано тяж- ких преступлений	6433	6980	+ 8,5%	7607	+ 8,9%
Предварительно расследовано особо тяжких преступлений	4301	4821	+ 12%	5654	+ 17,2%

Полагаем, что главной детерминантой, объясняющей, с одной стороны, и обуславливающей – с другой, поступательное развитие преступной деятельности, совершаемой в соучастии, выступает цель – получение прибыли. Именно экономическая подоплека позволяет организованной преступности не только существенно усиливать свои позиции и оказывать влияние на экономические и политические процессы, происходящие в государстве, но и тем самым создавать непосредственную угрозу конституционному строю и безопасности государства.

Представленная позиция на протяжении долгого времени обсуждается среди ученых, а также представителей законодательных, правоприменительных и интерпретационных органов. Рассматриваемый концептуальный признак выделен и в рамках принимаемых Организацией Объединенных Наций документов. В частности, он прямо закреплён в Конвенции против

транснациональной организованной преступности, выступающей в качестве базисного международного нормативного правового акта, определяющего мировой курс в борьбе с деяниями, совершаемыми в разных интерпретациях соучастия [3]. Это подтверждается и направлением современной уголовной политики на подрыв экономических основ организованной преступности, в том числе путем установления уголовно-правовых запретов на финансирование отдельных форм преступно-групповой деятельности. Явно это прослеживается в области противодействия экстремизму и терроризму, о чем свидетельствует включение в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) ст. 205¹ «Содействие террористической деятельности», ст. 282³ УК РФ «Финансирование экстремистской деятельности», ч. 2 ст. 361 «Акт международного терроризма».

Считаем, что причиной активизации такого противостояния стали факты, указывающие на доходы, получаемые в последние годы организациями экстремистского и террористического толка, деятельность которых запрещена на территории России. В качестве примера приведем лишь несколько цифр. Например, в 2015 г. ИГИЛ в качестве пожертвований от представителей стран Персидского залива получил более 50 млн долларов США [4]. Капитализация неофициального исламского банковского канала «Хавала» исчисляется в миллиардах долларов [5, с. 96–104]. Судебно-следственная практика также свидетельствует о значительных объемах финансирования экстремизма и терроризма в России. Так, в 2013 г. на оказание помощи участникам террористической организации с помощью социальной сети «ВКонтакте» было собрано более 1 млн рублей [6, с. 53–57].

Глобально организованная преступность оседает в экономической сфере. Это можно продемонстрировать на примере объемов теневой экономики, носящей глубокий криминально-организованный характер. В настоящее время Российская Федерация входит в пятерку крупнейших теневых экономик мира. Ее объемы составляют 33,6 трлн рублей, что сопоставимо с 39% ВВП [7]. Вышеизложенное дает основание согласиться с гипотезой о том,

что современная организованная преступность есть форма социальной организации жизни, целью которой выступает экономикоматериальная основа, обеспечиваемая противоправными способами. Способствует этому и активное навязывание криминальной субкультуры в развитии экономических и социальных правоотношений, поэтому в основе организованной преступности лежит не только сама форма организации такой деятельности, но и непосредственное поведение индивидуума, поддерживающего криминальный формат как своего поведения, так и поведения окружающих. В этой связи необходимо подчеркнуть, что организованная преступность – это качественно иное явление, чем просто совершенная серия преступлений в соучастии [8, с. 16]. Она представляет собой целую платформу, основанную на выработанной концепции, включающей в себя политические, идеологические и корыстные элементы.

Организованная преступность, как и преступность в целом, является устойчивым явлением, характеризующимся высочайшим уровнем конспирации и географическим размахом. Сегодня можно выделить наличие межрегиональных, межгосударственных и транснациональных групп, наступательно осуществляющих свою преступную деятельность. Наиболее наглядно это представлено в группах экстремистско-террористического толка по причине публичности их криминальных акций.

Организованная преступность современного формата, планомерно эволюционируя на всех этапах развития параллельно с совершенствованием институтов государства и общества, позволяет определить ее концептуальные признаки.

В качестве первого выступает целеполагание [9, с. 6–12], выражающееся в получении сверхприбылей криминальными способами и, как следствие, влиянии на политические, экономические и социальные процессы.

Ко второму необходимо отнести высочайший уровень организованности, предполагающий четко построенную иерархию, установленные правила поведения, а также систему поощрений и наказаний, возможность «карьерного роста» в криминальной структуре.

Третий признак включает в себя особый уровень преступной деятельности, характеризующийся устойчивостью и конспирацией.

Четвертый определяет наличие систем контрразведывательной деятельности, в первую очередь направленной на нейтрализацию форм контроля, а также противодействие выявлению и пресечению преступных деяний, совершаемых субъектами, входящими в состав преступных групп.

В качестве пятого признака выступает наличие значительных финансовых и иных материальных ресурсов, инвестируемых для расширения криминального влияния и фактической легализации доходов, полученных преступным путем.

Выделенные нами признаки, конечно же, не являются исчерпывающими. Хотя они и отражают субъективное авторское видение в исследуемом нами сегменте, полагаем, что именно эти элементы воссоздают концепт современной организованной преступности. Это доказывается ее сегодняшним состоянием, достижениями науки, практики, а также направлением международного сотрудничества и курсом национальной уголовной политики в области противодействия совместным формам противоправного поведения.

Поводя итог, еще раз подчеркнем, что организованная преступность в имеющемся сегодня формате – это продукт современного общества, оказывающий существенное влияние на политические, экономические и социальные процессы и поэтому должна определяться как явление социально-экономическое. Противодействие ей предполагает разработку государственной стратегии или концепции, основанных на глубоком, научно доказанном методологическом базисе, включающем в себя цели, задачи, принципы и направления такой деятельности, главными линиями которой должно стать снижение группового криминального влияния на наиболее важные сферы, обеспечивающие безопасность личности, общества и государства, исключение преступной привлекательности организованно-девиантного поведения.

Примечания

1. *Овчинский В.С.* Российская организованная преступность (мафия) как форма социальной организации жизни // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/3/Ovchinsky/> (дата обращения: 20.01.2019).

2. *Борисова Ю.П.* Состояние, динамика организованной преступности в России, тенденции, прогноз // Студенческий: электронный научный журнал. 2019. № 14 (58). URL: <https://sibac.info/journal/student/58/137056> (дата обращения: 20.01.2019).

3. Конвенция против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г. (принята резолюцией 55/25 на 62-м пленарном заседании 55-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // Собрание законодательства РФ. 2004. № 40, ст. 3882.

4. *Lefinancementdel'Etatislamique: Année 2015*. P.: Centred'analyseduterrorisme, 2016. URL: <https://f.hypotheses.org/wp-content/blogs.dir/2725/files/2016/04/Financement-EI-2015-Rapport.pdf> (дата обращения: 20.01.2019).

5. *Шабаетва В.И.* Финансирование терроризма (реферативный обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 2: Экономика. Реферативный журнал. 2017. № 3.

6. *Наумов Ю.Г., Латов Ю.В.* Роль организованной преступности в финансировании терроризма и экстремизма // Вестник РАЕН. 2016. № 4.

7. *Макаров О., Фейнберг А.* Россия вошла в пятерку стран с крупнейшей теневой экономикой. Сайт «РОСБИЗНЕСКОН-САЛТИНГ». 1995–2019. URL: <https://www.rbc.ru/economics/30/06/2017/595649079a79470e968e7bff> (дата обращения: 20.01.2019).

8. *Долгова А.И.* Что такое «организованная преступность»? Определим исходное понятие // Организованная преступность / под ред. А.И. Долговой, С.В. Дьякова. Москва, 1989.

9. *Жемчугов М.К.* Цель и целеполагание в теории социальной организации // Проблемы экономики и менеджмента. 2012. № 4.

Ю.В. Майорова,
адъюнкт заочной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России.

Научный руководитель –
д.ю.н., профессор *А.В. Петрянин*

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ИНСТИТУТА АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ ПРЕЮДИЦИИ

Одним из направлений развития современной уголовной политики Российской Федерации является точечное внедрение института административной преюдиции в уголовное законодательство. Начало такой трансформации было продиктовано в 2009 г. мнением Президента страны Д.А. Медведева о необходимости применения в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) административной преюдиции в целях более глубокой дифференциации, а также гуманизации уголовной ответственности [1]. В 2010 г. эта идея была заложена в Стратегию государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 9 июня 2010 года № 690 [2].

Исходя из предложенного высшим должностным лицом страны вектора, количество составов преступлений с административной преюдицией в УК РФ в последнее время значительно возрастает: ст. 151¹ (2011 г.); ст. 212¹, 264¹, 314¹ (2014 г.); ст. 215⁴, 284¹ (2015 г.); ст. 116¹, 157, 158¹ (2016 г.); ст. 171⁴ (2017 г.); ст. 282 (2018 г.).

Поступательное ежегодное расширение количества уголовно-правовых норм, основанных на идее административной преюдиции, придает данному институту особое правовое

значение в области уголовно-правового регулирования. Однако в настоящее время он остается одной из наиболее обсуждаемых и проблемных тем как среди теоретиков, так и среди практиков.

Главная причина споров заключается в правовой неопределенности, то есть отсутствии четких правовых условий, дающих юридическое основание для криминализации таких деяний.

В научном сообществе ведется яркая дискуссия относительно допустимости и целесообразности административной преюдиции (можно ли использовать такой прием в уголовном законодательстве, выполняет ли он функцию предупреждения деяний, не нарушает ли принципы Конституции и УК РФ, не позволяющие дважды осуждать за одно и то же деяние, и т. д.).

Признавая административную преюдицию и ее общее положительное влияние на предупреждение совершения преступлений и либерализацию уголовного права, на наш взгляд, справедливо задаться вопросом о том, чем руководствуется законодатель при отнесении повторно совершенного административного правонарушения к преступлению и, соответственно, привлечении правонарушителя к уголовной ответственности.

Необходимо вспомнить, что важными и отличительными признаками любого преступления являются его характер и степень общественной опасности. Она выражается в том, что общественно опасное деяние причиняет вред или создает угрозу причинения вреда наиболее значимым благам и ценностям (интересам личности, общества или государства).

Однако снова мы сталкиваемся с проблемами, требующими в настоящее время скорого разрешения: как прочертить грань общественной опасности, справедливо определить ее степень и характер; повтор какого именно правонарушения будет более опасным для общества? Данные вопросы пока остаются за границами правового поля. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания», в рамках которого высказано мнение судебной власти о содержании характера и степени общественной опасности

преступных форм поведения, ответа на поставленный нами вопрос также не дает.

На основании изложенных выше размышлений считаем, что в настоящее время назрела острая необходимость в разработке методологических основ и четких критериев отнесения повторно совершенного административного деяния к преступлению.

На наш взгляд, в тех условиях, когда преюдиция обосновалась и активно, бессистемно, то есть точно, распространяется в уголовном законодательстве, следует задуматься о разработке доктринально-законодательных основ ее легитимного использования при криминализации новых деяний, на ней основанных. Только при наличии таких основ можно говорить не только и о значении административной преюдиции в уголовном законодательстве, но и о целесообразности ее использования при создании новых уголовных-правовых норм.

Придание данному институту правовой формы позволит более оперативно реагировать на возникающие или видоизменяющиеся угрозы, а также обоснованно подходить к разрешению вопросов о дифференциации уголовной ответственности.

Примечания

1. Российская газета. 2009. 13 ноября.
2. Собрание законодательства РФ. 2010. № 24, ст. 3015.

Е. Ф. Мельникова,
адъюнкт очной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России.

Научный руководитель –
д.ю.н., профессор *А.С. Александров*

**АКТУАЛЬНЫЙ ОБЗОР ПРОБЛЕМ
ПРИМЕНЕНИЯ НА ПРАКТИКЕ НОРМ
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, РЕГУЛИРУЮЩИХ
ПРИМЕНЕНИЕ МЕР ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ЗАЩИТЫ К УЧАСТНИКАМ УГОЛОВНОГО
СУДОПРОИЗВОДСТВА**

Обеспечение правовой гарантии безопасности личности, вовлекаемой в сферу производства по уголовному делу, является одним из проявлений государственной защиты конституционных прав на жизнь, свободу и личную неприкосновенность [1, с. 154]. Данная обязанность государства возложена на правоохранительные органы. Как правило, в регионах России, в том числе и в Нижегородской области, существуют подразделения, основной и непосредственной деятельностью которых является применение мер государственной защиты, – оперативно-разыскные части по обеспечению государственной защиты (далее – ОРЧ ОГЗ) ГУ МВД России.

Взаимодействие с сотрудниками данного подразделения по Нижегородской области позволило выявить ряд пробелов в законодательстве, в частности в Федеральном законе от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства»

(далее – ФЗ № 119-ФЗ) [2]. Сами правоохранители предложили меры по их разрешению. Некоторые из этих мер, на наш взгляд, заслуживают внимания научной общественности и даже внимания законодателя.

1. Фактическое прекращение мер безопасности в отношении защищаемого лица с момента написания (подачи) заявления об отмене мер безопасности, независимо от вынесения компетентными органами постановления об отмене мер безопасности. На практике возникают такого рода ситуации, когда защищаемое лицо не желает, чтобы в отношении него более велась государственная защита. Реагируя эмоционально, защищаемый отказывается от такого рода государственной услуги, при этом полагая, что написание им заявления об отказе от государственной защиты является окончательным документом для официального снятия мер защиты. По мнению защищаемого лица, он становится свободным, однако процессуально и законодательно ответственность за него лежит на ОРЧ. В случае его гибели сотрудники ОРЧ несут уголовную ответственность, хотя не имеют никакой возможности удерживать его против воли. Удержание лица против его воли влечет уголовную ответственность по ст. 127 УК РФ – незаконное лишение свободы.

Таким образом, необходимо законодательно урегулировать права и обязанности участников соглашения между государством в лице органа, уполномоченного на государственную защиту, и защищаемым лицом. Например, внести поправку в ст. 20 ФЗ № 119-ФЗ о фактическом прекращении мер безопасности в отношении защищаемого лица с момента написания (подачи) заявления об отмене мер безопасности, независимо от вынесения компетентными органами постановления об отмене мер безопасности.

2. Обеспечение органами, осуществляющими меры безопасности, медицинского сопровождения защищаемого лица. Под государственную защиту часто попадают разные категории людей: и бомжи, и проститутки, и иные деклассированные элементы.

Однако каким образом оказывать медицинскую помощь маргинальным личностям, если у них отсутствуют документы – паспорт, снилс, полис ОМС и прочее? А между тем зачастую они являются важными свидетелями преступления, поэтому сохранить их жизнь и здоровье при ведении дела (в том числе до судебного заседания) – это есть обязанность сотрудников уполномоченного государственного органа.

По нашему мнению, необходимо разработать акты межведомственного регулирования, чтобы своевременно оказывать медицинскую помощь данным лицам.

3. Непосредственная (фактическая) передача защищаемого лица органу, осуществляющему меры безопасности при вынесении постановления о применении мер безопасности. В этой процедуре имеется ряд проблем. Так, в п. 2.3 ФЗ № 119-ФЗ говорится, что постановление (определение) в день его вынесения направляется в орган, осуществляющий меры безопасности, для исполнения, а также лицу, в отношении которого вынесено указанное постановление (определение); то есть формально государственная защита начинается с момента вынесения постановления, а фактически – только с момента поступления данного постановления в орган, осуществляющий защиту через сутки, в то время как за сутки с защищаемым лицом могут произойти различные ситуации, вплоть до его устранения угроземым лицом, и ответственность за это будет нести ОРЧ ОГЗ, поэтому считаем необходимым осуществлять прием-передачу защищаемого лица и постановления о применении мер безопасности лично: от следственного органа оперативному органу, о чем делать соответствующую отметку в постановлении.

4. Временное приостановление погашения долговых обязательств защищаемого лица по договорам кредитования (займа) в связи с обеспечением мер государственной защиты, в частности, при избрании меры безопасности «временное помещение в безопасное место». Защищаемое лицо, которое изолируется в специализированное место, полностью теряет связь с внешним миром, в том числе оно не может совершать платежи по кредиту. Банки, в свою очередь, в договоре кредитования

не предусматривают подобные ситуации и с заемщиков берут проценты за просрочку платежа.

Иногда такая ситуация вынуждает защищаемое лицо уклоняться от применения мер государственной защиты; соответственно, следствие теряет важного свидетеля и его показания как важное доказательство при расследовании уголовного дела. Необходимо на законодательном уровне урегулировать и этот вопрос.

5. Обеспечение мер безопасности в отношении защищаемых лиц, находящихся в следственных изоляторах или местах отбывания наказания, а также в отношении тех, кому избрана мера пресечения в виде домашнего ареста. На практике оно тоже порождает вопросы.

В отношении данных лиц надзор осуществляется сотрудниками ФСИН России, а государственная защита – сотрудниками МВД России. Когда лицо необходимо доставить на следственные действия, контроль за данным лицом приходится осуществлять двум ведомствам одновременно. Такой «перехлест» контролирующих органов приводит к разногласиям в сфере ответственности. Эту проблему необходимо решить соответствующими поправками в законодательство и акты ведомственного нормативно-правового регулирования.

6. Присутствие сотрудников подразделений государственной защиты на закрытых судебных заседаниях. При рассмотрении дела в закрытом заседании посторонние не вправе присутствовать в зале суда; на нем присутствуют только его участники: судья, секретарь судебного заседания и стороны: государственный обвинитель, потерпевший, его законный представитель, обвиняемый, его адвокат и законный представитель. Иные участники процесса (свидетели, эксперты и др.) могут присутствовать на судебном заседании только на время их допроса.

Таким образом, органы, осуществляющие государственную защиту участника судебного следствия, не вправе осуществлять охрану защищаемого лица, но при этом несут ответственность за его жизнь и здоровье. Безопасность в зале судебных заседаний

обеспечивают судебные приставы в соответствии с ч. 1 ст. 11 Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 118-ФЗ «О судебных приставах» [3]. В данном случае считаем необходимым внести изменения в УПК РФ и добавить норму о том, что органы, осуществляющие государственную защиту, входят в круг лиц, допускаемых к участию в закрытом судебном заседании.

7. Присутствие сотрудников подразделений государственной защиты, обеспечивающих личную охрану на следственных действиях (очная ставка, проверка показаний на месте) при участии защитника «угрозоносителя», то есть обвиняемого, подозреваемого.

В соответствии с УПК РФ в перечне лиц, которые должны присутствовать на следственном действии, нет органов, осуществляющих государственную защиту. В результате сложившейся ситуации некоторые адвокаты начинают задавать вопрос: «Почему на следственном действии присутствуют органы, осуществляющие его государственную защиту?» и воспринимают это как давление на подзащитного со стороны обвинения. В ходе следственного действия органы, осуществляющие государственную защиту, несут ответственность за защищаемое лицо и должны его контролировать, поэтому считаем необходимым внести поправки в уголовно-процессуальное законодательство и добавить в него положение о том, что должностные лица органов, осуществляющих государственную защиту, входят в перечень лиц, которые могут принимать участие в следственном действии.

8. Порядок передачи материалов по государственной защите (постановление, заявление и т. д.) из следственного органа в суд, а также порядок хранения материалов в уголовном деле, как показывает практика, не урегулированы в должной мере.

На практике нередко возникают ситуации, когда судья не обнаруживает в материалах уголовного дела вышеперечисленных документов. Документы иногда просто утеряны, не приложены к материалам либо находятся вместе с прочими материалами. Этот вопрос должен быть урегулирован как на уровне УПК РФ, так и на уровне ФЗ № 119-ФЗ.

Итак, практика ставит все новые и новые вопросы перед законодателем, решение которых необходимо для оптимизации правового регулирования применения мер государственной защиты к участникам уголовного процесса. Основной проблемой мы считаем не только наличие пробелов в законодательстве, но и отсутствие урегулированности взаимодействия подразделений и учреждений между собой. Как писали А.Ю. Епихин и А.В. Мишин, безопасность личности в сфере уголовного правосудия является действенным и эффективным средством противодействия криминализации общества в целом и решаться она должна комплексно и солидарно всеми правоохранительными органами [1, с. 154].

Примечания

1. *Епихин А.Ю., Мишин А.В.* Обеспечение безопасности лиц, содействующих уголовному судопроизводству: учебное пособие. Казань, 2018.

2. О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // Собрание законодательства РФ. 2004. № 34, ст. 3534.

3. О судебных приставах: федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 118-ФЗ (ред. от 08.03.2015) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 30, ст. 3590.

Е.П. Момотова,
адъюнкт очной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России.

Научный руководитель –
д.ю.н., профессор *А.А. Демичев*

РАЗВИТИЕ ПОЛИЦЕЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА I

Работа полицейского ведомства в период правления Павла I изучалась исследователями крайне мало. Анализируя нормативные правовые акты того периода, стоит обратить внимание на то, что законодательство, затрагивающее вопросы реформирования полиции при Павле I, имело место и развивалось. Рассмотрев материалы Полного собрания законов Российской империи, можно сделать вывод, что вопросы полиции были затронуты в 37 нормативных правовых актах: в 1797 г. было подписано 11 актов, в 1798 г. – 9, в 1799 г. – 7, в 1800 г. – 10.

В основном полицейская деятельность регламентировалась такими актами, как Именной, данный Сенату, Высочайше утвержденный доклад, Сенатский, Именной, объявленный генерал-прокурором и некоторыми другими. Примерами таких актов могут служить: № 17.840 от 26 февраля 1797 г. Высочайше утвержденный доклад Санкт-Петербургского военного губернатора «О прибавке чиновников в штат Санкт-Петербургской полиции»; № 19.673 от 30 ноября 1800 г. Именной, данный Сенату «О бытии городской Полиции в Санкт-Петербурге в ведение гражданского губернатора».

Несмотря на то, что правление Павла I многими рассматривалось с точки зрения полицейской диктатуры, политики

«железной лозы», в реальности организация и деятельность полиции осталась в стороне, хотя активизация в данном направлении была заметна с первых дней царствования императора. Предписания Петра I о том, что полицейские уставы следует вводить с особым усмотрением и предварительным обсуждением, не принимались во внимание, для Павла I полиция являлась важнейшей частью механизма государства – душой гражданства [1].

Вслед за разделением империи на губернии в 1796 г. произошло и разделение городской полиции по составу и управлению, полицейские обязанности возлагались и закреплялись новым воинским уставом за комендантами. Постоянные изменения в организации воинских частей приводили к путанице в работе городской полиции.

С декабря 1796 г. дела были разделены по департаментам Сената. Следствие в военных судах стало носить формализованный характер, судоустройство было упрощено, сама полиция неоднократно переподчинялась. Несмотря на тщательный личный контроль императора, вопрос о создании отдельного следственного органа рассмотрен не был [2, с. 52–56].

В 1797 г. указами Павла I подверглась изменениям штатная численность Санкт-Петербургской полиции. Все полицейские дела передавались в ведение коменданта. Работа Санкт-Петербургской полиции складывалась по примеру Московской и находилась в непосредственном ведении военного губернатора. В Новгород и Тверь первоочередно были назначены полицмейстеры, с введением этой должности началась новая реорганизация городской полиции [1]. Высочайшим утверждением в Иркутске и Казани учреждалась полиция. Создавалась комиссия для снабжения резиденции, относящейся к полиции, припасами, денежные средства выделялись на конюшенную контору, сверх денежного жалования московским извозчикам полагался дополнительно провиант. Объемным по содержанию был Именной указ, данный Сенату, от 18 декабря 1797 г., в котором предписывалось с дворянских имений собирать суммы на содержание судебных мест, повышать подушный оклад, предусматривались

прибавка на купеческие и мещанские капиталы, оброчная накладка на казенных крестьян, возвышение цен на гербовую бумагу, паспорта и др.

Полицию в уездных городах, как и прежде, возглавляли городничие. Декабрьским Именным указом, данным Сенату, 1797 г. № 18.278 бремя содержания полиции перекладывалось на население городов и уездов, таким образом, прямая зависимость функционирования полиции от доходов населения городов являлась сдерживающим фактором при попытках ее реорганизации [3, с. 76–81]. Введение должности полицмейстера с соответствующим штатом ликвидировало Управу благочиния, усиливая при этом полицию города. В обязанности губернаторов и комендантов входило личное формирование штатов полиции из числа чиновников. Лишившись рабочих мест после сокращения числа местных учреждений, чиновники подавали многочисленные жалобы и прошения.

В 1798 г. нормативные правовые акты предусматривали учреждение полиции в Оренбурге, разделение на три части города Казани, на две части – ее полиции и жалования ее чинам и служителям. Дома священно- и церковнослужителей освобождались от полицейских повинностей. Дела по ненайденным преступникам, подлежащим казни за особые преступления, спускались из полиции в нижние судебные места. Сбор денежных сумм на содержание городских полиций возлагался на отчеты магистратов и дум под контролем начальников губерний. При екатеринбургских заводах была сохранена одна городская полиция.

В целях борьбы с сокрытием преступлений полиция облагалась обязательствами присылать материалы по нераскрытым уголовным преступлениям в губернскую уголовную палату для ревизии и выявления причин недостаточного исследования обстоятельств дел [1].

В предшествующем году декабрьским указом предписывалось учредить полицию в знатнейших по губерниям городах. На примере Оренбурга, где Именным указом, объявленным генерал-прокурором, № 18.478 полиция была учреждена 10 апреля

1798 г. Препятствием в создании сложного полицейского аппарата была проблема нехватки кадров. Полиция не могла быть укомплектована в соответствии со штатом, она фактически состояла из полицмейстера, двух приставов, секретаря, нескольких других полицейских чиновников. Планировалось разделение города на несколько частей, руководство полиции ложилось на полицмейстера, а в помощь ему предполагались приставы по уголовным и гражданским делам, магистратские ратманы. При полицмейстере задумывалось производство письменных дел, функционирующее за счет секретаря и трех писарей [3, с. 76–81].

В 1799 г. указами предусматривалось устройство градских полиций в губернских городах, приведение в надлежащее исполнение Высочайше утвержденного штата полиции города Киева и там же наличие должности полицмейстера. На полицейские должности набирали из состава чиновников по избранию губернаторов и комендантов с жалованием из городских доходов. Указывалось всем губернским правлениям и прочим присутственным местам с требованиями по полицейским делам в Санкт-Петербурге относиться прямо к военному губернатору.

Вследствие сокращения количества губерний в целях экономии содержание такого учреждения, как полиция, легло на плечи городов. Но по причине нехватки средств на его содержание во многие города по образцу 1797 г. губернатором назначались полицмейстеры с двумя помощниками. Исходя из финансовых возможностей города, осуществлялось содержание частных приставов и квартальных надзирателей. При наличии в городе военного коменданта, на него возлагалось руководство полицией, а полицмейстер являлся лишь его помощником. Такой опыт организации работы полиции император Павел I перенес из своих излюбленных владений – Павловска и Гатчины. Финансовые проблемы вызывали потребность усиления карательно-репрессивного аппарата в лице полиции.

Желание усилить полицию противоречило стремлению императора разгрузить казну от необходимых для ее содержания расходов [1, с. 76–81]. Данный факт свидетельствует о некой сумбурности в законодательной деятельности императора.

Также по всем вопросам организации работы полиции губернатор должен был обращаться к самому императору, который в момент отсутствия центральных органов управления сам лично занимался вопросами развития этого учреждения [1].

В 1800 г. предписывалось дела, касающиеся губернского правления и полицейского исполнения, от Сената передавать гражданским губернаторам. В полиции предусматривалось обязательное присутствие полицмейстера, а от градского общества избирались судьи для присутствия в частных судах, приговоры частных судов исполнялись только лишь с утверждения комендантов. Градской полицией заведовал батальонный командир, если на местах не имелось военных губернаторов. Сами полицейские и чиновники в случаях совершения преступлений передавались на суждение гражданского правительства. Санкт-Петербургская полиция находилась в ведении гражданского губернатора. Отставные солдаты, живущие в астраханской губернии и ставропольском уезде, исключались из ведомства волостных сельских начальств и переходили в подчинение земской полиции.

С этого времени компетенция полиции была расширена, на нее возлагали контроль за добросовестным отношением к службе чиновников и исполнением новых предписаний властей, регламентирующих личную жизнь подданных. Также мерой по повышению эффективности руководства полицией стало и возложение на губернаторов, комендантов, полицмейстеров материальной ответственности при хищении или краже казенного имущества, это послужило причиной наиболее ответственного отношения их к службе. Император лично призывал местные власти обеспечивать порядок, не только расширяя штат полиции, но и искореняя преступность в целом [1].

Июньским указом 1800 г. предписывалось усилить контроль над работой земской полиции, заведя в нижних земских судах журнал, в котором велся строгий учет, по каким делам отлучались сотрудники. Каждый месяц на основе данных этого журнала составлялись и отправлялись ведомости в губернское правление [3, с. 76–81].

Царизм того времени был нацелен на установление четкого круга задач полиции и специализацию ее служащих при ограничении практики привлечения сотрудников к исполнению не входящих в их обязанности функций. Полиция теперь использовалась не только для борьбы с протестами народных масс, но и для контроля над общественными организациями, органами городского самоуправления, печатью и личной жизнью подданных [1].

Тем самым прослеживается активный процесс отделения полиции от военного ведомства и претворение ее в самостоятельный, специализированный, единообразный орган в городах и сельской местности. Усиливалась законодательная регламентация полицейских учреждений. На протяжении всего правления императора Павла I организация и управление полицией стремились прийти к единому образцу.

Примечания

1. *Борисов А.В.* Полиция самодержавной России в первой четверти XIX века: дис. ... канд. ист. наук. Москва, 1982.

2. *Серов Д.О., Федоров А.В.* Следствие при Екатерине II и Павле I: Тайная экспедиция как следственный орган по делам о государственных преступлениях // Российский следователь. 2015. № 9.

3. *Байгутлин Р.И.* Реорганизация полиции Оренбургской губернии при Павле I // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 25 (206). Вып. 25.

В.В. Морозов,
адъюнкт очной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России.

Научный руководитель –
д.ю.н., профессор *В.И. Шаров*

**ФОРМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
СПЕЦИАЛЬНЫХ ПОЗНАНИЙ
В ВЫЯВЛЕНИИ И РАСКРЫТИИ
ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ
КОМПЬЮТЕРНОЙ ТЕХНИКИ
И СОВРЕМЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ
ТЕХНОЛОГИЙ**

В деятельности по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений набор используемых в этих целях средств крайне обширен и разнообразен. Практика показывает, что в этой деятельности все средства хороши, однако использование несоответствующих криминальной ситуации средств чревато негативными последствиями. Преступления могут остаться невыявленными, либо нераскрытыми, либо расследованными с нарушением требований закона. Полагаем, подобные проявления нельзя возводить в ранг обыденных и закономерных.

Обычно деятельность субъектов выявления и расследования преступлений доходит до логического завершения – до достижения цели уголовного процесса. В то же время значительное влияние на это оказывают средства, связанные с экспертной

деятельностью. Вероятно, результаты их использования подкрепляются признаками объективности, всесторонности, достоверности, полноты, обоснованности и проверяемости. Соответствие результатов указанным требованиям определяет пригодность средств, использованных в той или иной ситуации. Кроме этого, сами средства также должны соответствовать криминальной ситуации. Уголовные, уголовно-процессуальные, криминалистические и оперативно-разыскные средства, применяемые субъектами уголовно-процессуальной, оперативно-разыскной и экспертной деятельности, не могут быть проще средств, использованных субъектами преступной деятельности.

Так и в нашем случае. Высокотехнологичность способов совершения анализируемых преступлений предполагает совершенствование не только системы оперативно-разыскных мероприятий, но и системы судебных экспертиз и направлений использования специальных познаний.

На сегодняшний день единой позиции относительно разьяснения понятия «специальные познания» («специальные знания») в науках антикриминального цикла не содержится. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ), несмотря на неоднократное упоминание о тех самых «специальных познаниях» («специальных знаниях») (ст. 57, 58, 80), не имеет в своем составе какого-либо толкования. Это отмечалось и другими учеными [1, с. 7; 2], однако до сих пор нет ни устоявшегося определения, ни законодательного закрепления. Полагаем, отсутствие единообразной трактовки вносит разлад не только в уголовно-процессуальную и криминалистическую науку, но и в практику экспертной деятельности. Решение этой проблемы кроется в дополнении ст. 5 УПК РФ пунктом, раскрывающим содержание понятия «специальные знания». В то же время следует соотносить понятия «специальное знание» и «специальное познание».

Учитывая особый предмет нашего исследования и необходимость изучения конкретных экспертных средств, нежели теоретического базиса экспертной деятельности, примем за основу

наиболее устоявшиеся подходы. Специальные знания – это «профессиональные умения и навыки в области науки, техники, искусства или ремесла, необходимые для решения вопросов, возникающих при расследовании и рассмотрении в суде конкретных дел» [2, с. 165; 4]. В рамках нашей статьи мы будем придерживаться данного определения. Кроме этого, понятия «специальные познания» и «специальные знания» нами будут расцениваться как тождественные, хотя мы понимаем, что «познание» и «знание» – это не одно и то же.

Переходя непосредственно к использованию специальных познаний в выявлении и раскрытии экономических преступлений, совершаемых с использованием компьютерной техники и современных информационных технологий, необходимо определить, в каких формах в целом возможно их использование. Традиционно выделяют процессуальную и непроцессуальную формы использования специальных познаний [5, с. 144; 6; 7]. Считается, что такое разграничение удобно для практического применения в расследовании.

Формы процессуальные, в нашем понимании, закреплены в УПК РФ, а непроцессуальные – не имеют такого закрепления. А.И. Попов отмечает, что процессуальная форма использования специальных знаний обусловлена четкой регламентацией уголовно-процессуального закона, а результаты их применения имеют доказательственное значение и могут быть использованы для обоснования виновности или невиновности лица [8, с. 46–47]. И.Н. Сорокотягин к процессуальным относит экспертизу, участие специалиста, врача в процессуальных действиях, педагога – в процессе допроса несовершеннолетнего, производство ревизии по требованию следователя; к непроцессуальным – консультационно-справочную деятельность, производство ревизии до возбуждения уголовного дела [9, с. 15].

В.В. Коломинов при изучении особенностей использования специальных познаний в раскрытии экономических преступлений выделяет следующие формы их использования:

назначение и производство судебных экспертиз; участие специалиста в производстве следственных действий; справочно-консультационная деятельность лица, обладающего специальными знаниями; допрос сведущего свидетеля [10, с. 11]. Названные формы не являются исчерпывающими. Как показали результаты анкетирования, на практике встречается более широкий спектр форм специальных познаний:

- назначение и производство судебных экспертиз;
- получение заключений и показаний экспертов и специалистов;
- привлечение специалиста к участию в следственных действиях;
- получение консультаций у специалистов;
- участие специалистов в проведении ревизий, инвентаризаций, документальных проверок и опросов;
- получение справок специалистов;
- участие специалистов в оперативно-разыскных мероприятиях.

Однако вышеперечисленные формы имеют разный информационный потенциал для установления значимых обстоятельств события преступления. Эффективными формами использования специальных познаний в выявлении и раскрытии экономических преступлений, совершаемых с использованием компьютерной техники и современных информационных технологий, чаще всего признаются: назначение и производство судебных экспертиз; получение заключений и показаний экспертов и специалистов; участие специалистов в оперативно-разыскных мероприятиях; участие специалистов в следственных действиях.

Наиболее обобщенный вариант представления форм использования специальных познаний выглядит следующим образом:

- использование имеющихся у следователя специальных знаний, обусловленных его профессиональной и общей подготовкой, опытом работы;
- привлечение специалиста к участию в процессуальных действиях;

- назначение и производство судебной экспертизы;
- производство документальных проверок и ревизий;
- допрос эксперта;
- заключение специалиста;
- допрос специалиста;
- опрос специалиста с его согласия защитником;
- консультация специалиста;
- негосударственная экспертиза;
- консультационная деятельность сведущих лиц, не имеющих процессуального статуса [8, с. 57–58].

Однако нами по ряду причин предложенный перечень форм использования специальных познаний считается некорректным.

Во-первых, в нем не учитывается возможность использования специальных познаний при осуществлении оперативно-разыскной деятельности.

Во-вторых, в нем необоснованно указывается негосударственная экспертиза в качестве обособленной формы использования специальных познаний (назначение и производство судебной экспертизы охватывает данную форму).

В-третьих, в нем дается заключение эксперта как форма, хотя заключение специалиста приводится.

В-четвертых, в нем неаргументированно приводится как форма консультационная деятельность сведущих лиц, не имеющих процессуального статуса (при этом непонятно, о каких лицах идет речь).

В-пятых, в нем приводится допрос специалиста как форма использования специальных познаний, но нет допроса эксперта, хотя в отличие от первого последний имеет закрепление в УПК РФ.

В-шестых, в нем не указывается возможность использования специальных познаний органом дознания, хотя он выступает таким же субъектом деятельности по выявлению и расследованию преступлений.

Таким образом, данное такое представление форм использования специальных познаний выглядит крайне сомнительным. Подтверждением наших домыслов выступает позиция А.Ф. Лубина, который предлагает следующую классификацию форм использования специальных познаний:

I. Использование специальных познаний непосредственно субъектами деятельности по выявлению и расследованию преступлений:

– оперуполномоченным в ходе документирования следов преступления (при проведении оперативно-разыскных мероприятий – ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности»);

– дознавателем (лицом, производящим дознание);

– следователем (в ходе предварительного следствия);

– следователем-криминалистом (п. 40¹ ст. 5 УПК РФ).

II. Процессуальные формы использования специальных познаний:

– получение заключений и показаний специалистов (п. 3¹ ч. 2 ст. 74 УПК РФ);

– привлечение специалиста к участию в следственных действиях и в судебных заседаниях (ст. 18, 57–59, 80, 164, 168, 178, 179 и 191 УПК РФ);

– назначение и производство судебных экспертиз в ходе проверочных действий (ч. 1 ст. 144 УПК РФ) и на различных этапах предварительного расследования и судебного разбирательства (ст. 195–207 УПК РФ);

– допрос эксперта (ст. 205 УПК РФ).

В УПК РФ указаны случаи обязательного участия в качестве специалиста при производстве следственных действий:

– участие педагога при допросе потерпевшего и свидетеля в возрасте до 14 лет (ст. 191);

– участие судебно-медицинского эксперта, врача, медика (иного специалиста) в наружном осмотре трупа и эксгумации (ст. 178);

– участие в необходимых случаях врача в освидетельствовании (ст. 179).

III. Непроцессуальные формы использования специальных познаний:

- получение консультаций у специалистов;
- участие специалистов в проведении ревизий, инвентаризаций, документальных проверок и опросов (ч. 1 ст. 144 УПК РФ);
- получение справок специалистов;
- участие в оперативно-разыскных мероприятиях (ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности») [11, с. 199–200].

Соглашаясь в целом с данной классификацией, необходимо обратить внимание на ряд противоречий. В частности, указание на то, что участие специалистов в проведении ревизий, инвентаризаций, документальных проверок и опросов выступает как непроцессуальная форма, нами не разделяется, поскольку регламентация УПК РФ придает всему процессуальный характер, в том числе той форме использования специальных познаний, которая приведена в ст. 144 УПК РФ.

Принимая во внимание разнообразие имеющихся позиций по вопросу классификации форм использования специальных познаний, мы все же будем придерживаться приведенной классификации с учетом наших замечаний и уточнений.

Примечания

1. *Шакиров К.Н.* Проблемы теории судебной экспертизы: методологические аспекты: дис. ... д-ра юрид. наук. Алматы, 2003,

2. *Майлис Н.П.* Регулирование судебно-экспертной деятельности в свете современного законодательства // Судебная экспертиза. 2004. № 1.

3. *Белкин Р.С.* Курс криминалистики: в 3 т. Т. 1: Общая теория криминалистики. Москва, 1997.

4. *Андреев И.С., Грамович Г.И., Порубов Н.И.* Криминалистика: учебное пособие. Минск, 1997.

5. Энциклопедия судебной экспертизы / под ред. Т.В. Аверьяновой и Е.Р. Россинской. Москва, 1999.

6. *Бишманов Б.М.* Эксперт и специалист в уголовном судопроизводстве. Москва, 2003.

7. *Зинин А.М.* Криминалист в следственных действиях. Москва, 2004.

8. *Попов А.И.* Методология использования специальных знаний в конфликтной следственной ситуации: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2017.

9. Использование специальных познаний при расследовании преступлений: учебное пособие / под ред. Ф.В. Глазырина. Свердловск, 1978.

10. *Коломинов В.В.* Расследование мошенничества в сфере компьютерной информации: научно-теоретическая основа и прикладные аспекты первоначального этапа: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2017.

11. Криминалистика: курс лекций / под ред. А.Ф. Лубина. Нижний Новгород, 2018.

М.В. Муравьев,
адъюнкт заочной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России.

Научный руководитель –
д.ю.н., доцент *В.В. Терехин*

ГЛАСНОЕ ОБСЛЕДОВАНИЕ ПОМЕЩЕНИЙ, ЗДАНИЙ, СООРУЖЕНИЙ, УЧАСТКОВ МЕСТНОСТИ И ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ КАК СПОСОБ ПОЛУЧЕНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Гласное обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств (далее – гласное обследование) представляет собой оперативно-разыскное мероприятие (далее – ОРМ), которое на практике часто используется в качестве аналога следственных действий: осмотра места происшествия или даже обыска.

Нормативно-правовой базой проведения гласного обследования является Федеральный закон «Об оперативно-разыскной деятельности» [1], в котором данное ОРМ предусмотрено в п. 8 ч. 1 ст. 6. Оно регламентируется специальной Инструкцией, утвержденной приказом от 1 апреля 2014 г. № 199 [2]. Кроме того, по нашему мнению, смысл выражения, используемого законодателем в ч. 1 ст. 144 УПК РФ («искребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном настоящим Кодексом»), надо понимать в контексте возможности обнаружения и изъятия документов и предметов в ходе гласного обследования, проводимого в стадии возбуждения уголовного дела.

Исходя из действующего законодательства можно сказать, что гласное обследование представляет собой комплекс действий, заключающихся в осмотре как жилых, так и служебных помещений, транспортных средств и других объектов, поиске следов преступлений, орудий совершения преступления, разыскиваемых преступников, а также в получении другой информации, необходимой для выявления, раскрытия преступлений, изобличения преступников.

Целью проведения данного мероприятия является отыскание следов преступления (документы, материальные объекты, информация), а также фиксация обнаруженных следов с привязкой к местности и изъятие их (копирование информации) для дальнейшего использования в оперативных целях и в целях выявления, документирования и раскрытия преступлений.

В практической деятельности сотрудников оперативных подразделений органов внутренних дел сложился определенный правовой стандарт проведения гласного обследования. Основанием и условием для проведения данного мероприятия служат имеющиеся в производстве материалы предварительной оперативной проверки (МПОП) – одна из форм оперативного производства, утвержденная наставлением, либо дела оперативного учета. Его негласный вариант проводится исключительно по делам оперучета. На основании имеющихся МПОП на имя начальника полиции территориального органа подается мотивированный рапорт, согласованный с руководителем оперативного подразделения, с обоснованием необходимости проведения обследования. Как правило, в обосновании указывается отсутствие возможности получить те или иные сведения или предметы иным путем (например, путем проведения ОРМ «Наведение справок» по запросу организация не предоставляет необходимую информацию либо предоставляет ее в искаженном, неполном виде) либо на возможное уничтожение следов, свидетельствующих о совершении преступных действий. Отсутствие в рапорте данных, указывающих на наличие таковых обстоятельств, влечет обычно отказ в разрешении на проведение мероприятия.

В практике сотрудников полиции Нижегородской области сложился правовой стандарт, по которому такой рапорт согласуется с начальником полиции ГУ МВД. В Нижегородской области было издано распоряжение, в соответствии с которым данное ОРМ в любом случае проводится только с согласия начальника полиции ГУ МВД, независимо от того, какой орган проводит обследование. При согласовании рапорта начальником полиции подготавливается распоряжение на проведение указанного ОРМ.

Форма распоряжения утверждена приказом от 1 апреля 2014 г. № 199 и содержит следующие необходимые реквизиты: дата, место составления, ФИО, звание и должность лица, вынесшего распоряжение, основания для проведения мероприятия, адрес, ФИО (наименование юридического лица, ИП) собственника, владельца, объекта проведения обследования, ФИО, звание и должность лица (лиц), которым поручается проведение обследования, само указание должностного лица о проведении обследования, подпись должностного лица, вынесшего распоряжение, гербовая печать ОВД, отметка об ознакомлении (отказе в ознакомлении) с распоряжением представителя объекта, на котором проводится ОРМ, отметка о получении (отказе получения) копии распоряжения.

Распоряжение на проведение ОРМ регистрируется либо централизованно в ОВД либо в каждом оперативном подразделении самостоятельно. Распоряжение является несекретным документом.

К участию в проведении обследования, кроме указанных в распоряжении, также привлекаются:

- специалисты (необходимы, например, при изъятии носителей информации по аналогии с требованиями УПК РФ; могут привлекаться из числа сотрудников ЭКЦ по письму);
- понятые (по аналогии с УПК РФ);
- физзащита (бойцы спецподразделений Росгвардии либо спецподразделение МВД России «Гром»; привлекаются по специальному заданию, регламентированному ведомственными и межведомственными нормативными актами);

– сотрудники МЧС (как правило, в случае необходимости вскрытия укрепленных дверей и т.п.; порядок привлечения четко не урегулирован и все время меняется. В одном случае при наличии заявления (сообщения), зарегистрированного в КУСП, наряд спасателей, имеющий специальное оборудование, может выехать по звонку из дежурной части ТОВД, в другом (при проведении ОРМ) – необходимо предварительно согласовать участие в проведении мероприятия с руководством).

Указанные лица в распоряжение не включаются, так как непосредственно в проведении поисковых мероприятий не участвуют.

Обследование начинается с захода на объект. Основные варианты: свободным доступом (вход на объект общедоступен), «на плечах» (вход на объект ограничен, заход осуществляется в момент входа (выхода) посетителей объекта), оперативным путем (например, доступ предоставляет лицо, ранее проникнувшее на объект под видом посетителя), силовой вход (путем разрушения дверей, окон, запирающих устройств в случае, когда другой вариант доступа невозможен). Задача по силовому проникновению на объект, разрушению преград, нейтрализации физического сопротивления, контроль над обстановкой на объекте в ходе ведения обследования возлагаются на спецподразделения физзащиты.

После проникновения на объект представителю владельца помещения или иному уполномоченному лицу предъявляется распоряжение на проведение обследования, о чем в распоряжении делается отметка. Также копия распоряжения может быть вручена уполномоченному лицу по его просьбе. После этого проводится непосредственно само ОРМ. По результатам обследования составляется протокол. Ведомственными нормативными актами предусмотрено лишь составление протокола изъятия по результатам обследования.

Форма протокола нормативно не урегулирована, но указано, что он составляется с соблюдением требований норм УПК РФ. Однако не всегда в ходе обследования проводится изъятие, иногда целью обследования является, например, фиксация факта

осуществления какой-либо деятельности, то есть не совсем ясно, как данный факт фиксировать при помощи протокола изъятия. Оформление иных документов ведомственным приказом не предусмотрено, но на практике в описанных выше случаях наряду с протоколом изъятия составляется также протокол обследования.

Вопрос причинения материального урона в ходе обследования (например, выбитые окна, сломанные двери, вскрытые сейфы) тоже нормативно четко не урегулирован. Позиция прокуратуры [3] в данном случае такова: если сломали, но что-то нашли, значит действия были правомерны; если же нет – нарушение законности. В итоге все мероприятия такого рода проводятся под персональную ответственность оперативника.

Результаты мероприятия в течение двух суток (так принято в Нижегородской области) докладываются рапортом начальнику полиции ГУ МВД по Нижегородской области. Кроме того, ведомственным приказом четко определен порядок действий в случае изъятия документов, однако установленный срок в пять суток не всегда возможно соблюсти (в случае изъятия большого количества документов и технической невозможности изготовления их копий).

В качестве альтернативы гласным обследованиям на уровне районных (городских) подразделений зачастую используется осмотр места происшествия в порядке, предусмотренном УПК РФ. Его преимущества в том, что, во-первых, не требуется разрешение начальника полиции ГУ МВД (на получение которого уходят минимум сутки). В этом случае необходимо лишь зарегистрировать в КУСП ТОВД рапорт о выявленном преступлении (правонарушении), что на уровне «земли», в отличие от главка, не представляет никаких сложностей. Суть мероприятия при этом практически не меняется – при проведении осмотра места происшествия по КУСП никто не запретит наряду с фиксацией обстановки провести и поисковые мероприятия. Данный вариант имеет еще одно несомненное преимущество, а именно: его результаты оформляются процессуальным документом – протоколом следственного осмотра,

имеющим силу доказательств, поэтому нет необходимости впоследствии «легализовывать» результаты мероприятия. Третье преимущество такого способа в том, что УПК РФ не предусматривает в случае изъятия оригиналов документов обязанности сотрудников полиции предоставлять их копии и сроки их изучения ограничены лишь сроками ведения проверки.

Недостатком следственного осмотра места происшествия в сравнении с гласным обследованием можно назвать лишь раскрытие планов оперативного работника сотрудникам дежурной части по проведению мероприятий в конкретном адресе, что в ряде случаев приводит к утечке информации и, как следствие, к отсутствию результата.

Таким образом, могут быть различные способы обнаружения, изъятия, копирования доказательственной информации и ее носителей до возбуждения уголовного дела. На наш взгляд, гласное обследование является одним из них. Его суть состоит в проведении поисковых мероприятий (по аналогии со следственным действием «обыск»), изъятии следов, а также фиксации сотрудниками оперативных подразделений обстановки в конкретном адресе, участке местности, на транспортном средстве (по аналогии со следственным действием «осмотр места происшествия»). С этим согласны не все.

В теории такая модель деятельности по выявлению, раскрытию преступлений и документированию преступной деятельности встречает неоднозначные оценки. Некоторые ученые считают неправомерными поисковые действия, сопряженные с преодолением препятствий, при проведении гласных обследований. По их мнению, обязательным признаком данного способа получения материалов является добровольность, то есть получение согласия лица, в чьем помещении проводится обследование, на обнаружение и изъятие носителей информации, копирование информации [4, с. 71–75].

Пленум Верховного Суда Российской Федерации указал, что результаты гласных ОРМ, включая гласное обследование производственных помещений, зданий, сооружений, могут стать основанием возбуждения уголовного дела, а также

формирования уголовно-процессуальных доказательств при условии соблюдения положений ст. 75 и 89 УПК РФ. При этом особое внимание он обращает на необходимость безусловного соблюдения законности и обоснованности такого рода ОРМ, связанных с ограничением имущественных и иных прав и свобод предпринимателей [5].

Разделяя позицию профессора А.С. Александрова, мы считаем, что действенное разрешение проблемы различия в следственном и оперативно-розыскном способах получения доказательственной информации, которая ярко проявляется в различии гласного обследования, с одной стороны, и обыска, следственного осмотра – с другой, возможно через реформу предварительного расследования. Ее давно пора проводить.

Примечания

1. Об оперативно-розыскной деятельности: федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (ред. от 06.07.2016) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 33, ст. 3349.

2. Об утверждении Инструкции о порядке проведения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации гласного оперативно-розыскного мероприятия обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств и Перечня должностных лиц органов внутренних дел Российской Федерации, уполномоченных издавать распоряжения о проведении гласного оперативно-розыскного мероприятия, обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств: приказ МВД России от 1 апреля 2014 г. № 199 (ред. от 17.04.2017) (зарегистрировано в Минюсте России 21.05.2014 № 32369) // Российская газета. 2014. 28 мая.

3. Об усилении прокурорского надзора за соблюдением прав субъектов предпринимательской деятельности на досудебных стадиях уголовного судопроизводства и при осуществлении оперативно-розыскной деятельности: указание Генпрокуратуры России от 1 декабря 2017 г. № 815/36. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.01.2019).

4. *Шамсунов С.Х., Краснова И.В.* Гарантии реализации права на квалифицированную юридическую помощь: анализ правоприменительной деятельности, тенденции, перспективы // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2018. № 5.

5. О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2016 г. № 48 (п. 5) // *Российская газета.* 2016. 24 ноября.

А.С. Нефедьев,
адъюнкт заочной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России.

Научный руководитель –
 д.ю.н., профессор *А.Г. Маркушин*

К ВОПРОСУ О РАСКРЫТИИ УБИЙСТВ ПРОШЛЫХ ЛЕТ

Убийство – тягчайшее преступление, в связи с чем его раскрытие является одной из основных функциональных задач деятельности подразделений уголовного розыска органов внутренних дел (далее – УР ОВД). Однако, несмотря на определенные успехи в установлении виновных в совершении данных преступлений, многие из них остаются нераскрытыми, а лица, их совершившие, – безнаказанными. Так, по данным Главного информационно-аналитического центра МВД России, остаток нераскрытых убийств, следствие о которых на начало отчетного периода было приостановлено, составил:

2009 г.	90 212	2014 г.	86 448
2019 г.	90 428	2015 г.	85 461
2011 г	90 198	2016 г.	85 935
2012 г	90 705	2017 г.	86 809
2013 г	90 923	2018 г.	86 236

Раскрытие убийств, перешедших в категорию «прошлых лет», является наиболее сложной и трудоемкой задачей подразделений уголовного розыска. Количество раскрытых преступлений данной категории несопоставимо мало с раскрытием преступлений текущего периода. Так, количество преступлений, уголовные дела по которым расследованы и направлены в суд либо прекращены по нереабилитирующим основаниям, составило:

2009 г.	879	2014 г.	571
2019 г.	867	2015 г.	493
2011 г	779	2016 г.	511
2012 г	691	2017 г.	466
2013 г	570	2018 г.	424

Представленные данные наглядно свидетельствуют о наличии существенных проблем в раскрытии преступлений данной категории. Несмотря на то, что за последние 10 лет число нераскрытых убийств, следствие по которым на начало отчетного периода приостановлено, остается примерно на том же уровне, количество направленных в суд либо прекращенных по нереабилитирующим основаниям за тот же период сократилось более чем в два раза.

Безотлагательное внесение корректив в качество работы подразделений УР ОВД по данному направлению обусловлено и тем, что указанные преступления отнесены законодательством к категории особо тяжких и, как правило, вызывают повышенное внимание общественности. Кроме того, низкая эффективность работы по раскрытию убийств прошлых лет заключается еще и в том, что это может порождать новые преступные деяния с различными последствиями. Зачастую слабая

организация работы по раскрытию преступлений приводит к рецидиву. Как известно, безнаказанность порождает чувство вседозволенности. Можно предположить, что некоторые преступления прошлых лет, совершены одними и теми же лицами и принимают форму серийности. Потенциальный преступник, чувствуя свою безнаказанность, может совершать преступления на протяжении длительного периода времени. Примеров тому множество.

Между тем на расширенном заседании Коллегии МВД России, состоявшемся 28 февраля 2019 года, Президент Российской Федерации В.В. Путин отметил, что важно планомерно повышать уровень раскрываемости преступлений. На это должны быть направлены все ресурсы, оперативно-следственные и технические возможности органов внутренних дел [1].

Решение проблемы раскрываемости убийств прошлых лет возможно только путем четкого уяснения общетеоретических, правовых, организационных и тактических основ деятельности подразделений уголовного розыска по данному направлению. Не случайно исследование вопросов роли подразделений уголовного розыска в обеспечении национальной безопасности России, организационно-штатного построения, оптимизации их структуры, критериев оценки деятельности, а также наиболее эффективных приемов противодействия тяжким и особо тяжким преступлениям против личности, собственности, общественной безопасности приказом МВД России от 1 апреля 2016 г. № 155 «Об осуществлении научной (научно-исследовательской) деятельности в органах внутренних дел Российской Федерации» отнесено к числу основных направлений научного обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации.

Проблемам решения отдельных теоретических и практических вопросов раскрытия убийств прошлых лет уделялось внимание в специальной литературе [2], однако проведенные ранее научные исследования этой многоаспектной и социально значимой проблемы нельзя считать исчерпывающими по следующим причинам.

Во-первых, сформулированные в работах выводы и рекомендации относятся к практике более или менее отдаленного прошлого, что затрудняет их применение подразделениями УР ОВД на современном этапе.

Во-вторых, происходящие изменения в нормативно-правовой базе, реформирование МВД России требуют совершенствования организации и тактики раскрытия убийств прошлых лет.

Отсутствие в современной специальной литературе обобщенных результатов, выводов и новых практических комплексных рекомендаций и методик по раскрытию убийств прошлых лет также вносят определенные сложности в работу подразделений УР ОВД.

Решение вопроса качественного улучшения ситуации с раскрытием убийств прошлых лет, по нашему мнению, связано с необходимостью обязательного построения упорядоченной системы сведений по конкретным делам об убийствах прошлых лет, способствующих выбору при планировании организационных и тактических мер, направленных на их раскрытие. Фактором, способствующим построению такой системы сведений, является оперативно-разыскная характеристика убийств прошлых лет.

В отечественной теории оперативно-разыскной деятельности начало исследований института оперативно-разыскной характеристики вида преступлений приходится на конец 70-х гг. прошлого века. В этот период появились публикации, содержащие первые попытки исследовать сущность противоправных деяний. Однако единого взгляда на то, что наиболее правильно и полно описывает сущность и передает специфику противоправных действий в рамках оперативно-разыскной деятельности, до настоящего времени не существует.

Более того, следует отметить, что некоторые ученые в области криминалистики отрицают необходимость существования самого понятия «оперативно-разыскная характеристика», так как, по их мнению, оно включает в себя все иные характеристики криминальных событий – криминологическую, криминалистическую, психологическую и другие [3].

В свою очередь ученые-теоретики ОРД отстаивают самостоятельность этого института, отмечая специфические закономерности ОРД как особого вида социальной практики и наличие соответствующей ей теории [4].

В науке оперативно-разыскной деятельности для характеристики отдельных групп или видов преступлений в большинстве случаев используются понятия «оперативно-разыскная характеристика преступлений» и «оперативно-тактическая характеристика преступлений». С одной стороны, они идентичны и фактически являются лексическими дублетами, с другой – существует точка зрения о приоритете оперативно-разыскной характеристики как наиболее полно отражающей интересы теории ОРД [5].

При таком подходе оперативно-тактическая характеристика служит, в первую очередь, «теоретической и информационной базой для разработки основных тактических приемов предупреждения и раскрытия преступлений» [6], а оперативно-разыскная характеристика, наряду с элементами первой, содержит информацию, позволяющую принять решение, лежащее в том числе и в организационно управленческой плоскости [7].

В современной юридической литературе представлены разнообразные определения рассматриваемых характеристик. Все они включают в себя те или иные аспекты конкретных видов или групп преступлений, позволяющих принять научно обоснованное решение, необходимое для эффективной и целенаправленной борьбы с преступностью. Однако приведенный перечень взглядов далеко не полно отражает имеющийся в науке спектр мнений.

В рамках данной статьи мы не планируем сравнивать «оперативно-тактическую характеристику преступлений» и «оперативно-разыскную характеристику преступлений», полагая, что в теории оперативно-разыскной деятельности право на существование имеют обе. Согласимся с тем, что рассматриваемые характеристики, имея общую методологическую основу, отличаются друг от друга лишь по объему содержания [8].

Вместе с тем, считаем, что понятие «оперативно-разыскная характеристика» по своей структуре более объемное, в отличие от оперативно-тактической характеристики преступлений, а изучение широкого спектра структурных элементов в целом способствует наиболее полному пониманию произошедшего криминального события.

Согласимся и с мнением В.Г. Неклюдова, полагающего, что система сведений, составляющих содержание оперативно-разыскной характеристики преступлений, не может быть представлена универсальной и статичной структурой, пригодной для всех видов преступлений и абсолютной во временном отношении [9].

В различных определениях понятия оперативно-разыскной характеристики общими являются находящиеся во взаимосвязи сведения об уголовно-правовых, криминологических, криминалистических, психологических и других аспектах, зависящих от особенностей вида или группы преступлений, по сути своей образующих систему познания этого вида или группы преступлений. Следует отметить, что данные сведения могут быть получены из различных источников, в том числе и в результате проведения оперативно-разыскных мероприятий.

Система (от греч. *systema* – целое, составленное из частей) – множество элементов, находящихся в отношениях друг с другом, образующих определенную целостность, единство [10]. В широком смысле систему можно определить как любую сущность, концептуальную или физическую, которая состоит из взаимосвязанных частей [11].

Мы придерживаемся мнения профессора А.Г. Маркушина о том, что «познание сложного целого – процесс исключительно сложный и трудоемкий... Для этого необходимо использовать системный подход. Это специальное направление методологии познания социальной практики, подход, в основе которого лежит рассмотрение объектов как систем. Он ориентирует на раскрытие целостности объекта, на выявление многообразных видов связей в нем и сведение их в единую теоретическую картину... Руководствуясь системным подходом,

необходимо проводить системный анализ как совокупность методологических средств, используемых для подготовки и обоснования решений по сложным проблемам любой социальной деятельности, в том числе правоохранительной... Основная процедура – построение обобщенной модели, отображающей взаимосвязи с реальной ситуацией» [10].

По нашему мнению, необходимо выделить следующие основные элементы, определяющие содержание оперативно-разыскной характеристики убийств прошлых лет:

- состояние, динамика и структура;
- уголовно-правовая характеристика;
- характеристика личности преступника;
- характеристика личности жертвы;
- способы совершения преступления и сокрытия его следов;
- место совершения преступления;
- время совершения преступления;
- время, прошедшее с момента совершения преступления.

В данной статье мы не будем акцентировать внимание на каждом элементе представленной нами оперативно-разыскной характеристики, а отметим отдельные результаты проведенного нами исследования. Так, на сегодняшний день, убийствами прошлых лет необходимо считать те нераскрытые преступления, предусмотренные ст. 105–108 УК РФ, следствие по которым на начало отчетного периода приостановлено по п. 1–3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, то есть когда не установлено лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого, подозреваемый или обвиняемый скрылся от следствия либо его местонахождение не установлено по иным причинам, местонахождение подозреваемого или обвиняемого известно, однако реальная возможность его участия в уголовном деле отсутствует.

Предполагаемым преступником является человек, не имеющий семьи (84,7%), местный житель (82,1%), безработный или имеющий временную работу (78,6%), злоупотребляющий алкоголем (65,7%), ранее судимый (52,3%) мужчина в возрасте

от 18 до 50 лет (44,1% – в возрасте от 30 до 50 лет, 37,4% – от 18 до 30 лет), имеющий начальное, основное общее или среднее общее образование (34,8% и 39,6%).

Жертва преступления – местный житель (78,3%), холостой или разведенный (41,9%) мужчина (64,2%) в возрасте от 18 лет и старше (33,1% – в возрасте старше 50 лет, 26,3% – от 30 до 50 лет, 24,9% – от 18 до 30 лет), злоупотребляющий алкоголем (30%), имеющий начальное, основное общее и среднее общее образование (59,6%), не имеющий на момент совершения преступления постоянной работы (29,7%).

6,8% убийств совершено с применением огнестрельного оружия, 4,9% – с применением холодного оружия, 0,3% – с применением взрывных устройств, 0,1% – с применением ядовитых веществ, остальные 87,9% убийств совершены с применением физической силы, предметов хозяйственно-бытового назначения и иных предметов, использованных в качестве орудий (палки, кирпичи, арматура и др.).

Подавляющее большинство убийств совершается в крупных населенных пунктах – городах (около 83%) и значительно меньше в небольших – поселках, селах, деревнях (17,1%). В жилых домах, квартирах, общежитиях и иных жилых помещениях совершено 56,2% убийств, в общественных местах – 21,8%, на улицах – 15,6%, в иных местах – 6,4%.

15,9% убийств совершаются в понедельник, 12,9% – во вторник, 13,2% – в среду, 9,2% – в четверг, 13,9% – в пятницу, 18,1% – в субботу, 16,8% – в воскресенье.

15,6% из них совершены в период с 00 до 06 часов, 14,3% – с 6 до 12 часов, 25,7% – с 12 до 20 часов, 15,8% с 20 до 24 часов. В 28,6% случаях убийств точное время совершения преступления по различным причинам (мумифицирование, гниlostные изменения и т. п.) установлено не было.

В заключение отметим, что оперативно-разыскная характеристика убийств прошлых лет как система упорядоченных взаимосвязанных и взаимозависимых сведений, почерпнутых из различных информационных источников, отражающих содержание

вышеперечисленных элементов, должна выстраиваться на основе тщательного анализа сотрудником УР ОВД оперативных и следственных материалов и в обязательном порядке учитываться им при планировании рациональных мер, направленных на скорейшее раскрытие убийств прошлых лет и привлечение виновных лиц к уголовной ответственности, что, в свою очередь, полагаем, сможет улучшить ситуацию с раскрываемостью преступлений данной категории.

Примечания

1. Выступление В.В. Путина на расширенном заседании Коллегии МВД России // Сайт Администрации Президента России. 2019. URL: [http:// kremlin.ru/events/president/news/](http://kremlin.ru/events/president/news/) (дата обращения: 14.01.2019).

2. *Назимов В.Ю.* Вопросы теории и практики расследования и раскрытия убийств прошлых лет: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2005; *Фирсов Г.Е.* Организационно-тактические основы раскрытия убийств прошлых лет органами внутренних дел (по материалам Украинской ССР): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 1974; *Фирсов Г.Е., Коханов В.А., Слободин Б.З.* Организационно-тактические особенности раскрытия убийств прошлых лет. Москва, 1980; и др.

3. *Танасевич В.Г., Образцов В.А.* О криминалистической характеристике преступлений // Вопросы борьбы с преступностью. Москва, 1976. Вып. 25; *Васильев А.Н., Яблоков Н.П.* Предмет, система и теоретические основы криминалистики. Москва, 1984; *Белкин А.Р.* Теория доказывания: научно-методическое пособие. Москва, 1999; и др.

4. *Гребельский Д.В.* О соотношении криминалистической и оперативно-розыскной характеристик // Криминалистическая характеристика преступлений. Москва, 1984; *Блинов В.Н., Горшков А.А., Гуров А.Н.* Оперативно-тактическая характеристика рецидивной преступности. Москва, 1984; Основы оперативно-розыскной тактики органов внутренних дел / под ред. В.М. Аتماжитова. Москва, 1986; и др.

5. *Абрамов А.М.* Агентурно-оперативная работа по раскрытию аппаратами уголовного розыска мошеннических посягательств на личную собственность граждан: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 1987. С. 12–14; *Горяинов К.К.* Общая характеристика преступлений. Москва, 1980. С. 9; *Гребельский Д.В.* О соотношении криминалистических и оперативно-розыскных характеристик преступлений // Криминалистическая характеристика преступлений. Москва, 1984. С. 72–73; и др.

6. *Абрамов А.М.* Агентурно-оперативная работа по раскрытию аппаратами уголовного розыска мошеннических посягательств на личную собственность граждан: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 1987.

7. *Ганичкин В.М.* О понятии оперативно-розыскной характеристики преступлений, связанных с подделкой документов // Полицейское право. 2006. № 1 (15). С. 102–104.

8. *Степанов О.П.* Совершенствование оперативно-розыскных мероприятий раскрытия имущественных преступлений, совершенных группой несовершеннолетних: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 1991.

9. *Неклюдов В.Г.* Общие положения предупреждения оперативными аппаратами органов внутренних дел массовых беспорядков на почве межнациональных конфликтов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 1992.

10. *Маркушин А.Г.* Основы управления в органах внутренних дел: учебное пособие. 4-е изд., доп. и перераб. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2012.

11. *Акофф Р.Л.* Системы, организации и междисциплинарные исследования «Системные исследования». Москва, 1969.

Р.А. Пономарева,
адъюнкт очной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России.

Научный руководитель –
д.ю.н., к.т.н., профессор *В.И. Шаров*

ЗАШИФРОВКА ЦЕЛИ С ПОЗИЦИИ СИСТЕМНО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНОГО ПОДХОДА

С точки зрения методологии любая деятельность, будь то самая простейшая, такая как шопинг, к которой обыватель относится как к времяпрепровождению, или, наоборот, оперативно-разыскная, в которой каждый элемент строго регламентирован и законодательно определен, имеет единую структуру и развивается в строго определенном исполнителем порядке. Принципы такого синтеза заложены в концепции системно-деятельностного подхода, основанного на анализе принципов организации памяти в русле когнитивной психологии, базирующейся на компьютерной метафоре (образа человека как автомата по переработке информации) [1]. Данное понятие было введено в научный оборот в 1985 г. советским психологом доктором психологических наук, профессором Александром Григорьевичем Асмоловым. Понятием системно-деятельностного подхода Александр Григорьевич попытался объединить и взаимодополнить общенаучные и частнонаучные методологии. И если в рамках общенаучной методологии он ввел в оборот унификационные элементы деятельности, присущие разным конкретным наукам, то в частнонаучной методологии он поработал с этимологией такой категории, как «деятельность», в психологическом аспекте через призму изучения мотивов человека.

Истоками работ Асмолова считаются труды А.Н. Леонтьева «Деятельность. Сознание. Личность» (1975), Э.Г. Юдина «Системный подход и принцип деятельности» (1977), которые рассматривали понятие «деятельность» с точки зрения психологической науки, как основание движения психологических процессов в человеке, обществе. Именно теория мотивов, побудителей к деятельности дала такой мощный рост востребованности изучения понятия «деятельность».

С позиции системно-деятельностного подхода любой вид деятельности человека состоит из элементов, начиная от мотива и постановки цели, заканчивая реализацией поставленной цели, причем классификация деятельности у разных авторов в зависимости от вида исследуемой деятельности и в связи с узконаправленностью исследования варьируется. Некоторые элементы упраздняются, другие, напротив, становятся центрообразующими. Но если брать наиболее общую модель деятельности, то объективно она подходит к абсолютно любому механизму целеполагания.

Основная идея системно-деятельностного подхода состоит в том, что новые знания не даются в готовом виде [2].

Системно-деятельностный подход предполагает при изучении любых феноменов психики и проектировании разных сфер социальной практики выделение в качестве методологических инструментов следующих планов анализа систем:

- мотивационного;
- интенционально-целевого;
- операционально-технологического;
- ресурсно-энергетического;
- субъектного [3, с. 57].

В любой модели деятельности, исходящей из различных отраслей знаний, где человек, его существование и действия служат объектом изучения (биология, психология, юриспруденция и т. д.), присутствует унифицированная модель элементов или структуры деятельности, состоящая из:

- субъекта – исполнителя деятельности;
- объекта – того, на что направлена деятельность исполнителя;

- мотива – побуждения к деятельности, связанного со стремлением к удовлетворению потребностей субъекта;
- цели – образа того результата, на достижение которого направлена деятельность;
- средств-приспособлений, способов и приемов, при помощи которых достигается цель;
- действий – конкретных этапов достижения поставленной цели;
- результата – окончания деятельности.

Закономерно, что оперативно-разыскная деятельность (далее – ОРД) состоит из вышеупомянутых элементов. При классификации по содержанию деятельности оперативного работника при непосредственной работе, а именно документировании преступления, деятельность будет состоять из следующих элементов: субъект, объект, мотив, цель, средства, способности, действия, результат.

В науке ОРД каждый элемент имеет строгую последовательность, нормативную регламентацию и документирование отдельных действий. Отличительными признаками ОРД также являются закрытый тип всех стадий процесса, наличие специального субъекта, ограничительная сущность деятельности (круг участников строго определен), при которой только исполнитель имеет полную картину всех процессов и элементов при реализации своей деятельности. Несмотря на вышеупомянутый закрытый характер деятельности, многие элементы ОРД находятся в открытом доступе и, более того, располагаются в основном законе исследуемых понятий.

Вопреки наличию данных о таком понятии, как «зашифровка цели», нет единой концепции понимания его места в системе ОРД. Таким образом, встает вопрос о принадлежности исследуемого понятия к системе, его характерных признаках, роли и функционале.

Для рассмотрения подобной коллизии мы обратились к доктринальным позициям ученых различных отраслей права, которые относят понятие к следующим категориям системы.

Легендирование как тактический прием происходит из криминалистических начал, в части криминалистической тактики.

Так, например, Анатолий Рафаилович Белкин, российский юрист, специалист в области уголовно-процессуального права, криминалистики и судебной экспертизы, считает, что: «Всякая, даже сложная тактическая комбинация в конечном счете представляет собой систему тактических приемов, некоторые из которых имеют прямую связь с приемами оперативно-розыскной тактики. Это относится, пожалуй, в первую очередь, к такому ее приему, как легендирование, то есть использование легенды – вымышленного события, тех или иных обстоятельств, фактов или иных вымышленных данных, преследующее цель дезинформации определенных лиц в процессе оперативной проверки или иных ОРМ, широко используется в оперативно-розыскной деятельности» [4, с. 168].

Андрей Евгеньевич Чечетин (доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заместитель начальника Управления конституционных основ уголовной юстиции Секретариата Конституционного Суда) относит легендирование к методам ОРД, наряду с такими понятиями, как: «разведывательный опрос», «оперативное наблюдение», «оперативный осмотр», «оперативное распознавание», «агентурный метод», «оперативная комбинация», «экспериментальный метод», «метод аналитической разведки», «метод контроля сетей электросвязи» [5, с. 31–37].

Но стоит заметить, что автор допускает смешение методов оперативно-розыскной деятельности с оперативно-розыскными мероприятиями, указанными в ст. 6 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [6] (далее – ФЗ об ОРД). Ранее, имеется в виду до 1992 г. и 1995 г. соответственно (даты принятия Закона РФ «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации» и Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»), когда законодателем не был закреплен статус отдельных методов, такая градация имела смысл, но с принятием ФЗ об ОРД статус таких методов ОРД, как скрытое наблюдение, разведывательный опрос, оперативный осмотр, изменился и приобрел ранг отдельных ОРМ, указанных в ст. 6 ФЗ об ОРД, в качестве понятий

«наблюдение», «опрос», «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» [4].

Как нам представляется, каждый метод ОРД (способ, прием) должен обладать «самостоятельностью» с точки зрения его применения. В связи с этим недопустимо, на наш взгляд, именовать методом ОРД разведывательный опрос, оперативное наблюдение, учитывая, что опрос, наблюдение законодатель закрепил в качестве самостоятельных ОРМ. Методы ОРД должны дополнять структуру ОРД, но не подменять собой ОРМ. В связи с этим предложенная автором трактовка статуса перечисленных им понятий имеет право на существование, но в качестве исторического факта.

Также легендирование может иметь и самостоятельное значение. Борис Георгиевич Морохин, ученый в области отечественной теории оперативно-разыскной деятельности, определял понятие «зашифровка цели», или «легендирование», в качестве независимого явления, которое довольно широко применяется в агентурной работе, зашифрованных разведывательных опросах, при организации постов скрытого наблюдения, при осуществлении зашифрованных осмотров. Он рассматривал легендирование как самостоятельный способ в тех случаях, когда оно обеспечивает зашифровку негласных сотрудников, использование секретных средств оперативной техники.

Легендирование как средство следует из трактовки основного закона – ФЗ об ОРД, где при формулировании регламентации порядка осуществления гласных и негласных видов деятельности используются понятия «средства» и «методы». И если мы ставим понятие «зашифровка цели» в качестве одной из разновидностей осуществления деятельности по аналогии с понятиями «гласные и негласные средства и методы», то можно говорить о том, что и зашифровка цели также является средством.

Таким образом, при рассмотрении понятия «зашифровка цели» при взгляде ученых с различных позиций можно выделить данное понятие в качестве следующих категорий деятельности:

- как тактический прием;
- как метод;

- как самостоятельная категория;
- как средство.

Причинами такой коллизии, на наш взгляд, могли стать такие причины, как отсутствие четкой систематизации в законодательных источниках открытого и закрытого типа, подмена понятий «конспирация», «легендирование», «зашифровка цели» и отсутствие точной трактовки понятий.

На доктринальной основе исследуемая проблематика жива и актуальна, что дает почву для дискуссий. На основании вышеупомянутого можно сделать закономерный вывод по решению проблематики кодификацией норм; систематизацией ОРД с применением позиций системно-деятельностного подхода; разграничением понятий «конспирация», «легендирование», «зашифровка цели» посредством толкования и наделения каждого отличительными признаками или же упразднением синонимичных понятий ненаучного толка из профессионального оборота на законодательной основе.

Примечания

1. *Асмолов А.Г.* Принципы организации памяти человека: системно-деятельностный подход к изучению познавательных процессов. Москва, 1985.

2. *Петерсон Л.Г.* Деятельностный метод обучения: образовательная система «Школа 2000...» // Построение непрерывной сферы образования. Москва, 2007.

3. Культурно-историческая системно-деятельностная парадигма проектирования стандартов школьного образования / А.Г. Асмолов, Г.В. Бурменская, И.А. Володарская, О.А. Карбанова, Н.Г. Салмина // Вопросы психологии. 2007. № 4.

4. *Белкин А.Р.* Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. Москва, 2005.

5. *Чечетин А.Е.* Оперативно-розыскные мероприятия: понятие, сущность, структура: препринт. Барнаул, 2004.

6. Об оперативно-розыскной деятельности: федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (ред. от 06.07.2016) (ст. 6). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.12.2018).

Я.С. Пятышев,
старший преподаватель
кафедры оперативно-разыскной деятельности
НА МВД России.

Научный руководитель –
к.ю.н., доцент *Я.Д. Абдуллаев*

ПОРЯДОК ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ О НАЛОГОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ НЕОБОСНОВАННО УСЛОЖНЕН

Законодатель достаточно часто реформирует процессуальный порядок стадии возбуждения уголовного дела. Однако часто вновь вводимые нормы представляют собой возврат к ранее действовавшим. Это создает впечатление, что до настоящего времени у законодателя не сложилось однозначного понимания о том, как должны развиваться правоотношения на начальном этапе уголовного судопроизводства.

Одним из наглядных примеров подобной ситуации является вновь введенный в конце 2014 г. порядок возбуждения уголовных дел о налоговых преступлениях [1], который, по сути, снова позволил правоохранительным органам самостоятельно проводить выявление налоговых преступлений, не дожидаясь в этом вопросе решения налогового органа.

Отметим, что предыдущий порядок правоотношений на этапе возбуждения уголовного дела о признаках налоговых преступлений был таков, что поводом к возбуждению дела по данной категории преступлений могли быть только результаты деятельности налоговых органов. Согласно существовавшему ранее порядку возбуждения уголовного дела о налоговых преступлениях налоговые органы должны были, выявив

признаки налогового преступления, информировать об этом правоохранительные органы. Последние, в свою очередь, должны были провести проверки предоставленных материалов и в случае обнаружения признаков преступления возбудить уголовное дело.

Можно констатировать, что законодатель предусмотрел для налоговых деликтов двойную проверку – сначала силами налоговых органов, а затем – правоохранительных – по одним и тем же фактам.

Возникает вопрос о том, повысилась ли эффективность выявления налоговых преступлений или нет? Ответить на него можно однозначно – нет. Обратимся к правовой статистике. Согласно статистическим данным Судебного департамента при Верховном Суде, в 2011 г. количество осужденных граждан за налоговые преступления составило 662 человека, что значительно меньше аналогичных показателей 2010 г., когда данный показатель составлял 1039 человек. В последующие 2012, 2013 и 2014 гг. рассматриваемое количество находилось примерно на одном уровне и составило соответственно 519, 449 и 452 человека [2].

Подобные статистические показатели наглядно демонстрируют ущербность специального повода для возбуждения налоговых преступлений и отсутствие необходимых полномочий налоговых органов по выявлению налоговых преступлений, поскольку правом производства оперативно-разыскных мероприятий они не обладают. Кроме того, можно предположить существование еще одного обстоятельства, повлекшего снижение регистрируемых налоговых преступлений, – передачу подследственности по данной категории уголовных дел от следователей ОВД к следователям Следственного комитета.

Изменение порядка возбуждения уголовного дела о налоговых преступлениях и подследственности данных преступлений повлекло также реформирование органов, осуществлявших выявление налоговых преступлений, – подразделений по налоговым преступлениям органов внутренних дел, которые осуществляли активный поиск и выявление налоговых преступлений оперативно-разыскным путем.

Произошедшее сокращение количества выявляемых налоговых преступлений было предметом обсуждения на самом высоком уровне [3]. Более того, даже Президент Российской Федерации в своих интервью неоднократно затрагивал тему налоговых преступлений, отмечая при этом, что возвращения к имевшему место порядку государство допустить не должно [3].

Законодатель был вынужден находить компромисс в регуляции процессуальных основ возбуждения налоговых преступлений, который, с одной стороны, исключил бы монополизм налоговых органов в вопросе их выявления, а с другой – не позволил бы правоохрнительным органам «кошмарить бизнес».

Таким образом, изменения ст. 144 УПК РФ стали носить, половинчатый характер – разрешено активное самостоятельное выявление налоговых преступлений правоохрнительными органами и сохранено участие налоговых органов в вопросе оценки факта совершения налогового преступления.

С одной стороны, законодатель отказался от специального повода к возбуждению уголовного дела в виде решения налоговых органов о направлении материалов правоохрнительным органам с признаками налоговых преступлений. Органы дознания теперь могут самостоятельно оформлять повод для возбуждения уголовного дела, то есть принимать решение о готовности оперативных материалов для реализации посредством направления материалов органам Следственного комитета Российской Федерации для возбуждения уголовного дела о налоговом преступлении.

Вместе с тем, органам дознания запрещено самостоятельно возбуждать уголовные дела данной категории и проводить по ним неотложные следственные действия.

Налоговые органы, как отмечалось, не полностью отстранены от вопроса выявления налогового преступления, поскольку на следователя возлагается обязанность информирования о признаках предполагаемого налогового преступления вышестоящего налогового органа. В этой информации следователь должен не только представить расчет недоплаченных

налогов, но и обосновать его приложением необходимых документов.

Налоговый орган, в свою очередь, должен провести налоговую проверку деятельности предполагаемого нарушителя налогового законодательства и сообщить следователю о выявленных нарушениях законодательства о налогах и сборах.

Значение, которое придал законодатель данной новелле, не совсем понятно. Это отмечается рядом исследователей. Так, М.Т. Аширбекова [4, с. 27] считает, что это позволяет следователю и налоговым органам проверить взаимные расчеты, что исключает случаи неправильного расчета недоимки по налогам.

На практике отношение к акту налоговой проверки иное – она является одним из документов доследственной проверки, следовательно, не может быть принята в расчет в качестве полноценного доказательства при формулировании обвинения. Кроме того, вышестоящий налоговый орган использует предоставленные следователем материалы и материалы нижестоящего налогового органа, если им проводилась проверка исполнения законодательства о налогах и сборах.

Анализ статистических данных позволяет констатировать, что изменение порядка возбуждения уголовных дел о налоговых преступлениях не возвратил правоохранительную практику к существовавшим до 2011 г. показателям. Так, за 2015 г. за совершение налоговых преступлений было осуждено 537 человек [2]. С одной стороны, рост количества осужденных произошел (напомним, что в 2014 г. были осуждены 452 человека), однако он явно был не такой, на который надеялся законодатель.

В своем интервью «Российской газете» Председатель следственного комитета Российской Федерации А.И. Бастрыкин заявил, что в 2015 г. существенно повысился уровень выявления налоговых махинаций, увеличились объемы поступающих в госказну платежей. Количество возбужденных дел об уклонении от уплаты налогов возросло на 68% [5]. Однако мы понимаем, что при изменении порядка возбуждения уголовных дел о налоговых преступлениях расчет был на повышение выявляемости

налоговых преступлений в разы, а не на скромные 68%. Напомним, что по заявлениям МВД России в 2015 г. в связи с экономическим кризисом в России произошел рост преступлений экономической направленности на 4% [6].

Практика деятельности органов следственного комитета Российской Федерации свидетельствует о том, что следователи при расследовании уголовных дел о налоговых преступлениях нацелены в первую очередь на склонение подозреваемых и обвиняемых к полной уплате налоговой задолженности [7] и прекращению уголовного дела по правилам ч. 1 ст. 28.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), поскольку показатель возмещения ущерба является одним из главных при оценке рейтинга подразделений следственного комитета Российской Федерации. Именно поэтому до суда доходит незначительное количество уголовных дел. Тем не менее, еще раз акцентируем внимание на том, что рост выявляемых преступлений после внесения изменений в 2014 г. произошел не в таком объеме, как ожидалось.

Представляется, что законодатель, формулируя новые положения ст. 144 УПК РФ в части проведения проверок о совершении налоговых преступлений, предполагал повысить эффективность взаимодействия налоговых органов, органов предварительного следствия следственного комитета Российской Федерации и оперативных подразделений ОВД. Кроме того, он планировал сделать данную деятельность более прозрачной, поскольку в механизм возбуждения уголовного дела включаются различные государственные органы. Вместе с тем, повышение прозрачности неминуемо повлекло к усложнению документооборота и деятельности следователя на этапе возбуждения уголовного дела.

Анализируя новый порядок возбуждения уголовного дела о налоговом преступлении, следует рассмотреть вопрос о доказательственном значении заключения налогового органа, которое должно представляться следователю в течение 15 суток с момента уведомления следователя налогового органа о признаках преступления.

По своему процессуальному значению данное заключение имеет статус заключения специалиста, причем новой доказательственной информации по отношению к признакам преступления оно содержать не может. Суть этого заключения состоит лишь в том, чтобы подтвердить правильность выводов следователя (или органа дознания) о наличии налоговой задолженности и констатации отсутствия возражений налогоплательщика или налогового агента по установленным суммам недоплаты.

Вместе с тем, законодатель предусмотрел максимальный срок производства исследования на этапе возбуждения уголовного дела – 15 суток, что не всегда может быть исполнено на практике – вышестоящий налоговый орган вряд ли будет проводить данную проверку самостоятельно, и всегда ее «спустит» нижестоящему налоговому органу для исполнения. Как известно, документооборот между двумя подразделениями даже одного государственного органа не всегда осуществляется оперативно, и в практической деятельности этому есть примеры. Кроме того, отметим, что налоговые органы осуществляют свою деятельность в соответствии с Налоговым кодексом Российской Федерации, который предусматривает сроки проведения камеральных и выездных налоговых проверок 3 и 2 месяца соответственно. Вряд ли налоговики будут всегда успевать проверять предоставленные им следователем документы (по сути, проводить камеральные проверки) в срок 15 суток.

Именно поэтому законодатель установил право следователя возбуждать уголовное дело о налоговом преступлении в отсутствие готового заключения налогового органа при наличии повода и оснований для возбуждения уголовного дела. Однако данная норма фактически исключает заключение налогового органа из числа документов, содержащих основание возбуждения уголовного дела, а сам налоговый орган – из механизма оценки достаточности материалов доследственной проверки для возбуждения уголовного дела. Это ставит вопрос о том, зачем законодатель отвел столь значимое место в норме УПК РФ взаимоотношениям следственных и налоговых органов на этапе возбуждения уголовного дела (направление запроса с приложением

расчетов налоговых недоплат, проверка правильности расчета, информирование следственного органа и т. п.), если решение следователь может принять без готового заключения налогового органа?

Полагаем, что указанные отношения налоговых и правоохранительных органов достаточно было бы отразить в совместном приказе об организации взаимодействия, который уже устанавливал общие правила взаимодействия между МВД России, Следственным комитетом Российской Федерации и Федеральной налоговой службой до принятия изменений ст. 144 УПК РФ [8].

Также вызывает обоснованные сомнения целесообразность определения предельного срока проведения исследования налоговым органом, оформляемого заключением вышестоящего налогового органа. Как отмечалось, это заключение имеет статус специалиста, однако в отношении других заключений специалиста, заключений эксперта и в отношении получения доказательств по делам других категорий законодатель подобные сроки не установил. Как правило, они определяются ведомственными инструкциями государственных органов, имеющих соответствующие экспертные подразделения или сотрудников – носителей специальных знаний, если должностными регламентами им вменена обязанность давать рассматриваемые заключения.

Поэтому следовало бы, по нашему мнению, срок подготовки заключения установить в ведомственной инструкции Федеральной налоговой службы о порядке производства документальных проверок, а в УПК РФ для этого достаточно требований, предусмотренных ст. 6.1.

Резюмируя, можно сформулировать следующий вывод: наличие в УПК РФ особого порядка возбуждения уголовного дела о налоговом преступлении создает излишнюю неопределенность на данном этапе правоохранительной деятельности, предпосылки для признания собранных доказательств по делу недопустимыми в случае признания невыполненным порядка возбуждения уголовного дела по данной категории преступлений, а в итоге – не позволяет наполнить государственный бюджет в и без того сложное время экономического кризиса.

Примечания

1. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 22 октября 2014 г. № 308-ФЗ. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201410220023> (дата обращения: 14.01.2019).

2. Сайт Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 14.01.2019).

3. Заседание наблюдательного совета Агентства стратегических инициатив 14 ноября 2013 года // URL: <http://www.kremlin.ru/news/19625> (дата обращения: 14.01.2019).

4. *Аширбекова М.Т.* Новый порядок возбуждения уголовного дела по налоговым преступлениям // *Законность*. 2015. № 1.

5. Сайт «Российская газета». 1998–2019. URL: <https://rg.ru/2016/01/15/bastrykin.html> (дата обращения: 15.01.2019).

6. Сайт «Газета. Ру». 1999–2019. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2016/01/22/8036075.shtml> (дата обращения: 15.01.2019).

7. Об утверждении Инструкции по организации контроля за фактическим возмещением ущерба, причиненного налоговыми преступлениями: приказ Генпрокуратуры России № 286, ФНС России № ММВ-7-2/232@, МВД России, СК России от 8 июня 2015 г. // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 15.01.2019).

8. О создании межведомственных рабочих групп: приказ ФНС России, СК России и МВД России от 3 сентября 2013 г. № ММВ-7-4/306/61/663@ // СПС «Гарант» (дата обращения: 15.01.2019).

Ю.В. Сидоркин,
адъюнкт заочной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России.

Научный руководитель –
к.ю.н., доцент *Е.П. Колодеев*

**ИЗМЕНЕНИЕ ХАРАКТЕРА
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ПОЛИЦИИ В УСЛОВИЯХ НАРАСТАНИЯ
РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ
В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX–
НАЧАЛЕ XX ВВ.**

Традиционные методы политической полиции по систематическому наблюдению и проведению последовательных арестов лиц, подозреваемых в подготовке и совершении государственных преступлений, не соответствовали реалиям времени. Явным доказательством бессилия политической полиции стала трагедия 1 марта 1881 г. Постепенно руководство полиции стало осознавать, что с противником необходимо вести скрытую борьбу, разрушать революционные организации изнутри. Открытое противостояние не приводило к устранению причин недовольства самодержавным режимом. Возникла необходимость в создании агентуры для изучения внутренней жизни радикального движения.

По предложению министра внутренних дел Д.А. Толстого 3 декабря 1883 г. было принято Положение об устройстве секретной полиции в Империи, которое предусматривало создание особых разыскных отделений в составе жандармских управлений и ведомств общей полиции [1, с. 216]. Руководство

секретной полицией поручалось жандармскому подполковнику Г.П. Судейкину. В скором времени после вступления в должность им был издан особый Циркуляр с изложением целей и задач нового органа: «1) возбуждать с помощью особых активных агентов ссоры и распри между различными революционными группами; 2) распространять ложные слухи, удручающие и терроризирующие революционную среду; 3) передавать через тех же агентов, а иногда с помощью приглашений в полицию и кратковременных арестов, обвинения наиболее опасных революционеров в шпионстве; вместе с тем, дискредитировать революционные прокламации и разные органы печати, придавая им значение агентурной, провокационной работы» [1, с. 216].

На основании этого документа была создана целая сеть отделений по охране государственного порядка и общественного спокойствия. Инспектору секретной полиции Г.П. Судейкину вручались колоссальные полномочия, ему подчинялись Московское и Петербургское охранные отделения, а также Московское, Харьковское, Киевское, Херсонское и Одесское жандармские управления. Начальники этих учреждений обязаны были по первому требованию сообщать инспектору секретнейшие сведения «как об организации, личном составе и стоимости состоящих в их заведовании агентур, так равно и о ходе розысков». Кроме того, Судейкин имел право напрямую вмешиваться в работу местных отделений: «а) вступать в непосредственное заведование местными агентурами, б) передвигать часть их личного состава из одной местности в другую подведомственного ему района и в) участвовать в решении вопроса об отпуске на расходы по этим агентурам денежных средств» [2, с. 379–380].

Деятельность политической полиции новой школы заключалась теперь не только в контроле за революционным движением, но и в манипуляции им.

Сам Судейкин демонстрировал удивительные способности в деле вербовки секретных сотрудников: он играл на человеческих слабостях, побуждая людей к легкой наживе, растравляя самолюбие, использовал любые лазейки, чтобы поколебать убежденность в политических взглядах своих агентов.

В 1898 г. в составе Департамента полиции был образован Особый отдел. С этого момента данное подразделение являлось ключевым в деле обеспечения внутренней безопасности. К компетенции отдела относилось все, что было связано с противодействием революционному движению. Можно выделить отдельные направления его деятельности:

- организация работы с внутренней и заграничной агентурой;
- перлюстрация писем, которая заключалась в тайном просмотре личной переписки участников и лиц, подозреваемых в участии в революционном движении;
- наблюдение за настроениями рабочих;
- выемка и систематизация всех антиправительственных печатных изданий (книг, прокламаций, брошюр и т. д.).

Особый отдел состоял из четырех делопроизводств, или «столов», каждый из которых отвечал за строго определенный круг вопросов:

- 1-й стол занимался расшифровкой служебной и перехваченной переписки революционеров;
- 2-й стол работал с заграничной агентурой;
- 3-й стол ведал организацией наблюдения за высшими и средними учебными заведениями, разработкой секретных сведений, относящихся к учащимся;
- 4-й стол отвечал за переписку, связанную с розыском и данными, полученными от проведения наружного наблюдения и осведомителей.

Изменились формы проведения политического сыска. Традиционная система проведения повальных обысков и скоропалительных арестов уступила место таким новым формам и методам работы, как наружное наблюдение и организация провокаций.

Наружное наблюдение заключалось в тщательно продуманной опеке над объектом наблюдения специально привлекаемыми для таких целей агентами – филерами. Основная задача филера заключалась в установке местонахождения наблюдаемого с последующим выяснением всех посещаемых им мест, изменений места проживания и распорядка дня, в установлении

его связей, круга общения, встреч на конспиративных квартирах и т. д. Полученная информация документировалась в специальных филерских дневниках и передавалась в соответствующее подразделение Департамента полиции не менее двух раз в неделю. Оперативная информация, зафиксированная филерами, играла важную роль в раскрытии преступлений против государства и задержании политических преступников и лидеров революционного движения. Серьезные заслуги в укреплении и методическом обеспечении этого направления полицейской службы принадлежали Е.П. Медникову.

В 1894 г. в составе Московского охранного отделения, возглавляемого на тот момент С.В. Зубатовым, был создан «летучий отряд филеров» или иногда называемый «особый отряд наблюдательных агентов». Возглавил это подразделение Е.П. Медников. Руководимые им агенты отличались высоким профессионализмом и отличными способностями к конспирации. Ввиду этого отряд Медникова часто действовался при проведении операций по всей Российской империи. В 1902 г. Медников был переведен в Департамент полиции и назначен заведующим всем наружным наблюдением в стране [3, с. 53–55]. 31 октября 1902 г. была принята единая специальная Инструкция филерам летучего отряда и филерам розыскных и охранных отделений. В документе подробно разъяснялись обязанности агентов, способы организации наблюдения, методы конспирации и другие обстоятельства, связанные с опекой над объектом, представляющим оперативный интерес [2, с. 381–382].

В борьбе с политическим терроризмом и революционным движением царские охранки активно прибегали к услугам агентов, занимающихся организацией провокаций. Провокаторы внедрялись в подпольные революционные организации, завоевывали доверие их участников, а в некоторых случаях даже становились их лидерами. Ярким примером такого рода является глава Боевой организации партии эсеров Евно Азеф, который одновременно являлся секретным сотрудником охранного отделения. Азеф, помимо организации терактов

и покушений в качестве руководителя боевого крыла эсеров, раскрыл и передал полиции множество революционеров, готовивших покушения на высших лиц государства. Более ранним примером деятельности агентов-provokаторов на службе у охранных отделений может служить ситуация, связанная с С.П. Дегаевым. В начале 80-х гг. Дегаев был завербован упоминаемым нами выше Г.П. Судейкиным и активно сотрудничал со своим куратором, устраивая провокации и выдавая активных участников «Народной воли» полиции. Однако Судейкин не подозревал Дегаева в ведении двойной игры и в 1883 г. был убит народовольцами на конспиративной квартире, где должен был встретиться со своим лучшим агентом. Важно заметить, что деятельность provokаторов официально являлась незаконной и даже в Инструкции по ведению наружного наблюдения высшие полицейские чины предостерегали своих подчиненных от использования провокационных приемов: «Состоя членами революционных организаций, секретные сотрудники ни в коем случае не должны заниматься так называемым «provokаторством», то есть сами создавать преступные деяния и подводить под ответственность за содеянное ими других лиц, игравших в этом деле второстепенные роли» [4, с. 53–62]. Данное предписание, кроме предостережения, раскрывает понятие этой формы розыскной работы.

Для получения информации о внутренней среде революционного движения политическая полиция прибегала к использованию так называемых агентов внутреннего осведомления, то есть осведомителей. Зачастую агентов вербовали из числа арестованных за политические преступления. Полиция тщательно подбирала лиц, склонных к сотрудничеству. Например, Инструкция по вербовке предусматривала склонять к конфиденциальному содействию тех, кто, «будучи убеждены в бесполезности своей личной революционной деятельности, нуждаются в деньгах и хотя не изменяют коренным образом своих убеждений, ради денег берутся просто продавать своих товарищей» [5, с. 196].

Необходимо отметить, что из всех вышеперечисленных категорий негласной агентуры в штат полицейских органов входили только агенты наружного наблюдения – филеры. Остальные агенты – провокаторы, осведомители – привлекались к содействию тайно и формально не относились к органам политической полиции.

Таким образом, в период правления Александра III удалось сформировать мощный аппарат полиции, осуществлявший политический сыск на современном уровне с использованием передовых методов оперативно-разыскной деятельности. Это позволило обеспечить на некоторое время относительное спокойствие в Российской империи, разгромив такую революционную организацию, как «Народная воля», и прекратив ненадолго совершение актов политического терроризма. Однако изменение организационных основ и характера деятельности карательных органов не могло способствовать установлению прочного порядка в государстве и обеспечить безопасность в обществе. Требовалось проводить кардинальные изменения в сущности политического строя. Всплеск революционной активности в начале XX в. подтвердил эти положения. На смену «Народной воле» пришли организации и политические партии, также избравшие основным методом борьбы с самодержавным строем политический террор. Одной из самых опасных являлась Партия социалистов-революционеров (эсеров) с ее знаменитым боевым крылом, осуществляющим террор, – Боевой организацией.

Примечания

1. Министерство внутренних дел России: 1802–2002. Исторический очерк: в 2 т. Т. 1. Санкт-Петербург, 2002.

2. *Пережудова З.И.* Политический сыск России (1880–1917). Москва, 2000.

3. *Спиридович А.И.* Записки жандарма. Харьков, 1928.

4. *Лурье Ф.М., Пережудова З.И.* Царская охранка и провокация // Из глубины времен. Санкт-Петербург, 1992. Вып. 1.

5. *Агафонов В.К.* Заграничная охранка. Петроград, 1918.

И.Л. Ситникова,
адъюнкт заочной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России.

Научный руководитель –
д.ю.н., профессор *Н.Н. Ковтун*

КОНСТИТУЦИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ. НУЖНЫ ЛИ КОРРЕКТИВЫ?

Проведенное реформирование пенсионной и налоговой сфер катализировало негативные настроения в обществе, направленные против существующей власти, в том числе распространение идеи относительно «колониального» характера Конституции Российской Федерации [1].

При этом обращается внимание на ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации, которая закрепляет приоритет общепризнанных принципов и норм международного права, международных договоров над нормами национального законодательства. Ссылаясь на нормы указанной статьи, общественные деятели указывают на влияние со стороны Международного валютного фонда, стран Европы и США на реализуемую в нашем государстве политику, в том числе и проведение названных выше реформ, связывая их с исполнением заключенных международных договоров, соблюдением принципов и норм международного права. Озвученные позиции наталкивают на вопрос о незащищенности национального законодательства перед нормами международного права, ставят под сомнение наличие суверенитета у нашего государства. В качестве выхода из сложившейся ситуации некоторые общественные деятели и представи-

тели российской правовой доктрины предлагают внести изменения или отменить данную статью Конституции Российской Федерации [2].

Действительно, Конституция Российской Федерации впервые в истории России, включив в состав правовой системы нашего государства международные договоры, общепризнанные принципы и нормы международного права, не определила их соотношение с законом, обладающим высшей юридической силой на территории Российской Федерации. До настоящего времени среди представителей российской правовой доктрины отсутствует единое мнение относительно данного вопроса. Среди представленных можно выделить идеи о верховенстве норм международного права над национальным законодательством, в том числе и Конституцией Российской Федерации [3, с. 3], либо их равенстве [4, с. 184–185]. Некоторые исследователи придерживаются мнения о приоритете Конституции Российской Федерации по отношению к нормам международного права [5].

Ответ на данный вопрос возможен лишь только после анализа норм Конституции Российской Федерации, действующего законодательства и судебной практики.

Конституцией Российской Федерации закреплена высшая юридическая сила, прямое действие и применение на всей территории Российской Федерации. Она ставится во главе всех национальных источников права, принимается в особом порядке, ее нормы обладают стабильностью (регламентация особого порядка пересмотра ее положений и внесения поправок). При этом охватываемый предмет конституционного регулирования шире предмета регулирования любого закона, не ограничивается строго определенным (унифицированным) объемом регулируемых правоотношений и может включить в себя любые социально значимые нормы. Таким образом, Конституция Российской Федерации выступает «основой» для принятия всех нормативных правовых актов, действующих на территории нашего государства, и в силу особой роли в системе права она не имеет заранее определенного места в системе источников права [6, с. 19–25].

Кроме того, Конституция Российской Федерации, в отличие от конституций, существовавших в разное время еще в период СССР, не содержит указания, что она является Основным законом Российской Федерации. На наш взгляд, отнесение Конституции Российской Федерации к одной из разновидностей законов приводит к неоднозначному пониманию ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации и порождает мнение о приоритете норм международного права и международных договоров по отношению к конституционным нормам. Однако, как утверждает А.Е. Гузий, указанная неопределенность конституционной нормы снимается, если Конституция Российской Федерации признается самостоятельным актом высшей юридической силы, а не особым видом закона – Основным законом [6, с. 19–25]. Для отражения ее особого места в системе источников права в качестве термина, тождественного конституции, следует употреблять термин «закон, обладающей высшей юридической силой».

Действующее законодательство содержит нормы, говорящие о невозможности противоречия норм международного договора Конституции Российской Федерации и ее высшей юридической силе. Так, если международный договор содержит правила, требующие изменения отдельных положений Конституции Российской Федерации, решение о согласии на его обязательность для Российской Федерации возможно в форме федерального закона только после внесения соответствующих поправок или пересмотра ее положений в установленном порядке [7].

Таким образом, заключение международных договоров, противоречащих закону, обладающему высшей юридической силой, вызывало бы сомнения относительно независимости нашего государства и противоречило бы принципу народовластия.

Некоторые исследователи к косвенному выводу о приоритете Конституции Российской Федерации относят закрепление ее на первом месте в качестве юридического источника, подлежащего применению судами, в нормах гражданского и уголовного законодательства Российской Федерации. Так, например, ст. 11 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации указывает нормы международного договора в качестве

источника гражданского процессуального права сразу после Конституции Российской Федерации [8, с. 233].

Анализ судебной практики также говорит о применении норм международных договоров, являющихся вследствие ратификации частью правовой системы Российской Федерации, лишь в случае противоречия их нормам федерального законодательства, но никак не в случае их несоответствия Конституции Российской Федерации [9].

Выводы о приоритете Конституции Российской Федерации относительно принципов и норм международного права и международных договоров неоднократно высказывались Конституционным Судом Российской Федерации в ряде решений, принятых по итогам рассмотрения дел. Учитывая нормативный характер решений высшего органа конституционного правосудия [10, с. 18], можно говорить о законодательной регламентации верховенства Конституции Российской Федерации относительно норм международного права и международных договоров.

Так, в ряде итоговых актов объективированы правовые позиции, говорящие о приоритете Конституции Российской Федерации в правовой системе Российской Федерации по отношению к любым правовым актам, действующим на территории нашего государства [11]. Кроме того, Конституционным Судом Российской Федерации была сформулирована правовая позиция о возможности реализации постановлений Европейского суда по правам человека, являющегося своего рода гарантом исполнения сторонами (какой является и Российская Федерация) Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней, лишь в соответствии со ст. 15 (ч. 4) Конституции Российской Федерации [12].

Таким образом, посредством указанных правовых позиций отмечается верховенство Конституции Российской Федерации по отношению и к заключенным международным договорам, и к общим принципам и нормам международного права, нашедшим свое выражение как в форме международного договора, так и в форме правового обычая, но имеющим юридическую силу договорно-правовых норм [13, с. 4–10].

Анализ компетенции высшего органа конституционного правосудия также позволяет говорить о верховенстве Конституции Российской Федерации относительно норм международных договоров.

В рамках законодательно закрепленной компетенции Конституционный Суд Российской Федерации по запросу специальных субъектов разрешает дела о соответствии Конституции Российской Федерации не вступивших в силу международных договоров Российской Федерации либо их отдельных положений (п. «г» ч. 2 ст. 125 Конституции Российской Федерации), которые в случае признания не соответствующими конституционным нормам не подлежат введению в действие и применению [7]. Однако проверка на соответствие Конституции Российской Федерации не вступивших в силу международных договоров не является обязательной процедурой, проводимой при заключении международного договора. В связи с этим, несмотря на значительное количество международных договоров, заключаемых Российской Федерацией, высший орган конституционного правосудия лишь дважды реализовывал предусмотренное полномочие.

Кроме того, с недавнего времени высший орган конституционного правосудия по запросу федерального органа исполнительной власти, наделенного компетенцией по защите интересов Российской Федерации при рассмотрении в межгосударственном органе по защите прав и свобод человека жалоб, поданных против Российской Федерации на основании международного договора, получил правомочие разрешать вопрос о возможности исполнения решения межгосударственного органа по защите прав и свобод человека (ЕСПЧ) [14].

Нельзя не отметить положительного значения правовых позиций высшего органа конституционного правосудия в сфере обеспечения верховенства Конституции Российской Федерации по отношению к нормам международного права, международных договоров, решений межгосударственных органов, защиты суверенитета и национальных интересов нашего государства. Однако, учитывая то, что правовые позиции представляют собой

аргументированные выводы по определенной проблеме, к которой пришел суд при разрешении конкретного дела [15, с. 17], носят в основном субъективный характер и могут изменяться на каждом новом этапе развития общества [16, с. 133], невозможно предугадать, какую позицию займут судьи высшего органа конституционного правосудия и какие политические и социально-экономические условия, существующие на момент принятия Конституционным Судом Российской Федерации своего решения, будут приняты ими во внимание.

Таким образом, можно найти достаточно аргументов, свидетельствующих о приоритете норм Конституции Российской Федерации над общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами. Устранение неясности формулировок статей Конституции Российской Федерации и действующего законодательства, которые порождают сомнения относительно верховенства закона, обладающего высшей юридической силой, на наш взгляд, возможно лишь посредством реализации высшим органом конституционного правосудия полномочий по толкованию ст. 15 Конституции Российской Федерации, осуществляемому по запросу уполномоченных субъектов. Отсутствие коллизионных взглядов относительно иерархии источников права Российской Федерации в определенной мере способствует эффективной работе органов государственной власти, защите прав и законных интересов граждан.

Примечания

1. Верховенство международного права. URL: <http://rusnod.ru/index/o-dvizhenii/voprosy-i-otvety-po-nod/verhovenstvo-mezhdunarodnogo-prava/> (дата обращения: 21.01.2019).

2. Исправленному – верить. URL: <https://rg.ru/2015/04/28/bastrykin.html> (дата обращения: 21.01.2019).

3. Российская правовая система и международное право: современные проблемы взаимодействия: материалы Всероссийской научно-практической конференции // Государство и право. 1996. № 2. С. 3–29.

4. *Морщакова Т.Г.* Конституция и судебная имплементация Европейской конвенции по правам человека // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 2. С. 182–189.

5. Валерий Зорькин признал приоритет Конституции над международным правом. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2015/05/28/594165-valerii-zorkin-priznal-prioritet-konstitutsii> (дата обращения: 22.01.2019).

6. *Гузий А.Е.* Конституция – основной закон? // Вестник Омской юридической академии. 2017. № 1. С. 19–25.

7. О международных договорах Российской Федерации: федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.01.2019).

8. *Матюнин М.Ф.* Соотношение Конституции Российской Федерации и международных договоров // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 1. С. 231–235.

9. О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.01.2019).

10. *Марченко Н.М.* Является ли судебная практика источником российского права? // Журнал российского права. 2000. № 12.

11. По делу о проверке конституционности положений статьи 11 и пунктов 3 и 4 части 4 статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом президиума Ленинградского окружного военного суда: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 6 декабря 2013 г. № 27-П. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 23.01.2019).

12. По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4

статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2015 г. № 21-П. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 23.01.2019).

13. *Кузнецова О.А.* Юридическая сила общепризнанных принципов и норм международного права в российской правовой системе // *Юридическая наука и правоохранительная практика.* 2009. № 3 (9).

14. О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»: федеральный конституционный закон от 14 декабря 2015 г. № 7-ФКЗ. Доступ из СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 23.01.2019).

15. *Мокосеева М.А.* Соотношение понятий «правовая позиция» и «решение органа конституционной юстиции» // *Вестник Омской юридической академии.* 2015. № 1 (26).

16. *Зорькин В.Д.* Россия и Конституция в XXI веке: взгляд с Ильинки. Москва, 2008.

Ю.А. Смирнова,
адъюнкт очной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России.

Научный руководитель –
д.ю.н., доцент *Е.М. Рябков*

О ПРОБЛЕМАХ НОРМАТИВНОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПОЛИЦЕЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ПО ВОПРОСАМ РОЗЫСКА, ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЦ И ПРЕДМЕТОВ

Практическим работникам органов внутренних дел (далее – ОВД) приходится сталкиваться с необходимостью осуществления розыска, идентификации лиц и предметов за пределами своего государства. Но возможности розыскного потенциала собственных сил не позволяют осуществлять действия и оперативно-розыскные мероприятия, направленные на установление скрывшихся лиц на территории иностранного государства. В этой связи требуется тесное сотрудничество между национальными и иностранными сотрудниками полиции.

Потребность в международном полицейском сотрудничестве по вопросам розыскной деятельности возрастает с каждым годом. Согласно данным МВД России, только за 2018 г. объем взаимодействия ведомств с зарубежными коллегами возрос почти в три раза: увеличилось число совместных мероприятий, встреч на различных уровнях, исполняемых запросов по установлению местонахождения лиц, предметов антиквариата, транспортных средств, получению оперативно значимой

информации в рамках дел оперативного учета. Это в полной мере относится и к двустороннему, и к многостороннему сотрудничеству.

Значительный вклад в укрепление связей с зарубежными коллегами, особенно на постсоветском пространстве, вносит МВД России. Самые тесные контакты налажены с правоохранительными службами государств – участников Содружества Независимых Государств (далее – СНГ), Организации Договора о коллективной безопасности. Продолжается диалог с зарубежными коллегами по линии Международной организации уголовной полиции (Интерпола), возможности которой особенно востребованы российскими правоохранительными органами при осуществлении розыска и идентификации лиц на территории Республики Украины, Сирийской Арабской Республики, Ирака, Соединенных Штатов Америки. Как отмечает Министр внутренних дел Российской Федерации В.А. Колокольцев, Интерпол «по-прежнему остается универсальным механизмом полицейского сотрудничества» [1].

Расширение международных контактов потребовало от МВД России совершенствования механизмов взаимодействия. Для этого в структуре центрального аппарата МВД России создано Управление международного сотрудничества и несколько информационно-координационных центров ОВД.

Вместе с тем, практика свидетельствует, что результативность розыскной деятельности, затрагивающей интересы нескольких государств, недостаточно эффективна. Это подтверждается и данными статистики Главного информационно-аналитического центра Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Так, за 2018 г. на территории Российской Федерации установлено местонахождение лишь 151 преступника (–8,5%, по сравнению с 2017 г.) и 22 (–21,4%) лиц, пропавших без вести, объявленных в розыск. В этот же период из России экстрадировано и депортировано 7 (–72%) лиц, скрывавшихся от зарубежных правоохранительных органов.

Органами внутренних дел государств – участников СНГ установлено местонахождение 355 (+32,4%) обвиняемых, объявленных в розыск правоохранительными органами Российской Федерации. Экстрадировано 22 (–43,6%) лица, находившихся в межгосударственном розыске.

Совместными усилиями российских и иностранных правоохранительных органов за 2018 г. за рубежом задержан 201 (+13,6%) преступник, 58 из которых разыскивались за совершение мошенничества, 11 – за убийства [2]. Яркими примерами стали случаи задержания 2 и 5 августа 2018 г. на территории Грузии братьев-депутатов Глушковых, фигурантов громкого уголовного дела о мошенничестве в Нижегородской области, связанном с выкупом земли под автостанцией в городе Балахне. Из материалов дела следует, что братья Глушковы и их компаньоны приобрели в собственность здания и участок под автостанцией по заниженной стоимости. Кроме того, обвиняемые вместо реставрации снесли все инфраструктурные сооружения, необходимые для функционирования автовокзала, изменили его планировку и построили торговый центр «Атак». Ущерб, причиненный муниципальному образованию, составляет более 100 млн рублей [3].

В розыске фигуранты находились с декабря 2017 г. Из материалов дела следует, что после получения сведений о нахождении фигурантов в Турции было принято решение об объявлении их в международный розыск. В последующем обвиняемые стали проживать в Грузии и готовились получить политическое убежище на Украине. Однако усилиями НЦБ Интерпола и правоохранительных органов Грузии фигуранты были задержаны. В настоящее время началась процедура экстрадиции указанных лиц в Россию.

По запросам зарубежных правоохранительных органов, переданных по каналам НЦБ Интерпола, на территории Российской Федерации установлено местонахождение 151 (–8,5%) преступника [2]. Из них на территории Нижегородской области было установлено 10 лиц, 2 из которых находились в международном розыске [4].

Так, например, одного из фигурантов удалось задержать за совершение грабежей на территории Нижегородской области: в августе 2018 г. был установлен и задержан фигурант международного розыска по инициативе Германии – гражданин А., 1984 г. р., разыскивающийся за совершение взрыва и покушение на убийство. В настоящее время лицо привлечено к уголовной ответственности за совершение грабежей на территории города Н. Новгорода, после отбытия наказания в России будет решаться вопрос об экстрадиции в страну – инициатор международного розыска [5].

Недостаточно высоки и результаты всероссийского розыска. В течение 2018 г. разыскивалось 97,7 тысяч (–7,3%) лиц, скрывшихся от органов дознания, следствия и суда, из них свыше 42,1 тысяч подозреваемых, обвиняемых, объявленных, в розыск в течение прошлых отчетных периодов. Из общего числа разыскиваемых преступников 8,9 тысяч – иностранные граждане и лица без гражданства. При этом только 2 154 человека официально разыскиваются Российской Федерацией во взаимодействии с правоохранительными органами иностранных государств. Среди них в международном розыске с целью ареста и выдачи находятся 2 154 обвиняемых, осужденных – 5 человек, с целью установления места нахождения – 64 обвиняемых [2]. Розыск остальных преступников осуществляется лишь в рамках федерального розыска на территории России и стран СНГ.

Проведенное в 2016–2019 гг. исследование о существующих причинах низкой эффективности розыскной деятельности в условиях международного сотрудничества показало: среди опрошенных 296 респондентов оперативных подразделений ОВД России и 38 сотрудников иностранных правоохранительных органов, имеющих опыт работы в данном направлении и проходящих переподготовку в Нижегородской академии МВД России в 2016–2018 гг. (40,5%) 15,8% респондентов считают, что отрицательное влияние на розыскную деятельность, в том числе и на сотрудничество в данном направлении, оказывают недостатки правового регулирования.

Исследование вопросов правового регулирования розыскной деятельности показывает, что она регламентируется довольно обширным количеством нормативных правовых актов международного, конституционного, законодательного и подзаконного характера. В целом они имеют иерархическую многоуровневую систему и в разной степени регулируют общественные отношения, возникающие в связи с розыском, идентификацией лиц и предметов.

Несмотря на многообразие законодательных источников, имеются некоторые положения, совершенно не урегулированные нормами права или свидетельствующие о недостаточной согласованности между собой. Безусловно, это сказывается на эффективности деятельности сотрудников ОВД.

В частности, по различным причинам до настоящего времени с правоохранительными органами некоторых зарубежных стран еще не сложились договорно-правовые отношения по вопросам сотрудничества. И пока эти вопросы законодательно не урегулированы, полицейские службы используют различные стратегии: одни применяют «официальные» договоренности для решения розыскных задач, другие совершают не предусмотренные законом действия.

Ни на международном, ни на внутригосударственном законодательных уровнях не закреплен исчерпывающий перечень преступлений, по которым используются возможности Интерпола при розыскной деятельности.

С момента ратификации межгосударственных соглашений на национальном уровне не скорректированы нормативные правовые акты, не закреплен порядок осуществления деятельности ОВД, связанной с установлением на территории Российской Федерации местонахождения лиц, разыскиваемых иностранными государствами. Кроме этого, с принятием ведомственного приказа о розыске возник правовой пробел, связанный с розыском некоторых лиц.

Для решения возникших правовых пробелов в части совершенствования нормативного регулирования организации розыска преступников, культурных ценностей, транспортных

средств, идентификации личности граждан и неопознанных трупов автором предлагается:

– заключить соглашение между Российской Федерацией и Международной организацией уголовной полиции (Интерпол) о включении в ее Устав дополнения о возможности оказания помощи в розыске и задержании лиц в соответствии с Перечнем преступлений, за которые предусмотрена ответственность по законодательству Российской Федерации;

– пункт 12 ч. 1. ст. 12 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» дополнить обязанностью полиции «осуществлять розыск лиц, утративших связь с близкими родственниками».

Примечания

1. Выступление Министра внутренних дел Российской Федерации генерала полиции Российской Федерации Владимира Колокольцева на расширенном заседании коллегии МВД России. URL: <https://мвд.рф/news/item/16022494/> (дата обращения: 05.04.2019).

2. Результаты реализации государственной программы Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» в 2018 году. Годовой отчет о ходе реализации и оценке эффективности государственной программы за 2018 год. Москва, 2019.

3. Материалы дел-подборки отделения НЦБ Интерпола ГУ МВД России по запросу о розыске Глушкова А.Л., Глушкова В.Л.

4. Обзор результатов деятельности отделения НЦБ Интерпола ГУ МВД России по Нижегородской области за 2018 г. Нижний Новгород, 2019.

5. Организация информационного обеспечения сотрудничества по линии Интерпола. Нижний Новгород, 2019.

Д.Н. Соболева,
адъюнкт заочной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России.

Научный руководитель –
д.ю.н., профессор *Е.М. Рябков*

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОГО МЕРОПРИЯТИЯ «ОБСЛЕДОВАНИЕ ПОМЕЩЕНИЙ, ЗДАНИЙ, СООРУЖЕНИЙ, УЧАСТКОВ МЕСТНОСТИ И ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ»

Оперативно-разыскное мероприятие (далее – ОРМ) «Обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» (далее – «Обследование») активно используется сотрудниками оперативных подразделений при решении задач, предусмотренных ст. 2 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ «Об ОРД») [1]. Данное мероприятие предоставляет субъектам ОРД широкие полномочия, ограничивая, в свою очередь, права граждан. «Обследование» занимает особое место в системе ОРМ. Именно для его проведения разработан специализированный ведомственный нормативный акт [2], что демонстрирует важность корректного проведения мероприятия и необходимость государственной защиты интересов граждан при его проведении.

Принятая Инструкция о порядке проведения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации гласного оперативно-разыскного мероприятия «Обследование помещений,

зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» и не распространяется на обследование жилых помещений (п. 1) [2]. Данный факт четко обозначил существующие различия в процедурах проведения «Обследования» жилых и нежилых помещений.

В связи с этим некоторые теоретики ОРД считают, что целесообразно разделить и ОРМ «Обследование» на два самостоятельных мероприятия: обследование жилых помещений и обследование иных объектов [3, с. 6–12], так как при проведении указанного ОРМ в жилом помещении требуется судебное решение.

На наш взгляд, такое разделение не представляется обоснованным. Суть проводимого мероприятия одна, и делить ОРМ лишь на основании необходимости получения судебного разрешения нецелесообразно. Кроме того, любое ОРМ может требовать судебного санкционирования, если в процессе его проведения ограничиваются конституционные права граждан. Например, наведение справок в отношении клиентов и их счетов в банке осуществляется на основании разрешения суда. Таким образом, при делении ОРМ по названному принципу необходимо разделить и все остальные мероприятия, как только их проведение потребует судебного санкционирования.

Следует уделить особое внимание понятию рассматриваемого мероприятия и его сущности, ведь именно правильная трактовка законодательства и его безошибочное применение гарантируют соблюдение принципов ОРД, а также создают предпосылки для использования результатов ОРМ «Обследование» в качестве доказательств по уголовному делу.

Определяя название ОРМ, законодатель в п. 8 ч. 1 ст. 6 ФЗ «Об ОРД» [1] использует термин «обследование». Однако в правовых актах федерального уровня не закреплено разъяснение сущности представленного понятия, а в научной литературе вопрос его определения остается дискуссионным. В большинстве толковых словарей обследовать – значит произвести осмотр чего-либо [4, 5]. В свою очередь, осмотреть – значит посмотреть

на кого-то или что-то, обследовать с какой-то целью [4, 5]. То есть обследование и осмотр получили свое выражение через взаимное использование в процессе их определения.

Зачастую в научных исследованиях обследование также определяется как осмотр. Например, Е.С. Дубоносов определил ОРМ «Обследование» как оперативный (не процессуальный) осмотр помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств, а также других объектов в целях поиска следов преступной деятельности, орудий преступления, разыскиваемых лиц, а также получения информации, необходимой для решения задач ОРД [6, с. 261].

К.К. Горяинов, В.С. Овчинский, Г.К. Сенилов отметили, что ОРМ «Обследование» заключается в непосредственном или опосредованном визуальном осмотре и изучении указанных объектов с целью решения задач ОРД [7].

В.В. Зиньковский включил в сущность ОРМ «Обследование», помимо визуального изучения, слуховое, оставив перечень открытым [8].

Таким образом, большинство ученых считают синонимами слова «обследование» и «осмотр», называя ОРМ «Оперативный осмотр» [6, с. 261; 9, с. 177; 10, с. 7]. Обозначенная точка зрения устоялась в научной литературе и нашла отражение в ведомственных нормативных актах. Так, законодательно под «обследованием помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» понимается проникновение и осмотр указанных объектов с целью обнаружения следов преступления, орудий совершения преступления, иных предметов, веществ или документов, вероятно имеющих отношение к совершению преступления, а равно и для решения иных конкретных задач ОРД [11, с. 287].

Названная позиция создает ряд практических проблем. Так, прокуроры, опираясь на определение, данное в ведомственном нормативном акте, отмечают, что «Обследование» заключается лишь в проникновении и осмотре. Поэтому проведение поисковых мероприятий, то есть отыскание документов в столах, сейфах, шкафах, является недопустимым [12].

По нашему мнению, для выражения сущности рассматриваемого мероприятия недостаточно ограничиться только проникновением и осмотром. Учитывая, что его целью является именно обнаружение следов преступления, а не визуальный осмотр объекта, в практической деятельности необходимо проводить отыскание предметов и документов, вскрытие запирающих устройств, изучение найденных объектов с целью их идентификации как следов преступления или орудий совершения преступления. Таким образом, подобные разночтения вызывают конкретные практические проблемы, ограничивая действия оперативных сотрудников и препятствуя решению задач, предусмотренных ст. 2 ФЗ «Об ОРД» [1].

Решить возникшую проблему можно, обратившись к дефиниции «досмотр», которая постоянно сравнивается с «осмотром». Термин «осмотр» закреплен в п. 18 ст. 13 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» [13] и ст. 27.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) [14], но его сущность не раскрывается. В названных нормативных правовых актах есть и термин «досмотр». Его понятие раскрыто в ст. 9 КоАП РФ, которая гласит: «Досмотр транспортного средства любого вида, то есть обследование транспортного средства, проводимое без нарушения его конструктивной целостности, осуществляется в целях обнаружения орудия совершения либо предметов административного правонарушения» [13]. При этом правоприменители в качестве основного отличия «досмотра» от «осмотра» указывают необходимость согласия собственника либо иного участвующего лица на проведение последнего [15].

Как следует из вышесказанного, законодатель через термин «обследование» обозначает именно «досмотр», а не «осмотр», как в научной литературе. Разумеется, представленное определение досмотра относится к административному законодательству. Однако, как отмечают в своих работах А.Ю. Шумилов и А.В. Чуркин, мнение которых автор разделяет, ФЗ «Об ОРД» не раскрывает многих юридически значимых аспектов каждого

ОРМ; судьи, прокуроры, следователи и оперативные сотрудники ориентируются на правовые правила проведения следственных действий, которые по своему содержанию во многом схожи с соответствующими ОРМ (обследование – следственный осмотр, обыск; прослушивание телефонных переговоров – контроль и запись переговоров и др.) [16, с. 60].

Учитывая сказанное, представляется, что в отсутствие определения рассматриваемого понятия в ФЗ «Об ОРД» возникает необходимость в использовании терминологии, раскрытой в других законодательных актах, в том числе и в КоАП РФ. По мнению автора, «досмотр» – более широкое понятие, включающее не только визуальный осмотр, но и проведение поисковых мероприятий, то есть обнаружение и изучение вещей, предметов и документов, не находящихся на виду (шкаф, сейф, багажник и т. п.), и предполагающее наличие возможности принуждения, то есть проведения независимо от волеизъявления лица, которому принадлежит объект.

Таким образом, мы приходим к выводу, что отсутствие четкого понимания содержания понятий, используемых законодателем, создает ряд проблем корректного, а главное законного применения норм права. В связи с этим необходимо разработать новое понятие ОРМ «Обследование», исключающее возможность разночтений на различных уровнях, разъяснив, какие конкретно действия имеет право проводить оперативный сотрудник при осуществлении названного ОРМ.

По нашему мнению, уместно использовать именно дефиницию «досмотр» при определении понятия «обследование», а также включить в перечень действий, осуществляемых в ходе проведения ОРМ, активные поисковые мероприятия, направленные на отыскание предметов и документов.

Примечания

1. Об оперативно-розыскной деятельности: федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.12.2018).

2. Об утверждении Инструкции о порядке проведения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации гласного оперативно-розыскного мероприятия обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств и Перечня должностных лиц органов внутренних дел Российской Федерации, уполномоченных издавать распоряжения о проведении гласного оперативно-розыскного мероприятия обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств: приказ МВД России от 1 апреля 2014 г. № 199. Доступ из СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 22.12.2018).

3. *Габзалилов В.Ф.* Законодательное регулирование условий проведения оперативно-розыскного мероприятия «Обследование помещений» // Особенности оперативно-розыскной деятельности ОВД в свете изменяющегося законодательства: сборник материалов научно-практической конференции. Орел, 2016.

4. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov/> (дата обращения: 24.12.2018).

5. Сайт «Значения слова». 2019. URL: <https://znachenie-slova.ru/обследовать> (дата обращения: 20.01.2019).

6. *Дубоносов Е.С.* Оперативно-розыскная деятельность: учебник для СПО. Москва, 2016.

7. *Горяинов К.К., Овчинский В.С., Синилов Г.К.* Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник. 2006. URL: <https://uchebnik.online/rozyisknaya-deyatelnost-operativno/obsledovanie-pomescheniy-zdaniy-sooruzheniy-60243.html> (дата обращения: 24.12.2018).

8. *Зиньковский В.В.* Основы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел: лекция. Ставрополь, 2011. URL: http://stavf.krdu.mvd.ru/upload/site122/document_file/ТЕМА_5_2011g..pdf (дата обращения: 24.12.2018).

9. *Маркушин А.Г.* Оперативно-розыскная деятельность: учебник для СПО. Москва, 2016.

10. *Габзалилов В.Ф.* Понятие оперативно-розыскного мероприятия «Обследование помещений» // Особенности оперативно-розыскной деятельности ОВД в свете изменяющегося законодательства: сборник материалов научно-практической конференции. Орел, 2016.

11. *Горяинов К.К., Овчинский В.С., Синилов Г.К.* Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник. Москва, 2017.

12. Информационное письмо Прокуратуры Нижегородской области от 30 мая 2019 г. № 15-15-2019.

13. О полиции: федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.12.2018).

14. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.12.2018).

15. URL: <https://rg.ru/2018/06/25/v-gibdd-raziasnili-raznicu-mezhdu-osmotrom-i-dosmotrom.html> (дата обращения: 24.12.2018).

16. *Фирсов О.В.* Особенности правового регулирования оперативно-розыскного мероприятия «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» // Вестник ЧитГУ. 2011. № 7 (74).

Д.В. Соколов,
адъюнкт заочной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России.

Научный руководитель –
д.ю.н., профессор *А.А. Демичев*

СУДЕБНАЯ ФУНКЦИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕГО СЕНАТА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Созданный в 1711 г. императором Петром I Правительствующий сенат получил широкий набор компетенций, делавший его универсальным по своим полномочиям органом власти. Среди прочих с момента учреждения ему была присуща судебная функция, ставшая в пореформенный период, а затем и позднее одной из наиболее важных.

Наличие судебных функций у Сената в момент его создания подтверждается царским указом от 2 марта 1711 г., предписывавшим Правительствующему сенату «суд иметь нелицемерный, и неправедных судей наказывать отнятием чести и всего имения» [1]. В период царствования Петра I он выступал как первая инстанция, а также как апелляционная инстанция. Как отмечает А.А. Демичев, «судебная функция изначально являлась одной из определяющих в деятельности Сената» [2, с. 35]. Дальнейшее развитие судебных полномочий Правительствующего сената происходило при преемниках Петра I.

Роль Сената как судебного органа при этом менялась весьма существенно. Так, царствование Петра II рядом

исследователей, например А.С. Жиленко, характеризуется как время усиления его полномочий в качестве высшей судебной инстанции государства [3, с. 176]. Впрочем, это усиление вскоре закончилось, когда императрица Анна Иоанновна указом от 11 сентября 1731 г., на наш взгляд, фактически уравнила статус Сената и прочих судебных инстанций [4]. В дальнейшем на протяжении XVIII столетия Правительствующий сенат получал в первую очередь полномочия апелляционные. Подтверждением тому могут служить указы от 29 января 1762 г. [5], 15 декабря 1763 г. [6], 13 декабря 1796 г. [7]. Однако, как показывает анализ законодательства XVIII в., Правительствующий сенат не являлся в этот период единственной высшей судебной инстанцией.

Начало XIX в. отмечено ускорением трансформации Правительствующего сената преимущественно в судебный орган власти. Указ от 27 января 1805 г. [8] устанавливал как новую структуру Правительствующего сената, так и фактически его полномочия. За Сенатом закреплялись полномочия первой, апелляционной и ревизионной инстанций. Частичное подтверждение этого статуса можно проследить в Своде законов Российской империи 1832 г., в ст. 3 Учреждения Правительствующего сената [9]. Однако четкая и иерархичная система судебных органов в Российской империи к середине XIX в. отсутствовала. Данное обстоятельство не могло не требовать реакции со стороны правителей Российской империи.

Изменение роли Правительствующего сената как судебной инстанции во второй половине XIX столетия следует связать, безусловно, с судебной реформой 1864 г. Учреждение судебных установлений, утвержденное указом от 20 ноября 1864 г., определяло в качестве верховного кассационного суда Правительствующий сенат [10]. Это был коллегиальный орган, имеющий судебную власть на территории всей империи. Сенат, по определению М.В. Немытиной, выступал как инстанция, объединявшая «систему мировых и общих судов» [11, с. 85]. В качестве верховного кассационного суда в составе Сената создавались два департамента (уголовный и гражданский),

находившиеся в Санкт-Петербурге. При необходимости в определенных законом случаях из кассационных департаментов составлялось их общее собрание. Возглавлял каждый из департаментов первоприсутствующий, назначавшийся из числа сенаторов. При этом сенатором могло стать лицо, состоявшее не менее трех лет в должностях обер-прокурора, товарища обер-прокурора или же председателя, члена или прокурора судебной палаты. Такие требования к должности сенатора, на наш взгляд, позволяют говорить о внимании законодателя к профессионализму лиц, замещавших данные должности.

Назначались сенаторы по решению императора и его именованным указом. Учреждение судебных установлений закрепляло за Правительствующим сенатом полномочия по привлечению к дисциплинарной ответственности судей, а также по решению вопроса о привлечении их к уголовной ответственности. Гражданский, уголовный кассационные департаменты, а также их общее собрание были созданы указами от 19 марта 1866 г. [12] и 16 апреля 1866 г. [13] соответственно.

Политические события 1870-х гг. вызвали необходимость создания 7 июня 1872 г. Особого присутствия Правительствующего сената, в полномочия которого входило рассмотрение дел о государственных преступлениях [14]. Состав Особого присутствия включал в себя пятерых сенаторов и первоприсутствующего, назначавшихся императором. При рассмотрении дел данным коллегиальным органом в заседании участвовали представители сословий. Такой порядок рассмотрения дел о государственных преступлениях просуществовал до мая 1878 г. [15], когда был принят Закон «О подсудности и порядке производства дел о государственных преступлениях», оставивший Особое присутствие, но для передачи дел на его рассмотрение требовалось решение императора. Изменение подсудности, по мнению М.В. Немытиной, вызвано было тем фактом, что рассмотрение дел о государственных преступлениях Сенатом «как бы способствовало росту авторитета революционеров в обществе» [11, с. 131].

В структуре Правительствующего сената в период царствования Александра II сохранялся ряд департаментов, позднее упраздненных либо преобразованных. Второй департамент являлся апелляционным судом по гражданским делам, поступавшим на его рассмотрение из подведомственных губерний. Был упразднен 15 апреля 1877 г. [16]. Третий департамент также являлся апелляционным по гражданским делам, поступавшим из Малороссии, Лифляндии, части северо-западных губерний России, а также по делам образовательных организаций [17, с. 96–97]. Был упразднен 30 марта 1888 г. [18]. Четвертый департамент рассматривал гражданские дела в порядке апелляции, например, по таким категориям, как жестокое обращение помещиков с крестьянами, незаконное их закрепощение, залог продаж, раздел движимого и недвижимого имущества и т. д. Был упразднен 2 июня 1898 г. [19]. Пятый департамент Сената являлся апелляционной инстанцией по уголовным делам подведомственных территорий. Находился в Санкт-Петербурге. Был упразднен 2 июня 1898 г. Шестой департамент являлся высшей апелляционной инстанцией по уголовным делам, поступавшим из подведомственных ему земель. Располагался в Москве. Был упразднен 1 января 1872 г. [20]. Также в составе Сената действовали седьмой и восьмой департаменты до 1 января 1872 г. и 2 марта 1870 г. [21] соответственно. Данные департаменты рассматривали гражданские дела, поступавшие из подведомственных им территорий Империи, в порядке апелляции. Девятый и десятый судебные департаменты являлись апелляционной инстанцией по гражданским и уголовным делам, поступавшим из Царства Польского. Были упразднены 1 июня 1872 г. [22]. Также в структуре Сената имелся Межевой департамент, занимавшийся рассмотрением споров о межевании земель, а также являвшийся апелляционной инстанцией по гражданским делам о межевании. 25 января 1894 г. переименован в третий департамент Сената [23]. Был упразднен 2 июня 1898 г.

Рассмотренное изменение структуры Правительствующего сената во второй половине XIX в., на наш взгляд, позволяет

выявить последовательный процесс усиления и упорядочивания судебной функции Правительствующего сената. Подтверждением тому может служить его структура, состоявшая к началу XX в. из шести департаментов: первого, второго (крестьянского), Уголовного кассационного департамента, Гражданского кассационного департамента, Судебного департамента, Департамента Герольдии. Судебный департамент был сформирован в результате слияния 2 июня 1898 г. трех департаментов: четвертого, пятого и третьего (бывшего Межевого). Одновременно было реорганизовано Второе общее собрание Правительствующего сената. Второй (крестьянский) департамент создан по указу императора от 24 января 1884 г. [24] в целях решения споров по крестьянскому праву, споров о земле, в которых участвовали крестьяне, толковании норм права, устанавливавших статус крестьян и носивших неопределенный характер.

Гражданский и уголовный кассационные департаменты являлись высшими судебными инстанциями для кассации по гражданским и уголовным делам пореформенных судов. Более того, гражданский кассационный департамент осуществлял с 1900 г. выработку единой правоприменительной практики по семейному, имущественному, торговому праву, нотариату и ряду других правоотношений [17, с. 103]. Функции данных департаментов практически не менялись до момента ликвидации самого Сената 22 ноября 1917 г. [25, с. 124]. Судебный департамент до момента своей ликвидации осуществлял полномочия по рассмотрению в порядке апелляции как высшая судебная инстанция гражданских, уголовных и межевых дел.

Необходимо отметить, что судебные полномочия Правительствующего сената так и не стали его единственной функцией. Революционные события 1905–1907 гг. лишь дополнительно обнажили недостатки управления и государственного устройства Российской империи. В числе таких недостатков следует выделить, на наш взгляд, осуществление административных функций Сенатом, реализацию им полномочий по учету и опубликованию нормативных актов, учет российского

дворянства, защиту его прав и привилегий, сочетание министром юстиции полномочий генерал-прокурора Сената. Многие из этих факторов требовали серьезного реформирования и осознавались государственными деятелями и исследователями начала XX в., например Э.Н. Берендтсом [26, с. 493], но, к сожалению, своевременной реализации не получили, хотя проекты реформ предлагались.

Примечания

1. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. IV. Ст. 2330.

2. *Демичев А.А.* Функции, структура и принципы организации российских судебных учреждений в период правления Петра I // Государство и право в изменяющемся мире: материалы II научно-практической конференции с международным участием. Нижний Новгород, 2017.

3. *Жиленко А.С.* Верховный тайный совет в системе власти отношений Российской империи (1726–1730 гг.): историко-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2016.

4. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. VIII. Ст. 5872.

5. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. XV. Ст. 11422.

6. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. XVI. Ст. 11989.

7. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. XXIV. Ст. 17639.

8. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. XXVIII. Ст. 21605.

9. Свод законов Российской империи. Т. 1. Санкт-Петербург, 1857.

10. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. XXXIX. Ч. 2. Ст. 41475.

11. *Немытина М.В.* Суд в России: Вторая половина XIX – начало XX вв.: дис. ... д-ра. юрид. наук. Москва, 1999.

12. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. XLI. Ч. 1. Ст. 43130.
13. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. XLI. Ч. 1. Ст. 43198.
14. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. XLVII. Ч. 1. Ст. 50956.
15. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. LVII. Ч. 1. Ст. 58489.
16. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. LII. Ч. 1. Ст. 57169.
17. *Раскин Д.И.* Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917. Т. 1. Санкт-Петербург, 2000.
18. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. VIII. Ст. 5097.
19. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. XVIII. Ч. 1. Ст. 15493.
20. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. XLVI. Ч. 2. Ст. 50144.
21. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. XLV. Ч. 1. Ст. 48079.
22. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. LI. Ч. 2. Ст. 56288.
23. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. XIV. Ст. 10260.
24. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. IV. Ст. 1978.
25. Декреты Советской власти. Т. 1. Москва, 1957.
26. История Правительствующего сената за двести лет. Т. IV. Санкт-Петербург, 1911.

К.В. Терентьева,
адъюнкт заочной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России.

Научный руководитель –
д.ю.н., профессор *А.П. Кузнецов*

ПОНЯТИЕ И ВИДЫ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Институт освобождения от уголовной ответственности имеет особое значение в уголовной политике. Возможность исправления правонарушителя, основанная на принципе разумной экономии уголовных репрессий и на использовании других методов, не связанных с реальным применением уголовной ответственности, в настоящее время является основным государственным направлением при формировании законодательства. Тем самым, по мнению законодателя, возможно достичь баланса мер уголовно-правового регулирования, а освобождение от уголовной ответственности рассматривается как альтернатива уголовно-правовому воздействию. Кроме того, освобождение от уголовной ответственности обусловлено необходимостью развития государственной уголовно-правовой политики, которая направлена на защиту не только законных прав и интересов граждан, но и от необоснованного применения уголовного наказания.

В современных условиях уголовная ответственность в общем виде представляет меры государственного принуждения, применяемые к лицу, совершившему преступление. Преступление и уголовная ответственность неразрывно связаны между собой.

Однако, преследуя цель, для которой предназначается уголовная ответственность, а именно исправление лица, совершившего преступление, и предупреждение совершения новых преступлений, государство стремится использовать принуждение дифференцированно, а в определенных случаях ограничить применение уголовно-правовой репрессии. Одной из форм подобного подхода является институт освобождения от уголовной ответственности.

Следует отметить, что реализация данного института возможна только в тех случаях, когда имеются реальные предпосылки для привлечения лица к ответственности за совершенное им преступление, то есть когда лицо совершает общественно опасное деяние, содержащее все элементы преступления, предусмотренного соответствующей статьей Уголовного кодекса Российской Федерации. Указанное деяние в форме действия или бездействия объективно является общественно опасным и наносит значительный ущерб охраняемым законом общественным отношениям.

Важнейшим фактором, определяющим сущность освобождения от уголовной ответственности, является возможность достижения целей наказания без возложения на виновного уголовной ответственности. В соответствии со ст. 43 УК РФ основными целями наказания являются восстановление социальной справедливости, исправление осужденного, предупреждение новых преступлений. Восстановление социальной справедливости в рамках рассматриваемого вопроса может быть достигнуто путем такого поведения виновного лица, которое свидетельствует о его деятельном раскаянии (возмещение ущерба, расходов пострадавшего, связанных с преступлением, совершенным виновным, заглаживание иным способом причиненного вреда, принесение извинений потерпевшему). Основной целью подобных действий прежде всего выступает восстановление прав и законных интересов потерпевших лиц, но это также может свидетельствовать о начавшемся исправлении лица, совершившего преступление, в особенности при его активном, инициативном поведении, направленном на уменьшение негативных последствий совершенного деяния. Иные обстоятельства, указанные в законе, такие как, например, примирение с потерпевшим,

также могут подтверждать реализацию указанных в законе целей наказания, в частности исправления и предупреждения совершения данным лицом нового преступления.

При этом освобождение от уголовной ответственности не может быть рассмотрено в качестве реабилитирующего основания, равно как и не является оправданием преступника.

Переходя к определению понятия освобождения от уголовной ответственности, необходимо отметить, что данный вопрос на протяжении длительного времени представляет значительный интерес для научного сообщества. Начиная с середины прошлого столетия данная проблема была предметом обсуждения для ряда исследователей, таких как С.Г. Келина, В.С. Егоров и др. Однако и в настоящий момент указанный предмет обсуждения сохраняет свою актуальность.

Так, А.В. Эндольцева определяет освобождение от уголовной ответственности как безусловный или условный отказ государства в лице уполномоченных на то должностных лиц от реализации уголовной ответственности лица, совершившего преступление, в случаях, прямо предусмотренных уголовным законом [1].

По мнению С.Н. Сабанина, освобождение от уголовной ответственности – это действия специально уполномоченных органов в отношении лица, совершившего преступное деяние, связанные с отказом привлечения его к уголовной ответственности, учитывая характер совершенных им деяний после окончания преступления [2, с. 62].

С точки зрения О.Ю. Аввакумовой, освобождение от уголовной ответственности следует понимать как выраженное в акте компетентного органа государственной власти решение о нецелесообразности применения к лицу, совершившему уголовно наказуемое деяние, мер государственного принуждения при наличии оснований, закрепленных в Уголовном кодексе Российской Федерации [3, с. 6–11].

Однако наиболее авторитетным мнением по вопросу определения понятия освобождения от уголовной ответственности, на наш взгляд, заслуженно обладает С.Г. Келина, которая определяет указанный институт как совокупность мер, использование

которых дает положительные результаты в борьбе с менее опасными преступлениями, исполнители которых могут быть исправлены без применения наказания [4, с. 31].

Подводя итог, можно отметить, что основным признаком для существующих взглядов на понятие освобождения от уголовной ответственности является то, что все они не сводят ее только к отказу от частичного или полного применения наказания, предполагая отказ и от иных уголовно-правовых последствий привлечения лица к уголовной ответственности. В наиболее общем понятии освобождение от уголовной ответственности можно охарактеризовать как выраженное в акте компетентного государственного органа решение освободить лицо, совершившее уголовно наказуемое деяние, от обязанности подвергнуться судебному осуждению и претерпеть меры государственно-принудительного воздействия.

Кроме того, очевидно, что главную роль в определении сущности института освобождения от уголовной ответственности в настоящее время играет постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности», в соответствии с которым освобождение от уголовной ответственности есть отказ государства от реализации ответственности в отношении лица, совершившего преступление (в частности, от осуждения и наказания такого лица) [5]. Таким образом, применяется закрепленный в Уголовном кодексе Российской Федерации принцип справедливости, который предлагает определять наказания и иные меры уголовно-правовой ответственности в зависимости от характера и степени общественной опасности преступления.

Обращаясь к вопросу о видах освобождения от уголовной ответственности, необходимо отметить, что основанием освобождения от уголовной ответственности лица, совершившего преступление, выступает нецелесообразность привлечения его к уголовной ответственности по тем или иным причинам, что и закрепляется в постановлении следователя, дознавателя или судьи.

В зависимости от юридической природы виды освобождения от уголовной ответственности можно разделить на общие и специальные. Общие виды предусматриваются нормами Общей части Уголовного кодекса Российской Федерации и распространяются на любые преступления при наличии определенных законом условий и оснований. Так, законодателем установлены следующие виды общих оснований освобождения от уголовной ответственности:

1. В связи с деятельным раскаянием (ст. 75 УК РФ).
2. В связи с примирением с потерпевшим (ст. 76 УК РФ).
3. В связи с возмещением ущерба (ст. 76.1 УК РФ).
4. В связи с назначением судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ).
5. В связи с истечением сроков давности (ст. 78 УК РФ).
6. В связи с объявлением амнистии (ст. 84 УК РФ).
7. Освобождение от уголовной ответственности несовершеннолетних (ст. 90 УК РФ) [6].

Специальные виды освобождения от уголовной ответственности предусмотрены нормами Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации в виде примечаний к статьям. В научных кругах нет однозначного мнения, являются ли они видами положения ч. 2 ст. 75 Уголовного кодекса Российской Федерации или имеют самостоятельное значение.

Также в литературе распространена классификация освобождения от уголовной ответственности на основании выделения субъективных и объективных оснований освобождения.

Объективные основания напрямую связаны с характеристикой и степенью общественной опасности совершенного деяния. Общественная опасность преступления выражается в реальной способности преступного деяния нанести значительный вред охраняемым законом интересам. В результате любое преступное действие или бездействие неизбежно приводит к наступлению социально опасных последствий, которые выражаются в виде ущерба, причиненного наиболее значимым общественным интересам. В связи с изменением уголовного законодательства с течением времени степень общественной опасности деяний может увеличиваться или уменьшаться. Таким

образом, если по прошествии определенного времени общественная опасность преступления значительно уменьшится, то этот факт может стать основанием для применения к лицу соответствующих норм освобождения от уголовной ответственности, предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации.

Как правило, в соответствии с действующим законодательством обязательным условием для освобождения лица от уголовной ответственности является совершение преступления впервые незначительной или средней тяжести, определенной конкретными статьями Уголовного кодекса Российской Федерации. Таким образом, законодатель ставит вопрос об освобождении от уголовной ответственности в зависимости от категории преступного деяния, подчеркивая тот факт, что возможность освобождения напрямую связана с незначительной социальной опасностью действия или бездействия лица, совершившего преступление.

Субъективные основания связаны с оценкой вины лица. Как справедливо отмечает А.Г. Антонов, «личность преступника не может оцениваться в отрыве от совершенного им деяния... Личность учитывается в аспекте совершенного ею преступления» [7]. Основания указывают на уменьшение или исчезновение общественной опасности конкретного виновного лица, в результате чего лицо перестает быть социально опасным и необходимость предъявлять обвинение лицу исчезает.

Среди обстоятельств, касающихся характеристик личности виновного до совершения преступления, первостепенное внимание следует уделять наличию судимости, рецидива преступлений, так как практически во всех указанных случаях исключается возможность применения норм освобождения от уголовной ответственности при повторном правонарушении.

Освобождение от уголовной ответственности допускается только в том случае, если преступление совершено впервые. При оценке личности в период, предшествующий совершению преступления, важно проанализировать его поведение в повседневной жизни, факт наличия семьи, детей и иные факторы социального характера.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что, несмотря на многолетние дискуссии о сущности и видах освобождения от уголовной ответственности, в научной литературе до настоящего времени встречаются различные точки зрения на данную проблему, порой очевидно противоречивые. Это обстоятельство подтверждает факт актуальности рассматриваемого вопроса и необходимости исследования института освобождения от уголовной ответственности в соответствии с развитием современной уголовно-правовой политики государства.

Примечания

1. *Ендольцева А.В.* Институт освобождения от уголовной ответственности: теоретические, законодательные и правоприменительные проблемы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2005.

2. *Сабанин С.Н.* Некоторые проблемы законодательной регламентации специальных видов освобождения от уголовной ответственности // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2012. № 2.

3. *Аввакумова О.Ю.* Проблемы законодательной регламентации понятия освобождения от уголовной ответственности // Вестник ЮУрГУ. 2006. № 13.

4. *Келина С.Г.* Теоретические вопросы освобождения от уголовной ответственности. Москва, 1974.

5. О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.01.2019).

6. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 02.08.2019). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.01.2019).

7. *Антонов А.Г.* Специальные основания освобождения от уголовной ответственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2013.

Н.В. Чукичева,
адъюнкт очной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России.

Научный руководитель –
д.ю.н., профессор *А.В. Петрянин*

ОБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ В СФЕРЕ ЗАКУПОК ТОВАРОВ, РАБОТ И УСЛУГ ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД

Правильная квалификация деяния возможна лишь при детальном анализе состава преступления, представляющего собой совокупность объективных и субъективных признаков, закрепленных в уголовном законе, которые в сумме определяют общественно опасное деяние как преступление [1, с. 75]. Данная статья будет посвящена объективным признакам составов преступлений, совершаемых в сфере закупок товаров, работ и услуг для государственных и муниципальных нужд.

В юридической литературе объекту преступления придается первостепенное значение. Им являются общественные отношения, интересы и блага, охраняемые уголовным законом, которые нарушаются преступным посягательством [2, с. 172]. Объект преступления в значительной мере определяет юридическую структуру, а также возникновение уголовно-правового запрета, объемы и пределы уголовно-правовой защиты и многие объективные и субъективные признаки состава преступления. Благодаря объему вреда, причиняемого объекту преступления, определяются общественно опасные последствия преступления,

а также возможность признания действия (бездействия) преступным на основании ч. 2 ст. 14 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Кроме того, объект преступления имеет важное значение для определения материального понятия преступления. Точное определение объекта преступного посягательства позволяет давать верную юридическую оценку преступных действий и, как следствие, выбрать наиболее эффективные методы борьбы с ними [3].

В теории уголовного права традиционно разграничивают объект по вертикали на общий, родовой, видовой и непосредственный, а также на основной, дополнительный и факультативный – по горизонтали [4, с. 51–53].

В отношении общего объекта в научной литературе сформулирована единая позиция, заключающаяся в том, что в нем структурированы все общественные отношения, права и законные интересы, блага, отраженные в ст. 2 УК РФ [5].

Перечень преступлений в сфере государственных закупок достаточно широк, поэтому их родовой объект затрагивает несколько групп общественных отношений:

1) направленные на обеспечение установленного законом порядка развития экономики в основном в сфере устойчивости института собственности, экономической деятельности, интересов службы в коммерческих и иных организациях, а также их стабильное прогрессивное развитие в области удовлетворения потребностей личности, общества или государства;

2) обеспечивающие стабильность государственной власти, в том числе включающие интересы государственной службы и службы в органах местного самоуправления, правосудия, порядка управления, а также нормальное функционирование контрактной системы и целевое распределение выделенных на нее бюджетных средств, предназначенных для обеспечения государственных и муниципальных нужд, и контроль их правильного использования;

3) нацеленные на охрану общественной безопасности и общественного порядка, а именно затрагивающие жизнь и здоровье потребителей (служащих в организации заказчика).

Условно по видовому объекту указанные преступления подразделяются на общественные отношения, возникающие в сфере:

- собственности (ст. 159, 160, 163, 165 УК РФ);
- экономической деятельности (ст. 169, 171, 174, 174¹, 178, 179, 180, 200⁴, 200⁵, 200⁶ УК РФ);
- интересов службы в коммерческих и иных организациях (ст. 201, 201¹, 204 УК РФ);
- здоровья населения и общественной нравственности (ст. 238 УК РФ);
- государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления (ст. 285, 285¹, 285³, 285⁴, 286, 288, 289, 290, 291, 291¹, 291², 292, 293 УК РФ);
- правосудия (ст. 304 УК РФ);
- порядка управления (ст. 327 УК РФ).

Однако большое количество вопросов вызывает определение объектов составов преступлений, закрепленных в ст. 200⁴, 200⁵ УК РФ, в настоящее время размещенных в гл. 22 УК РФ, охраняющей экономическую деятельность, в силу нижеизложенного.

Глава 22 УК РФ регулирует отношения, в основном относящиеся к предпринимательской деятельности, а субъекты, перечисленные в диспозициях ст. 200⁴, 200⁵ УК РФ, ввиду своих должностных обязанностей действуют в интересах заказчика, который априори не занимается предпринимательской деятельностью, а действует с целью обеспечения государственных или муниципальных нужд или, если более точно, нужд конкретной государственной или муниципальной организации, интересы которой он представляет. К сожалению, законодателем не был воспринят положительный опыт административного законодательства, приравнивающий недолжностных лиц к должностным по статьям, регламентирующим ответственность за закупки [6]. Применение такого подхода в уголовном праве позволило бы избежать проблем при разграничении разных категорий субъектов и обеспечило бы равную ответственность за аналогичные правонарушения. Подобные противоречия уже встречались в правоприменительной практике. До введения в действие Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 265-ФЗ

«О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [7] возникали сложности по квалификации преступлений, совершаемых руководителем государственного или муниципального предприятия, основным направлением деятельности которого являлось оказание возмездных услуг или работ, то есть преследующих коммерческие цели. Только после внесения вышеуказанным Законом изменений, добавивших в примечание к ст. 285 УК РФ категорию «государственных и муниципальных унитарных предприятий», отпали разногласия, в рамках какой главы квалифицировать деяния (гл. 23 или 30 УК РФ). Законодатель устранил внутриотраслевую коллизию и пересмотрел свою позицию относительно данной категории лиц. Остается надеяться, что со временем он пойдет по пути унификации, отказавшись и от усложняющего правоприменительную практику дробления субъекта.

Такой подход уже нашел свое отражение в уголовном законодательстве при криминализации противоправных действий в области гособоронзаказа, схожего по правовой природе со сферой госзакупок. Причем ст. 201¹ и 285⁴ УК РФ органично вписались в гл. 23 и 30 УК РФ соответственно. Не произошла так называемая подмена объекта, что часто стало наблюдаться в уголовном законодательстве. Так, наметилась тенденция к криминализации ряда нарушений, которые могут охватываться общими составами, однако законодатель стал дробить статьи, но, как правило, на практике они не применяются либо используются очень редко. Причем при формулировании новых составов в сфере государственных закупок у законодателя возникают трудности в определении объекта преступления, что приводит к ошибочному определению непосредственного и дополнительного объектов, которые следовало бы поменять местами, что закономерно изменило бы их расположение в УК РФ. При добавлении в перечень должностных лиц, расположенный в примечании к ст. 285 УК РФ, субъектов, указанных в ст. 200⁴ и 200⁵ УК РФ, отпала бы необходимость выделять новые нормы в сфере госзаказа. Кроме того, ст. 200⁶ УК РФ более логично вписалась бы в гл. 31 УК РФ, например в ст. 307 УК РФ, посвященную заведомо ложному заключению эксперта,

специалиста. Аналогичные дополнения уже были внесены в упомянутую главу (ст. 304) УК РФ.

Таким образом, на основании вышеизложенных фактов мы закономерно приходим к выводу о том, что основным объектом в сфере госзакупок по ряду деяний выступает государственная власть, а дополнительным – экономическая деятельность. Подтверждением данной точки зрения также служит предмет преступления, в качестве которого выступают бюджетные денежные средства, выделяемые для удовлетворения государственных и муниципальных нужд. Поэтому наиболее результативной была бы модернизация имеющихся норм после детальной ревизии законодательства. Если же в составе имеющихся статей Особенной части УК РФ невозможно было бы обеспечить надлежащую охрану общественным отношениям в сфере закупок товаров, работ и услуг для государственных и муниципальных нужд, то следовало бы создать новые составы.

Примечания

1. *Трайнин А.Н.* Состав преступления по советскому уголовному праву. Москва, 1951.

2. Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1: Учение о преступлении / под ред. Н.Ф. Кузнецовой и И.М. Тяжковой. Москва, 2002.

3. Объективные признаки преступления, предусмотренного статьей 285 УК РФ. URL: <https://novainfo.ru/article/14102> (дата обращения: 20.12.2019).

4. *Благов Е.В.* Уголовное право России. Общая часть. Москва, 2013.

5. *Меньшагин В.Д.* Советское уголовное право. Москва, 1938; *Шевченко В.Ю.* Объект и предмет преступления // Современная наука. 2013. № 1; *Шеслер А.В., Смирнов И.О.* Характеристика объекта как элемента состава преступления, предусмотренного статьей 208 Уголовного кодекса Российской Федерации // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2013. № 3.

6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 02.08.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2019) (ст. 2.4). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.12.2019).

7. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 265-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.12.2019).

К.А. Шишпанов,
адъюнкт заочной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России.

Научный руководитель –
д.ю.н., профессор *М.П. Поляков*

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ПЛЮРАЛИЗМ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ФУНКЦИОНАЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ

Проблема функциональности следователя в современной уголовно-процессуальной науке распадается на целый ряд проблемных вопросов. Причем эти вопросы настолько обширны и разнообразны, что не позволяют дифференцировать вызванное ими концептуальное многообразие на достаточно крупные теоретические направления. Это создает предпосылки для концептуального плюрализма представлений о структурной и содержательной стороне проблемы функциональности следователя.

Первый блок проблемных вопросов касается дискуссии относительно того, выполняет ли следователь одну единственную функцию или же он является полифункциональным участником уголовного судопроизводства? Казалось бы, по этому достаточно внятному основанию можно провести классификацию подходов к объему функциональности следователя на монофункциональный и полифункциональный, однако подобная классификация отражает сугубо статистическую сторону феномена функциональности, игнорируя содержательную. Последняя же показывает нам, что единства мнений относительно наименования этой единственной функции следователя в науке нет и среди сторонников монофункциональности,

да и представители плюралистического подхода к функциональности далеко не единодушны в перечне функций, отражающих многообразие деятельности следователя.

Так, профессор А.П. Гуляев, исследовавший функциональность следователя в советском уголовном процессе, разглядел восемь функций: 1) рассмотрение заявлений и сообщений о преступлении; 2) исследование обстоятельств дела; 3) обвинение в совершении преступления; 4) ограждение граждан от неосновательного обвинения в совершении преступления; 5) обеспечение возмещения материального ущерба, причиненного преступлением, и исполнения приговора в части конфискации имущества; 6) пресечение преступлений и принятие мер к устранению обстоятельств, способствующих свершению преступления; 7) розыск обвиняемых, местонахождения которых неизвестны; 8) разрешение уголовных дел [1, с. 23].

Профессору А.М. Ларину для выражения функциональности следователя также понадобилось восемь функций: 1) исследования обстоятельств дела; 2) уголовного преследования; 3) устранения и возмещения вреда; 4) возражения против гражданского иска; 5) обеспечения прав и законных интересов лиц, участвующих в деле; 6) предупреждения преступлений; 7) процессуального руководства и 8) разрешения дела [2, с. 76–77].

Как видим, предложенные конфигурации функций по ряду пунктов пересекаются, но имеются и оригинальные элементы. Так, например, явно обращает на себя внимание функция процессуального руководства. На первый взгляд может показаться, что данная функция присуща лишь руководителю следственного органа, однако это заключение верно только в первом приближении. При более вдумчивой оценке функции процессуального руководства становится понятным, что эту функцию следователь реализует в рамках взаимодействия с органом дознания, поэтому очевидно, что руководящее начало и соответствующая ему функция присущи даже рядовому следователю.

Концептуальный подход, заключающийся в максимальной дифференциации функций следователя, мы предложили именовать функционально-аналитическим. Понятие «анализ» в данном

контексте было использовано в своем исконном значении как «разделение на части». Функционально-аналитическое направление в теории уголовного процесса призвано уяснить роль и потенциал участников уголовного судопроизводства через фрагментарно-структурированное представление о соответствующем предмете научного интереса посредством выведения из него системы различных функций.

Наряду с функционально-аналитическим подходом мы выделили и функционально-синтетический подход, который, напротив, стремится свести всю многогранную деятельность субъектов уголовно-процессуальной деятельности во всех ее красках и оттенках к одной главной функции. Изначально мы полагали, что этот подход имеет место лишь в тех случаях, когда речь идет только о монофункциональной трактовке деятельности следователя. Однако в последующем мы пересмотрели эту позицию, посчитав, что функционально-синтетический подход можно констатировать и в других промежуточных ситуациях, когда выделяется не одна, а несколько функций.

Как мы уже отметили, по своей методологической сущности функционально-синтетический подход означает стремление к укрупнению функциональных блоков деятельности следователя, а в идеале – сведению этих блоков к одной единственной функции. По этому максимально интегративному пути постижения функциональности следователя следуют омские процессуалисты В.А. Азаров, Н.И. Ревенко и М.М. Кузембаева. По их мнению, единственной «процессуальной функцией следователя является расследование преступлений... Это основное направление в процессуальной деятельности субъекта уголовного судопроизводства, которое обусловлено поставленной перед ним задачей» [3, с. 172].

В приведенной цитате все предельно ясно. Здесь представлен функционально-синтетический подход в чистом виде. А вот к какому концептуальному подходу, например, следует отнести позицию Н.А. Якубович, которая считает, что для выражения функционального многообразия деятельности следователя вполне возможно обойтись тремя функциями: 1) раскрытие

преступления; 2) уголовное преследование; 3) предупреждение преступлений [4, с. 57–81]?

Первый ответ, который приходит на ум, конечно же, здесь речь идет о функционально-аналитическом подходе; но вслед за этим ответом появляются и сомнения. Действительно, если посмотреть на приведенную группировку с платформы категоричного функционального синтеза В.А. Азарова, то здесь без труда будет виден функционально-аналитический подход. Однако если взирать на эту классификацию, отталкиваясь от позиций «предельных аналитиков» А.П. Гуляева и А.М. Ларина, то перед нами будет явный функционально-синтетический подход.

Все это показывает, что функционально-аналитический и функционально-синтетический подходы являются весьма условными исследовательскими категориями. Они не выступают точными инструментами конкретизации проблемы функциональности следователя, а являются лишь свидетельствами своеобразной «пульсации» этой проблемы. Более того, внутри каждого такого подхода, в конечном счете нацеленного на глубокое постижение сущности феномена функциональности следователя, заложено определенное стремление к сближению и конвергенции.

И в позиции отдельных авторов это стремление проявляется весьма отчетливо. Так, по мнению Ю.В. Францифорова и Д.В. Ванина, «под функциональным назначением следователя предлагается понимать единство функций исследования обстоятельств дела и обвинения как основных направлений его деятельности... Понятие “расследование преступлений” включает в себя все направления (виды) деятельности следователя, это вся деятельность следователя в стадии предварительного расследования» [5, с. 85].

Может показаться, что формально-синтетический подход в его крайнем выражении методологически равен монофункциональной концепции деятельности следователя. Действительно, они очень близки, однако в рамках первого подхода все же весьма различима идея, согласно которой единственная функция следователя складывается из каких-то функциональных блоков, которые сами по себе функциями именоваться не должны, поскольку не дотягивают до них по определенным

параметрам, как, например, общие условия стадии уголовного процесса не дотягивают до статуса принципов уголовного судопроизводства.

Функционально-синтетический подход пробирается к монофункции следователя (или, как вариант, к компактной системе функций следователя) через ассимиляцию квази-функций следователя. Монофункциональный подход к функциональности следователя изначально весьма категоричен – функция следователя едина и неделима и всякое ее дробление нелогично и ненаучно.

Ярким выразителем этого подхода, по нашим оценкам, является А.Р. Ратинов. Он полагает, что «попытки разделить единую по своему характеру деятельность следователя на фрагменты, именуемые функциями, – это не более чем попытка чисто механистического расчленения». Выход из функционального тупика он видит в том, что «в следователе надо видеть исследователя, подобного ученому, а во всех его процессуальных действиях – только поиск истины» [6, с. 50, 51].

Глядя на год выхода публикации, в которой А.Р. Ратинов сделал подобное заявление («возраст» публикации – уже более чем полвека), можно предположить, что этот подход есть чистая советская архаика. Однако анализ современных работ позволяет усомниться в том, что подобный «алетический» (от греческого слова «алетейя» – истина) подход уже не востребован современной наукой. Потребность в нем не иссякла. Уже в эпоху действия последнего УПК РФ в поддержку «истинной» функции следователя высказался доцент А.М. Багмет. «На сегодняшний день, – пишет он, – в уголовном процессе сложилась логичная выработанная длительной практикой схема осуществления уголовного судопроизводства, когда есть сторона обвинения, сторона защиты и являющийся между ними независимым арбитром – суд. Следователь, не поддерживающий ни одну из сторон, является в этой схеме установителем истины по уголовному делу» [7, с. 6–7].

Правда, А.М. Багмет прямо не говорит об установлении истины как единственной функции следователя, однако его

оппоненты и последователи понимают эту цитату именно так. О.Я. Баев в комментарии к ней отмечает: «Интересно, что дало автору основания для столь парадоксального вывода? Как он соотносится с приведенными выше нормами УПК РФ? Разве следователь “в сложившейся логичной <...> схеме осуществления судопроизводства” не отнесен законодателем однозначно к стороне обвинения? Разве уголовно-процессуальный закон наделяет следователя предлагаемой А.М. Багметом загадочной для любой правовой уголовно-процессуальной системы функцией “установителя истины”?» [8, с. 121].

При всей внешне логически безупречной позиции О.Я. Баева в ней все-таки есть откровенно слабые места. Во-первых (начнем с конца), мы не можем понять, исходя из каких теоретических посылок функция установления истины по уголовному делу отнесена к числу загадочных, причем загадочных для любой уголовно-процессуальной системы. Сам термин «загадочная функция» говорит о том, что уголовный процесс никогда не знал ничего подобного и тем более не знал на законодательном уровне, но как же быть с советским уголовно-процессуальным законодательством, которое хотя и не буквально, но рассматривало объективную истину в качестве цели и даже принципа уголовного процесса. Более того, в теории современного уголовного процесса появилось новое направление «аксиологическая типология», которое рассматривает в качестве специфической разновидности уголовный процесс «алетического типа», главной ценностью которого и является установление объективной истины [9, с. 475–500; 10]. Таким образом, функция установления объективной истины, именуемая сегодня еще и инквизиционной функцией, для уголовного процесса является не загадочной, а вполне ординарной и привычной функцией.

Теперь к тезису О.Я. Баева о том, что А.М. Багмет идет наперекор законодателю и выводит следователя из состава участников со стороны обвинения. По мнению О.Я. Баева, это чистый парадокс. Мы же со своей стороны никакого парадокса здесь как раз не видим. К счастью, Уголовно-процессуальный

кодекс Российской Федерации не регламентирует науку, и положения закона – такой же объект для научного исследования в рамках декартовской установки – «все подвергай сомнению». Мы уже отмечали, что стремление законодателя уложить все многообразие уголовно-процессуальной деятельности в прокрустово ложе трех функций для уголовного процесса не является благом, поэтому А.М. Багмет и пытается вывести следователя из оков этой якобы классической схемы.

Именно в судебном заседании и конкретизируется трехзвенная система функций. Досудебное же производство является весьма условным полем для классического выстраивания сторон. Насколько это поле не «плодородно» для семян всеобъемлющей состязательности, настолько же оно не приспособлено и для дифференциации почти всех участников на две стороны. Представляется, что попытка законодательного закрепления классификации участников уголовного процесса есть опять же своеобразное воплощение состязательной идеологии. Для того чтобы создать среду обитания для состязательности на досудебном этапе, и были почти искусственно образованы эти команды. Во всяком случае, следователь был помещен в состав участников со стороны обвинения сугубо волюнтаристским путем. И в уголовно-процессуальной науке имеется целый ряд авторитетных мнений, которые убедительно доказывают, что следователь в функциональном смысле – субъект более сложный, нежели просто участник со стороны обвинения.

Возвращаясь к цитате А.М. Багмета, нельзя пройти еще мимо одного обстоятельства. Указанный автор в настоящее время представляет особый раздел уголовно-процессуальной науки – науку Следственного комитета России. Наверное, можно спорить о том, что юридическая наука не может делиться по ведомственному принципу, однако если мы внимательно посмотрим на основные концептуальные линии по поводу функциональности следователя, то можем увидеть, что предложения об обособлении инквизиционной (исследовательской) функции по большей части принадлежат ученым,

выросшим в контексте различных подразделений правоохранительной системы. Исключения, конечно же, имеются, но они не отменяют общего правила [11, с. 35; 12, с. 36; 13, с. 46, 47]

Так вот, принадлежность указанного автора к Следственному комитету России свидетельствует о том, что для названного органа этот вопрос об основной функции следователя как функции по установлению истины является идеологическим. По сути, Следственный комитет России пытается позиционировать себя как «орден искателей истины». И в этой связи совсем не случайно именно эта правоохранительная структура предлагала законодательству внедрить в текст закона сам термин «объективная истина».

Конечно же, концептуальное разнообразие не исчерпывается подходами, обозначенными в настоящей статье. Функциональность следователя содержит в себе немало скрытых теоретических проблем. На будущее можно отметить такую проблему, как дифференциация основных функций, например разделение их на «предваряющие» и «коронные». И уже в контексте предваряющего статуса функции рассматривать функциональность следователя. Иными словами, сама проблема системы функций следователя не может быть на сегодняшний день признана не только решенной, но даже и до конца осмысленной. Этой проблеме нужны новые концептуальные подходы.

Примечания

1. *Гуляев А.П.* Следователь в уголовном процессе. Москва, 1981.

2. *Ларин А.М.* Функция процессуального руководства и прокурорский надзор в стадии предварительного следствия // Развитие и совершенствование уголовно-процессуальной формы. Воронеж, 1979.

3. *Азаров В.А., Ревенко Н.И., Кузембаева М.М.* Функции предварительного расследования в истории и практике уголовного процесса России. Омск, 2006.

4. *Якубович Н.А.* Теоретические основы предварительного следствия. Москва, 1971.

5. *Францифоров Ю.В., Ванин Д.В.* Функциональное назначение деятельности следователя и его полномочия в состязательном уголовном процессе. Москва, 2013.

6. *Ратинов А.Р.* Судебная психология для следователей. Москва, 1967.

7. *Багмет А.М.* Анализ целесообразности введения института следственного судьи в уголовное судопроизводство // Российский следователь. 2005. № 11.

8. *Баев О.Я.* Функция следователя и прокурора – уголовное преследование // Судебная власть и уголовный процесс. 2016. № 1.

9. *Васильева Е.Г.* Уголовный процесс: догматико-аксиологическое исследование. Москва, 2013.

10. *Блинков А.П.* Принципы состязательного и объективно-истинного уголовного процесса в деятельности следователя: сравнительный анализ: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2018.

11. *Шейфер С.А.* Российский следователь – исследователь или преследователь? // Российская юстиция. 2010. № 11.

12. *Плюк А.В.* Правовое положение следователя в современном уголовном процессе России // Российская юстиция. 2011. № 3.

13. *Зажицкий В.И.* О процессуальном положении следователя // Государство и право. 2011. № 6.

Научное издание

ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ
В ИССЛЕДОВАНИЯХ
АДЪЮНКТОВ И СОИСКАТЕЛЕЙ

Сборник статей

Выпуск 25

Редакторы *Т.Ю. Булганина, Н.А. Далёкина, В.Н. Николаева*
Компьютерная верстка *А.Е. Герасимовой*
Дизайн обложки *А.Ю. Волковой*

Подписано в печать 07.11.2019. Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 13,5.
Тираж 40 экз. Заказ № 402

Редакционно-издательский отдел
Нижегородской академии МВД России

Отпечатано в отделении полиграфической и оперативной печати
Нижегородской академии МВД России

603144, Н. Новгород, Анкудиновское шоссе, 3